50

Александръ Ярошко.

Р 30
Г 166

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ НА ЮГѢ.

ЕГО

ПРОШЕДШЕЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1894.

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
130003-48

Audiatur et altera pars...

Наша ненормально сложившаяся во многихъ отношеніяхъ экономическая жизнь, въ послѣднее время выдвинула на первый планъ два вопроса громадной важности—переселенческій и рабочій. Причины, породившія ихъ, лежатъ въ одномъ и томъ же—въ малоземеліи. Лѣтъ двадцать тому назадъ, оба эти вопроса были еще въ состояніи зародыша и не носили такого стихійнаго характера, что, впрочемъ, очень не трудно объяснить: нужда въ землѣ не достигла еще до такой крайности и сельско-хозяйственный инвентарь крестьянина не выражался въ удивляющей даже ко всему привыкшихъ статистиковъ цифрѣ—«четверть лошади». Отдѣльныя семьи, которымъ приходилось ужь очень тяжело у себя дома, по большей части изъ числа получившихъ «кошачьи» надѣлы, уходили на югъ въ-одиночку или партіями, не подвергаясь ни административной, ни волостной опекѣ. Односельчанамъ такіе уходящіе были по сердцу, такъ какъ надѣлы ихъ оставались въ пользу общества и увеличивали такимъ образомъ общую площадь принадлежащей деревнѣ земли. Сами эмигранты, за весьма рѣдкими случаями, устраивались очень хорошо, большинство ихъ превратилось въ зажиточныхъ хозяевъ, и теперь не рѣдкость, въ Таврической и Херсонской губерніяхъ и въ Кубанской области, встрѣтить хутора и цѣлыя экономіи, въ нѣсколько сотъ и тысячъ десятинъ, принадлежащія этимъ выходцамъ, явившимся сюда четверть столѣтія тому назадъ почти безъ всякихъ средствъ. Конечно, не всѣ сдѣлались помѣщиками, но и тѣ, которымъ не удалось купить землю въ вѣчность, устроились несравненно лучше, нежели жили на родинѣ. Въ то время новороссійскія и прикубанскія степи представляли собою колоссальную пустыню, съ крайне рѣдкимъ населеніемъ. Земледѣлія и хлѣбопаше-

ства почти не существовало, такъ какъ, при тогдашнихъ цѣнахъ на хлѣбъ, отдаленности отъ рынковъ и отсутствіи путей сообщенія, заниматься производствомъ его не представляло никакой выгоды. Огромныя помѣщичьи земли, захваченныя разными чиновными людьми путемъ обмана и выклянченныя у всесильнаго Потемкина при присоединеніи Новороссіи, тянулись на десятки верстъ, зачастую безо всякаго признака жилья и нерѣдка только пестрѣли на зеленомъ фонѣ дѣвственной степи сѣрые пматки мериносовъ. Крѣпостное право въ Таврической губерніи было очень мало развито и помѣщичьихъ крестьянъ можно было пересчитать по пальцамъ. Села государственныхъ крестьянъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, разросшіеся теперь до величины чуть-ли не городовъ, съ 15—20-ти тысячнымъ населеніемъ, и образованныя почти исключительно изъ ссыльныхъ крестьянъ, которыхъ нагоняли сюда за преступленія, главнымъ образомъ за насилія надъ своими владѣльцами, представляли собою небольшія слободы, затерявшіяся въ степи, гдѣ земли было сколько угодно и пользоваться ею никому не возбранялось. Помѣщики охотно принимали къ себѣ переселенцевъ, предоставляя имъ право пахать, сѣять, заниматься скотоводствомъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, такъ какъ каждый поселявшійся у нихъ человѣкъ, eo ipso поднималъ доходность имѣнія. Общества принимали поселенцевъ желавшихъ приписаться съ распростертыми объятіями и давали имъ надѣлы, равные съ прочими *). Основной господствовавшій принципъ выражался въ слѣдующей фразѣ: земли сколько хочешь, въ вѣкъ ее не перепашешь. Тѣ, которымъ не по сердцу были Херсонскія и Таврическія степи, уходили въ Черноморье, записывались въ казаки, или устраивались тамъ хуторами, рядомъ съ казачьими станицами, арендуя у казаковъ землю за гроши. Изъ этихъ-то хуторовъ образовались тѣ крупныя, богатыя селенія «иногородныхъ», которыя, словно бѣльмо въ казачьемъ глазу, сидятъ почти возлѣ каждой станицы, вызывая глухую вражду и зависть казаковъ.

Такъ было четверть вѣка тому назадъ. Вся эмиграція изъ среднихъ

*) Казна, сдѣлавшаяся обладательницей земель только что эмигрировавшихъ татаръ и ногайцевъ, охотно отводила участки соединявшимся въ общества поселенцамъ, предоставляя имъ право выбора. Мы знаемъ случаи, когда поселенцы нѣсколько разъ мѣняли выбранныя земли и никто имъ препятствія въ этомъ не чинилъ.

губерній направлялась тогда исключительно на югъ и прочно осѣдала здѣсь. Но вотъ прорѣзала степи желѣзная дорога, открылся путь къ морю, явился спросъ на хлѣбъ, который достигъ цѣны никогда не бывалой до того времени. Южно-русскія степи стали терять свой дѣвственный колоритъ; цѣлина все болѣе и болѣе исчезала и смѣнялась посѣвами пшеницы, ржи, льна. Цѣнность земли страшно пошла въ гору и въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ возросла въ десять разъ больше. Началось азартное пшеничное хозяйство, осыпавшее въ первые годы предпріимчивыхъ людей золотомъ. При стоимости земли въ 15—20 рублей за десятину, при копѣечной арендной платѣ, пшеница, дававшая баснословные урожаи, платилась по 12—15 рублей за четверть. Южнорусское хозяйство сразу приняло другое направленіе; къ этому времени относится массовый переходъ земли изъ рукъ въ руки: сотни тысячъ десятинъ помѣщичьихъ имѣній перешли въ руки нѣмцевъ и крестьянъ. Нѣмцы бросились въ Крымъ и закупили въ короткое время у сбитыхъ съ толку быстро растущими цѣнами владѣльцевъ сразу половину перекопскаго уѣзда. Отсюда они начали производить дальнѣйшія скупки въ сосѣднихъ степныхъ уѣздахъ. Новые хозяева принимались прежде всего за сплошную распашку и засѣвъ степи.

Съ повышеніемъ цѣнъ на землю, повысилась пропорціонально и аренда, какъ денежная, такъ и натуральнья. Условія, существовавшія раньше и выражавшіяся въ платѣ владѣльцу земли (денежная аренда была въ меньшемъ ходу) десятой части урожая, быстро отошли въ область преданія и замѣнились новыми, настолько тяжелыми, что «десятинщики», т.-е. безземельные, жившіе прежде на помѣщичьихъ земляхъ и платившіе аренду натурою, въ большинствѣ случаевъ совершенно разорились и принуждены были, частью уйти въ другія мѣста, частью изъ хозяевъ обратились въ батраковъ. Владѣльцы, еще такъ недавно видѣвшіе все свое спасеніе въ десятинщикахъ, теперь, при измѣнившихся условіяхъ, стали прижимать ихъ всякими способами, чтобы заставить уйти; что же касается до нѣмцевъ, болгаръ и зажиточныхъ крестьянъ, то они, при покупкѣ имѣній, ставили какъ condicio sine qua non, обязательное выселеніе всѣхъ десятинщиковъ и арендаторовъ въ первый же годъ. Эта эпоха совпала какъ разъ съ періодомъ полнѣйшаго разоренія татарскаго дворянства, владѣвшаго въ Крыму огромными землями. На этихъ земляхъ, составлявшихъ при

ханскомъ владычествѣ собственность государства и захваченныхъ мурзами послѣ присоединенія края къ Россіи совершенно незаконнымъ образомъ, споконъ вѣка жили, одураченные своими господами, поселяне-татары, на правахъ арендаторовъ-десятинщиковъ.

Новыя вѣянія отразились на ихъ судьбѣ самымъ печальнымъ образомъ. Болѣе трехъ четвертей мурзацкихъ земель, промотанныхъ своими владѣльцами въ грязныхъ трактирахъ Карасубазара и Симферополя, перешло въ руки другихъ національностей, преимущественно поселянъ, которые начали съ того, что воздвигли поголовное гоненіе на доставшихся имъ съ мурзацкими землями татаръ. Несчастныхъ бѣдняковъ, безропотно переносящихъ всѣ сыплющіеся на нихъ удары судьбы, никогда никому и ни на кого не жалующихся, дрожащихъ передъ всякою кокардою, гнали всѣ и отовсюду. Наконецъ дошли до того, что стали выгонять ихъ даже съ земель, составлявшихъ ихъ собственность, или принадлежавшихъ «вакуфамъ». Много темныхъ страницъ можно было бы внести въ эту исторію, но это не входитъ въ нашу задачу. Еще недавно въ мѣстныхъ газетахъ были разсказаны возмутительныя продѣлки сына перекопскаго богатаго помѣщика, тоже татарина, крупнаго южнаго владѣльца, съ цѣлою татарскою деревнею. Въ результатѣ образовался значительный безземельный татарскій пролетаріатъ, о которомъ время отъ времени подымаются разговоры въ печати. Этотъ хорошій, честный народъ, на долю котораго выпала такая печальная участь, вымираетъ потихоньку, гдѣ-то на окраинахъ крымскихъ городовъ, не безпокоя начальства.

Цѣлыя сотни семей живутъ впроголодь, въ то время какъ десятками тысячъ десятинъ вакуфной земли *) пользуются различные проходимцы.

Само собою разумѣется, перемѣна всего экономическаго строя жизни новороссійскихъ степей, прежде всего отразилась на переселенцахъ. Принципъ: «земли сколько хочешь, въ вѣкъ ее не перепашешь», теперь кажется пустою фразой. Цѣлые уѣзды представляютъ собою сплошную распаханную ниву,—цѣль и стремленіе каждаго хозяина, начиная отъ крупнаго помѣщика и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, вспахать и засѣять какъ можно больше. Объ экстенсивности такой системы го-

*) Вакуфы—земли, завѣщанныя благочестивыми магометанами на различныя дѣла благотворенія: мечети, школы и т. д.

ворить нечего,—въ будущемъ она сама дастъ знать себя, да и теперь уже сказывается въ постоянномъ пониженіи урожайности.

Самая сильная почва не можетъ вынести безсмѣнной пашни, а между тѣмъ мы знаемъ множество хозяйствъ и деревень, гдѣ землѣ не даютъ отдыха и засѣваютъ ее изъ года въ годъ разнымъ хлѣбомъ. Лишь бы больше—«не въ качествѣ дѣло, а въ количествѣ»,—вотъ господствующій девизъ современнаго новороссійскаго хозяина. Когда азартное посѣвное хозяйство достигло своей кульминаціонной точки, когда началась бѣшеная погоня за землею и цѣны на нее росли не по днямъ, а по часамъ, переселенцамъ дальнѣйшая дорога на югъ была закрыта.

Являясь сюда со слабыми средствами, а зачастую и вовсе безъ всякихъ средствъ, они не могли теперь конкуррировать съ мѣстнымъ разбогатѣвшимъ населеніемъ. Аренда денежная сдѣлалась имъ недоступна, пускать ихъ въ качествѣ десятинщиковъ владѣльцы перестали, общества новыхъ членовъ не принимали безусловно, надежда на казенные надѣлы была утрачена *). Тѣ, которые шли сюда раньше—разбогатѣли, тѣ, которые пришли позже, кончали тѣмъ, что нанимались служить или шли дальше на Кавказъ, гдѣ попадали въ аналогичныя условія. «Вамъ здѣсь нѣтъ мѣста»—вотъ тѣ первыя слова, которыя они слышали вездѣ, куда ни приходили. Съ того времени переселенческая волна, увеличившись до громадныхъ размѣровъ, убѣдившись, что на югѣ искать нечего, хлынула на востокъ. Что тамъ происходитъ, объ этомъ интересующіеся этимъ вопросомъ знаютъ изъ газетъ и журналовъ. На югъ

---

*) Огромные участки казенной земли къ этому времени значительно сократились, такъ какъ изъ нихъ нарѣзывали не только надѣлы переселенцамъ, но и многія тысячи десятинъ лицамъ администраціи, за какія-то заслуги. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были поразительные случаи, когда незначительные губернскіе чиновники получали, неизвѣстно за что, по сотнѣ и болѣе десятинъ (при стоимости до 200 руб. за десятину) въ богатѣйшемъ бердянскомъ уѣздѣ. Въ концѣ концовъ было признано въ министерствѣ, что остатокъ степныхъ казенныхъ земель въ Таврической губ. настолько невеликъ, что долженъ цѣликомъ быть зачисленъ въ фондъ будущаго, исключительно для мѣстнаго населенія. Поэтому понятно, какую сенсацію произвелъ на мѣстѣ распространившійся въ прошломъ году слухъ, будто сюда должны явиться какіе-то сербы, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ, которымъ будетъ, по старой памяти, нарѣзано по 40 десятинъ на семью. Слухъ этотъ оказался, къ счастью, ложнымъ.

теперь идутъ только изрѣдка одиночки, пробирающіеся уже куда-то въ Карскую область, къ Каспійскому морю, или же имѣющіе на Кубани поселившихся тамъ богатыхъ родичей, по вызову послѣднихъ. Разумѣется, это капля въ морѣ, и идущіе одиночки даже не пробуютъ устроиться здѣсь, зная, что это для нихъ невозможно. Но сильное и быстрое развитіе хлѣбопашества, чрезмѣрныя, непосильныя запашки, выживши изъ новороссійскихъ степей переселенца, ищущаго мѣста, гдѣ бы онъ могъ твердо обосноваться, вызвали потребность въ огромномъ количествѣ рабочихъ рукъ, которыхъ край самъ по себѣ доставить не могъ. Вотъ на этой-то почвѣ и возникъ пресловутый рабочій вопросъ, грознымъ пятномъ стоящій теперь на фонѣ южно-русской сельскохозяйственной жизни. Вопросъ этотъ представляетъ настолько огромный интересъ, что мы попробуемъ подѣлиться съ интересующимися кое-какими данными, собранными нами путемъ десятилѣтнихъ личныхъ наблюденій, а также почерпнутыми изъ свѣдѣній газетъ, отчетовъ земскихъ управъ и т. п., напередъ прося читателей быть снисходительными къ нашей скромной работѣ, имѣющей главнымъ образомъ намѣреніе сказать ту правду, которая, къ сожалѣнію, отсутствуетъ въ черезчуръ тенденціозныхъ отзывахъ, попадающихся въ печати. Эта тенденціозность слишкомъ понятна, ибо читателямъ приходится знакомиться со взглядами и мнѣніями одной заинтересованной въ данномъ дѣлѣ стороны—хозяевъ. Со стороны рабочихъ, конечно, до сихъ поръ никто не выступалъ въ печати въ защиту своихъ интересовъ, никто не составлялъ проектовъ объ урегулированіи, а если въ защиту ихъ человѣческихъ правъ и появлялись иногда статьи, то большая часть ихъ носила общій характеръ и ничего новаго не представляла. Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ нигдѣ не было помѣщено мало-мальски полной картины быта пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Новороссіи.

II.

Собственно говоря, рабочій вопросъ, какъ «вопросъ» и притомъ принимающій все болѣе и болѣе острый характеръ, возникъ на почвѣ новороссійскихъ степей лѣтъ 10—12 тому назадъ. Рабочее движеніе на югъ изъ внутреннихъ губерній существовало гораздо раньше, еще во времена крѣпостного права, хотя въ несравненно меньшихъ раз-

мѣрахъ и не обращало на себя серьезнаго вниманія, какъ не обращали тогда вниманія и многія другія стороны народной жизни. Выше мы упомянули, что въ Новороссіи, особенно въ Таврической губерніи*), крѣпостное право было развито очень слабо и число крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, выражалось самою ничтожною цифрой. Несмотря на первобытную культуру, выражавшуюся почти исключительно въ скотоводствѣ и овцеводствѣ, потребность въ пришлыхъ рабочихъ чувствовалась всегда,— нужны были пастухи и чабаны при многочисленныхъ стадахъ, необходимо было запасаться на зиму сѣномъ. Къ услугамъ владѣльцевъ являлись тысячи выходцевъ изъ внутреннихъ губерній, причемъ главнымъ рынкомъ для найма служила знаменитая Каховка, съ ея двумя ярмарками, теперь постепенно утрачивающими свое значеніе. Контингентъ пришельцевъ пополнялся, главнымъ образомъ, свободными малороссійскими казаками, помѣщичьими крестьянами, отпущенными владѣльцами на оброкъ и бѣглыми. Послѣднихъ было всегда достаточно, въ степяхъ они были почти въ полной безопасности отъ нашествія полицейской власти, а хозяева охотно скрывали и держали ихъ у себя, какъ людей болѣе дешевыхъ, къ тому же, въ силу своего нелегальнаго положенія, попадавшихъ къ нимъ въ полную зависимость. По разсказамъ стариковъ, почти всѣ являвшіеся тогда рабочіе находили себѣ дѣло и назадъ никому не приходилось возвращаться. Но бывали и тогда неурожайные годы, когда степныя травы выгорали до корня подъ палящими лучами солнца и степь представляла собою совершенно голую пустыню, по которой бродили отощавшіе стада овецъ. Тогда повторялась та же самая исторія, свидѣтелями которой такъ часто приходится быть намъ теперь: голодныя толпы ненашедшихъ себѣ дѣла рабочихъ, пройдя въ этихъ поискахъ болѣе 1.000 верстъ, возвращались домой, побираясь въ дорогѣ христовымъ именемъ. Первыя свѣдѣнія о такихъ неудачныхъ путешествіяхъ намъ случалось находить въ газетахъ и журналахъ шестидесятыхъ годовъ. Приходится вспомнить пословицу, что ничто не ново подъ луною и все, что кажется новымъ, есть только хорошо забытое старое.

---

*) Таврическая губернія всегда преимущественно привлекала рабочихъ своимъ богатствомъ и высокою заработною платой, которая для всей Новороссіи вообще представляла maximum. Въ силу этого, отправляясь на заработки, рабочій, не разбирая географическихъ границъ, говорилъ, что онъ идетъ въ „Таврію“. „Таврія—золотое дно“, говоритъ одна народная поговорка.

Движеніе рабочихъ на югъ повторяется каждый годъ въ одно и то же время, съ правильностью морского прилива. Періодъ начала его зависитъ отъ болѣе или менѣе отдаленнаго мѣстожительства рабочаго и избраннаго имъ способа передвиженія. Главный контингентъ рабочихъ для Новороссіи даютъ малорусскія губерніи: Полтавская, Кіевская и Черниговская, въ меньшемъ количествѣ встрѣчаются представители многихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній. Самый обычный способъ передвиженія—это пѣшкомъ, или водою по Днѣпру, изъ уѣздовъ и селъ, расположенныхъ по теченію рѣки. Обыкновенно, еще зимою собирается партія, большею частью односельчанъ, которые составляютъ артель. Кто-либо изъ членовъ артели покупаетъ лошадь и повозку, на которую складываются убогіе пожитки отправляющихся въ дорогу и взятыя въ дорогу харчи. Каждый рабочій беретъ съ собою двѣ перемѣны бѣлья, свиту или сѣрякъ, старается запастись провіантомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы хватило не только до мѣста, но, въ случаѣ надобности, осталось и на обратный путь. Харчи состоятъ главнымъ образомъ изъ житныхъ сухарей, затѣмъ муки для галушекъ, пшеничной или гречневой, крупы и сала. Какъ лакомство, захватывается изъ дому, у кого есть, нѣсколько «паляницъ» и «гречаниковъ» и, на всякій случай, немного денегъ. Несмотря на такіе скудные запасы, не легко рабочему выбраться изъ дому. Матеріальная нужда къ веснѣ достигаетъ своихъ наивысшихъ размѣровъ, въ домѣ не только нѣтъ денегъ, но часто не изъ чего испечь и хлѣба. А безъ денегъ нечего и думать собираться въ путь. Прежде всего нужно отправиться въ волость и выправить надлежащій паспортъ. Всякій отправляющійся расчитываетъ пробыть на заработкахъ по крайней мѣрѣ до Покрова (1-го октября), а полугодовой билетъ стоитъ около рубля, да при этомъ почти никогда не обходится безъ того, чтобы волостной писарь, для котораго время выхода рабочихъ составляетъ своего рода жатву, не сорвалъ по мѣрѣ силъ и возможности на «магарычъ». Сплошь и рядомъ эти расходы оказываются непроизводительными въ тѣхъ случаяхъ, когда не нашедшему мѣста рабочему приходится возвратиться ни съ чѣмъ обратно. Въ этомъ отношеніи самымъ практичнымъ народомъ оказываются кіевцы. Сколько намъ ни приходилось нанимать черниговцевъ и полтавцевъ, всѣ они запасаются почему-то непремѣнно полугодовыми паспортами, тогда какъ кіевцы, наученные горькимъ опытомъ, ограничиваются мѣсячными билетами, стоющими

всего гривенникъ. «Найду мѣсто,—разсуждаютъ они, — проживу и по этому билету, а не найду, все лучше десять копѣекъ потерять, чѣмъ рубль». И совершенно правы. Какая разница для деревенскаго человѣка между гривенникомъ и рублемъ, объ этомъ и говорить нечего. За что, напримѣръ, платить «за бумагу» рубль мальчишкѣ, который все лѣто работаетъ за десять рублей? А какъ достаются эти нужныя на дорогу деньги, лучше всего можно видѣть изъ одного изслѣдованія отхожихъ промысловъ *), гдѣ, между прочимъ, говорится: «Обыкновенно у крестьянина, собирающагося въ путь, прекращаются къ апрѣлю мѣсяцу всякіе запасы. Слѣдовательно, нужныя на дорогу деньги должны быть заняты, а могутъ они быть заняты только у кулаковъ и міроѣдовъ, которые знаютъ, когда можно поприжать крестьянина и дѣйствительно прижимаютъ въ полномъ смыслѣ этого слова, беря съ него 120% и болѣе годовыхъ. Но и такихъ рабочихъ, которые могли бы воспользоваться кредитомъ на этихъ тяжелыхъ условіяхъ, сравнительно немного. Для этого все-таки нужна извѣстная кредитоспособность. Большинству же приходится продавать предметы первой необходимости, чтобы какъ-нибудь двинуться съ мѣста».

Но вотъ деньги найдены, харчи приготовлены и въ назначенный заранѣе день, артель, состоящая душъ изъ 15—25, рано утромъ трогается изъ роднаго села, напутствуемая добрыми пожеланіями близкихъ. Намъ приходилось присутствовать при такихъ выступленіяхъ рабочихъ въ далекую дорогу, въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ и они всегда производили на насъ самое трогательное впечатлѣніе. Молча выступаетъ партія за околицу, провожаемая толпою родныхъ и друзей. Матери плачутъ, выряжая въ чужую сторону, на тяжелую работу, впервые своихъ дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и хлопцевъ, нерѣдко еле перешагнувшихъ 14-ти-лѣтній возрастъ. Что-то будетъ съ ними тамъ, вдали отъ любящаго материнскаго глаза, между чужими людьми, всегда готовыми обидѣть слабаго и беззащитнаго. Да и есть о чемъ задуматься. Мало ли этой здоровой, цвѣтущей молодежи остается въ степяхъ на вѣки вѣчныя, присыпанной легкимъ бугоркомъ земли, на которомъ никто никогда не заплачетъ. Еще больше вернется домой надорванными, искалѣченными молотилками, жатвенными машинами, полуослѣпшими отъ солнечныхъ лучей и степной пыли. Сколько дѣвушекъ по-

*) Земствомъ Черниговской губерніи.

гибаетъ безвозвратно, становясь вначалѣ жертвою разнузданныхъ страстей разныхъ «панычей», прикащиковъ, а потомъ боящихся уже вернуться домой опозоренными и идущихъ по проторенной дорожкѣ. Невеселыя мысли—и проклянется въ глубинѣ души не разъ эта «золотая Таврія», куда гонитъ бѣдноту безпросвѣтная нужда. Но вотъ и первый пригорокъ. Здѣсь послѣднее прощаніе, нерѣдко принимающее характеръ душераздирающей сцены и артель трогается дальше. Бойко выступаетъ впереди маленькая лошаденка, влача нагруженный до верху вещами возъ. Не весело чувствуютъ себя всѣ идущіе и не разъ обернется каждый, чтобы посмотрѣть на родное село, перекреститься на церковь. Вотъ кто-то попробовалъ сѣострить, но острота осталась безъ отклика. Люди семейные, бывалые, угрюмо сосутъ трубки и думаютъ свою думу. Удастся ли пристроиться, будутъ ли хорошія цѣны, порадуетъ ли въ Тавріи урожай, или же засуха уничтожила тамъ все, и придется ли тогда идти въ Черноморье, гдѣ можетъ-быть не лучше, чѣмъ въ Тавріи. Ничего никому неизвѣстно, и все будетъ, какъ Богъ дастъ. Могущественное русское „авось“ фигурируетъ, какъ и всегда, на первомъ планѣ. А впереди долгая, утомительная дорога, то по колѣна въ грязи, то по растрескавшимся отъ засухи кочкамъ; опухнутъ ноги, потрескается кожа на лицѣ отъ горячихъ лучей южнаго солнца, на глаза нападетъ куриная слѣпота—и все это изъ-за того, чтобы зачастую, еле добредши до Каховки, черезъ нѣсколько дней возвращаться обратно ни съ чѣмъ. Не до шутокъ тутъ и, въ уровень съ общимъ настроеніемъ, дивчата затягиваютъ заработную пѣсню *), которую позволимъ себѣ здѣсь привести цѣликомъ:

---

*) Кстати нѣсколько словъ о народной малорусской пѣснѣ. Она утратила свой прежній колоритъ; отъ казацкихъ историческихъ думъ и пѣсенъ остались одни только жалкіе обрывки, которые, часто совершенно безсмысленно, связываются въ одно цѣлое. Жизнь ушла впередъ, герои пѣсни старой Украйны позабыты и уступили мѣсто различнымъ конторщикамъ, прикащикамъ, „панычамъ“, которые фигурируютъ, большею частью въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, въ современной пѣснѣ. Новыхъ заработныхъ пѣсенъ великое множество, между ними большинство отличаются циничнымъ характеромъ, но попадаются и грустныя, полныя чувства, хорошо обрисовывающія жалкое положеніе рабочаго. Намъ не приходилось въ печати встрѣчать ни одной изъ нихъ. Приводимая выше пѣсня принадлежитъ къ числу наиболѣе любимыхъ дивчатами Кіевской губ. Замѣчательная вещь, онѣ почти никогда не кончаютъ ее безъ слезъ.

„Ой поможы Боже до Покрова дожыты,
Зъ свого хозяіна росчетъ получіты.
Ставайте дівчата, помолымось Богу,
Дыждемо Покрова, підемъ разомъ до дому.
А прійшлы мы до домоньку вже пізненько не раненько,
Ой відчыны ненько, перерветця серденько.
Выйшла маты зъ хаты, стала тяжко позыхаты,
Стала своіхъ дітокъ гірко проклынаты:
„Де літо робылы, то не було чуткы й вісты,
А теперь прыйшлы на зіму готового хліба йисты".—
„Не лай ненько, не лай ненько, не завдавай серцю жалю,
Мы весну почуемъ, то зновъ Крымъ помандруемъ.
Якъ бы-жъ то ты ненько знала, яке лыхо у дорозі,
Що перетрясешься на лютымъ морозі,
Та що прымешь горя прі чумацькімъ возі".

Дальше пѣсня говоритъ о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаютъ рабочіе, каждый годъ отправляясь изъ дому:

„Ой хвалылысь хлопці у Таврію йдучі,
Що будемъ носыты зъ кітайкі онучі,
Зъ кітайкі онучі й чоботы сапьянці,
А вертаемся до дому, повылазялы й пальці".

И затѣмъ, въ иронической формѣ, обрисовываются тѣ посулы, которыми прельщаетъ хозяинъ рабочаго при наймѣ его:

„Якъ пісалы німці до кіевскіхъ хлопцівъ вісты,
Пріходіте хлопці до насъ щукі-рыбы йисты.
А кіевські хлопці назадъ німцямъ лісты одпісалы,
Не брешіте німці, насъ каньеромъ годувалы"...

Обыкновенно ежедневные переходы партій, идущихъ при подводѣ, не превышаютъ 25—30 верстъ. Весь путь до Каховки изъ болѣе сѣверныхъ уѣздовъ полтавщины равняется 500 верстамъ и болѣе, изъ другихъ мѣстъ немного ближе. Идущіе при подводѣ обязательно совершаютъ его пѣшкомъ, такъ какъ владѣлецъ воза и лошади, и безъ того везущей пудовъ 20, а то и 30 клажи, безусловно не позволяетъ никому садиться, развѣ только разрѣшитъ это на короткое время какой-либо дѣвушкѣ, которая до того подобьется, что идти ей положительно не въ-моготу. Что представляютъ изъ себя ноги этихъ пѣшеходовъ, когда они добредаютъ до ярмарки, можно себѣ представить легко. Ужь если кожа на лицѣ сплошь облазитъ, то о ногахъ и го-

ворить нечего. Когда сухо и пыльно, босикомъ идти еще ничего, говорятъ рабочіе, но если грязь захватитъ,—а бываетъ это нерѣдко,—то совсѣмъ бѣда, особенно дивчатамъ,—тяжелые чоботы страшно „мулятъ“ ногу, которая пухнетъ, покрывается ссадинами, мозолями. Каждый шагъ доставляетъ невыразимыя мученія, а идти надо,—не оставаться же въ дорогѣ одной. Партія не ждетъ, она спѣшитъ поспѣть во-время къ ярмаркѣ, чтобы не прозѣвать наемку, и, въ силу обстоятельствъ, не можетъ заботиться о приставшихъ или заболѣвшихъ членахъ артели. И вотъ, въ порывѣ отчаянія, дѣвушка сбрасываетъ чоботы и шагаетъ босикомъ по холодной весенней грязи, подергивающейся еще по утрамъ ледяною корой. Такъ все-таки легче. Отсюда-то вѣроятно та масса больныхъ ревматизмами женщинъ въ малорусскихъ деревняхъ, которую намъ приходилось встрѣчать. Мы часто удивлялись, когда совсѣмъ молодыя бабы жаловались на страшныя боли въ ногахъ, и по распросѣ почти всегда оказывалось, что онѣ „якъ дівувалы, то ходылы у Таврію на заробіткы“.

Собственно дорожныхъ расходовъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у рабочихъ мало. Провіантъ во все время двухнедѣльнаго, а то и трехнедѣльнаго путешествія, у нихъ свой. Ѣдятъ три раза: утромъ, выступая въ дорогу, въ обѣдъ и вечеромъ, причемъ варится попеременно, или каша, или галушки (у полтавцевъ—пшеничныя, у кіевцевъ большею частью гречаныя). Провизія расходуется съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ израсходованіи ея каждый пайщикъ несъ равную долю.

Да и тутъ съ мукою, саломъ и крупою обращаются очень экономно, какъ съ продуктами очень дорогими, такъ что отвѣчать приходится большею частью «святымъ» сухарямъ. Ими запасаются въ изобиліи и они-то служатъ главнымъ источникомъ питанія рабочихъ въ дорогѣ. Болѣе запасливые набираютъ столько, что у нихъ, по приходѣ уже на мѣсто службы, остается еще по полмѣшка сухарей (хохлацкіе мѣшки не большіе, «лантухи», мѣрки въ полторы зерна). Они первымъ дѣломъ стараются припрятать ихъ въ укромное мѣстечко, чтобы не тратиться на харчи во время обратнаго пути. Владѣлецъ подводы беретъ въ свою пользу по рублю и больше съ человѣка, но за то онъ содержитъ лошадь въ дорогѣ на свой счетъ. По большей части это тоже рабочій, который, по приходѣ на ярмарку, спѣшитъ продать лошадь, возъ и самъ становится на мѣсто. Но иногда, когда

годъ плохой, онъ идетъ съ партіею дальше, добираясь до Керчи, до крайнихъ станицъ Кубанской области. Иногда случается и такъ, что подводчикомъ является кто-нибудь изъ деревенскихъ «дідывъ», задумавшихъ пуститься въ коммерцію.

Доставивши рабочихъ въ Каховку, дідъ покупаетъ на полученныя отъ нихъ деньги какого-нибудь товару, вродѣ рыбы, или же отправляется за Перекопъ и набираетъ изъ озеръ соль, благо она здѣсь ни по чемъ, а затѣмъ везетъ ее домой и барышуетъ.

Эти подводчики не всегда имѣютъ лошадей—многіе изъ числа ихъ являются сюда на волахъ. Разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ время, употребляемое на путь, еще болѣе удлиняется. Но положеніе артелей, идущихъ при возѣ, несравненно удобнѣе и лучше положенія тѣхъ многочисленныхъ партій, которыя идутъ просто, безъ повозки, и должны тащить всѣ свои вещи и припасы на своихъ плечахъ. Рабочій путешествующій при возѣ, идетъ налегкѣ, а когда ему жарко, онъ даже сбрасываетъ на повозку сѣрякъ и маршируетъ въ одной рубахѣ. На привалѣ, гдѣ-нибудь на грязной, заваленной полуаршиннымъ слоемъ навоза площади мѣстечка или убогаго городка, у него есть сборный пунктъ, свой возъ, у котораго онъ можетъ и выспаться спокойно и поѣсть. Затѣмъ онъ обезпеченъ горячею пищей, такъ какъ казанокъ и всѣ необходимыя принадлежности — всегда на возу. Пѣшеходамъ не приходится носиться со всѣми этими прецендалами,—имъ и безъ нихъ тяжело,—такъ что они зачастую весь путь проходятъ на полнѣйшемъ сухоядѣніи. Къ тому же, ихъ отовсюду гоняютъ, съ площади, съ улицъ, гонятъ деревенскія власти, гонитъ полиція. Прежде, въ очень еще недавнія времена, одновременно съ рабочими выходили изъ Малороссіи въ Крымъ огромныя чумацкія валки. Шли они сюда фуровать солью, лѣсомъ, доставкою овчины и кожъ на полтавскую ильинскую ярмарку и изъ дому трогались налегкѣ, хотя немногіе везли сало, табакъ-махорку и несложные предметы работы мѣстныхъ кустарей, вродѣ яремъ, простой деревянной посуды и т. п. Чумаки щеголяли одинъ передъ другимъ крѣпкою справою, рослыми, сильными волами и охотно брали за небольшую плату тѣхъ сиромахъ, которые не могли сбиться и на подводу. Но теперь этого уже нѣтъ. Чумацкій промыселъ, тридцать лѣтъ тому назадъ находившійся въ полномъ разцвѣтѣ, совершенно погибъ. Мы десять лѣтъ подъ-рядъ, регулярно посѣщаемъ каждую никольскую ярмарку въ Каховкѣ и

помнимъ еще, что, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, приходившія сюда чумацкія валки насчитывались десятками, подводъ по тридцати-пятидесяти въ каждой. Обыкновенно дорогу отъ Перекопа до Каховки, на протяженіи 75 верстъ, приходилось дѣлать ночью, чтобы не зарѣзать лошадей, такъ какъ всѣ придорожные колодцы откупались *) чумаками, которые не пускали къ корытамъ постороннихъ, цѣлый день качая воду своей худобѣ.

Затѣмъ съ каждымъ годомъ ихъ становилось все меньше и меньше, а въ послѣднюю ярмарку мы только и видѣли одну незначительную валку, подводъ изъ пятнадцати. Это, очевидно, послѣдніе изъ могиканъ, все еще борящіеся съ неумолимою судьбою. Чумачество—это чадо запорожья и казачества, оставившее намъ цѣлый циклъ чудныхъ, навѣянныхъ привольною степною жизнью, пѣсенъ, легендъ и сказокъ—сыграло свою роль и погибло, какъ родившее его казачество. Исчезли «волы круторогі», вымеръ типъ настоящаго чумака, могучаго какъ дубъ, съ длинною чуприною на выбритой головѣ, съ усами, которые во время ѣды завязывались бантомъ на затылкѣ, съ его «чарами» и «характерствомъ», заставлявшими изсякать воду въ колодцахъ у прижимистыхъ помѣщиковъ. Убила чумака, который пригонялъ прежде въ Крымъ около двухсотъ тысячъ подводъ ежегодно, желѣзная дорога, низкая цѣна на соль и открытіе копей соли-каменки въ другихъ мѣстахъ, съ которыми крымскія соляныя озера, по дальности расположенія своего, конкуррировать не могутъ. Съ другой стороны, обширныя степи, выкармливавшія прежде десятки тысячъ чумацкихъ воловъ, обратились въ несмѣняемую пашню, а отведенныя правительствомъ такъ-называемыя «чумацкія дороги», шириною мѣстами въ двѣ версты, были захвачены частными владѣльцами, къ землямъ которыхъ онѣ прилегали. Въ памяти населенія до сихъ поръ образъ чумака сохранился такимъ, какимъ онъ былъ въ лучшую пору разцвѣта чумацкаго промысла, причемъ много можно еще услышать легендъ о

*) Въ степи за водопой изъ колодцевъ (а другого водопоя здѣсь нѣтъ) владѣльцы ихъ берутъ плату, обыкновенно въ 5—7 копѣекъ отъ пары лошадей или воловъ. При этомъ приходится качать воду съ глубины 20 — 30 саженей. Пока деревянная бадья опустится внизъ и подымется вверхъ, проходитъ минутъ пять, дѣло идетъ очень медленно и пройдетъ нѣсколько часовъ, пока чумацкая валка перепоитъ свою „худобу“, а пока они этого не кончатъ, то другимъ воды не дадутъ. Всякому своя рубаха ближе къ тѣлу.

«характерствѣ», т.-е. о колдовствѣ чумаковъ. Чумакъ и «характерникъ»—понятія не разрывныя. «Воны не вчены,—говоритъ народъ,—чвалаямы ходять, нічого не знають, а бісывъ проводять».

Итакъ, самая большая часть рабочихъ, идущихъ на югъ, избираетъ указанный нами выше способъ передвиженія, требующій массу времени и сопряженный со многими неудобствами и лишеніями, но вѣдь правомъ выбора рабочій не располагаетъ. Что ему за дѣло до того, что тутъ же рядомъ бѣжитъ чугунка, могущая за сутки доставить на мѣсто, до котораго приходится брести пѣшкомъ двѣ недѣли? Но за то, чтобы сѣсть на чугунку, нужно вынуть десять рублей, а у кого изъ рабочихъ они найдутся, не говоря уже о томъ, что эта сумма нерѣдко составляетъ четвертую часть полугодового заработка? Къ тому же нужно думать еще объ обратномъ пути, который рабочими почти всегда (за исключеніемъ нанявшихся и не нашедшихъ работъ, возвращающихся назадъ нерѣдко прямо съ каховской ярмарки) совершается смѣшанно, по желѣзной дорогѣ и на днѣпровскихъ пароходахъ, смотря по мѣсту расположенія ихъ уѣздовъ. Но осенью другой разговоръ; тогда образуются такъ называемые рабочіе поѣзда, за проѣздъ въ которыхъ плата взимается въ половину меньшая ($^3/_4$ коп. съ версты) противъ тарифа третьяго класса. Кромѣ того, тогда всѣ при деньгахъ и спѣшатъ домой до морозовъ, хотя незначительное меньшинство, особенно изъ числа служащихъ въ Херсонской губерніи, получивши на Покровъ разсчетъ, совершаютъ и обратный путь «per pedes apostolorum». Весною, несмотря на то, что рабочее движеніе идетъ каждый годъ въ одно и то-же время, желѣзная дорога почему то считаетъ лишнимъ дѣлать нуждающейся массѣ какія-либо уступки. Разумѣется, во всякой другой странѣ показалось бы абсурдомъ, что рядомъ съ желѣзнымъ путемъ, по которому зачастую возятъ пустые вагоны, плетутся пѣшкомъ тысячи людей, тратя непроизводительно на это путешествіе цѣлыя недѣли. Англичанинъ, выработавшій поговорку — «время деньги», назвалъ бы это преступленіемъ; но что-же прикажете дѣлать, если, при существующихъ условіяхъ, нѣтъ выхода изъ этого ненормальнаго положенія и не предвидится его скоро?

Для всѣхъ партій, идущихъ пѣшкомъ, Херсонская губернія служитъ какъ бы воротами. Кіевцы и крестьяне александрійскаго уѣзда проходятъ ее сплошь, полтавцы, переправившись черезъ Днѣпръ въ Кременчугѣ, держатъ путь прямо на Переславъ, откуда втрич-

но переправляются черезъ Днѣпръ, чтобы попасть въ расположенную на противуположномъ берегу Каховку. Рабочіе не идутъ одною дорогой,—напротивъ, вся восточная часть херсонщины изрѣзана путями, по которымъ движутся ихъ партіи.

Мы не будемъ здѣсь перечислять ихъ, находя это совершенно излишнимъ, повторимъ только еще разъ, что конечную цѣль для идущихъ представляетъ Каховка, куда и сходятся всѣ къ 9-му мая. Другой путь, которымъ слѣдуетъ меньшая часть рабочихъ (но все-таки весьма значительная), исключительно изъ уѣздовъ, расположенныхъ надъ Днѣпромъ, преимущественно чигиринскаго, Кіевской губерніи, кременчугскаго и золотоношскаго, Полтавской, это — путь водный. Въ такихъ случаяхъ дорога совершается или на «дубахъ», или на днѣпровскихъ пароходахъ. Дубомъ называется большая длинная лодка, грубо сдѣланная исключительно изъ дерева, въ которой даже связью досокъ служатъ тоже не желѣзные гвозди, а деревянные «тибли». Стоимость дуба на мѣстѣ равняется 30—40 рублямъ. Покупается онъ большею частью однимъ лицомъ (рѣдко въ складчину), которое беретъ съ ѣдущихъ рабочихъ условленную плату.

Размѣры дуба не всегда одинаковы, есть берущіе двадцать душъ, а есть и такіе, которые выдерживаютъ пятьдесятъ. Слѣдуетъ замѣтить, что дубъ по большей части грузится очень добросовѣстно, такъ что сидитъ въ водѣ чуть не до самыхъ краевъ. Хозяинъ его назначаетъ такую плату, чтобы, помимо стоимости дуба, получить еще и процентъ на затраченный капиталъ, такъ какъ каждый дубъ, отправляющійся въ Каховку съ рабочими, служитъ только на одинъ разъ. По пріѣздѣ на ярмарку, его старается сейчасъ же продать за нѣсколько рублей на дрова. Намъ приходилось наблюдать отправленіе въ путь дубовъ изъ м. Бужина чигиринскаго уѣзда. Печальный колоритъ носитъ здѣсь днѣпровскій берегъ. Кучугуры, песчаные наносы, изрѣдка кое-гдѣ поросшіе лозняком и блещущіе на солнцѣ своими желтыми боками, далеко протянулись во внутрь материка, напоминая какую-то африканскую пустыню. Изъ этой части исторически знаменитаго чигиринскаго уѣзда, представляющей собою очень густо заселенный треугольникъ, тремя точками котораго можно считать: Бужинъ, Чигиринъ и Крыловъ,—выходитъ на югъ почти поголовно все населеніе, на лѣтніе заработки. Въ деревняхъ остаются только дѣти, бабы и старики, которые уже совершенно не способны къ работѣ.

Чигиринцы не даромъ могутъ похвастать своимъ славнымъ прошлымъ и рабочіе изъ этого уѣзда считаются на югѣ самыми лучшими, хотя тѣ экономіи, гдѣ на рабочихъ смотрятъ просто какъ на рабочую скотину, избѣгаютъ нанимать ихъ. Чигиринцы—народъ съ душкомъ, они никогда не были «панскими» и болѣе, чѣмъ кто либо другой, всегда могутъ и готовы постоять за свои человѣческія права.

Въ назначенный день собираются изъ деревень отправляющіяся партіи и размѣщаются по дубамъ. Чигиринцевъ сейчасъ же можно отличить отъ полтавцевъ по типу и по одеждѣ: мужчины ходятъ въ вышитыхъ сорочкахъ, завязанныхъ на воротѣ «стежкой», въ широкихъ шароварахъ и соломенныхъ брыляхъ. Народъ въ общемъ крупный, сильный, красивый. Дивчата, которыхъ выходитъ отсюда на заработки особенно много, въ короткихъ (немного ниже колѣна) красныхъ «спідныцяхъ» и ягнячьихъ «юбкахъ». Мода, привитая цивилизаціей въ большей части полтавщины и выражающаяся въ невозможно расшитыхъ жилетахъ, узкихъ въ обтяжку штанахъ и «пинжакахъ», не коснулась чигиринцевъ и они ходятъ въ тѣхъ костюмахъ, въ какихъ ходили ихъ дѣды. Позволимъ здѣсь привести маленькое личное наше наблюденіе. Извѣстно, какую роль играетъ у насъ въ крестьянствѣ солдатчина. Вернувшійся со службы солдатъ считаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ, своихъ родныхъ братьевъ называетъ «мужиками», старается осмѣять народную пѣсню и замѣнить ее безсмысленною солдатскою, фасономъ своей одежи подражаетъ военной формѣ и съ особеннымъ достоинствомъ таскаетъ свою форменную фуражку съ цвѣтнымъ околышемъ. Въ Полтавской губерніи, это явленіе сильно бросается въ глаза и на молодежь вернувшіеся солдаты имѣютъ огромное, сказать правду, далеко не благотворное вліяніе. Между тѣмъ чигиринецъ, возвратясь со службы, прежде всего сбрасываетъ съ себя все солдатское и становится тѣмъ же «хохломъ», какимъ былъ раньше. Явленіе очень характерное. Есть, разумѣется и здѣсь исключенія, но въ общемъ это такъ.

Условія путешествія дубомъ, конечно, гораздо лучшія, нежели пѣшкомъ, хотя бы и при подводѣ. Днѣпръ чудно красивъ въ это время года, когда полая вода покрываетъ всѣ мели и затопляетъ плавни, а могучая прибрежная растительность покрывается своимъ брачнымъ нарядомъ. Что бы тамъ не говорили о «грубости» народа, малороссъ всегда былъ и теперь остается большимъ «поэтомъ въ душѣ» и меч-

тателемъ. Эта чудная, воспѣтая Гоголемъ «лента безъ мѣры въ длину, безъ конца въ ширину», производитъ глубокое впечатлѣніе даже на завзятаго матеріалиста. Да и нужно ли удивляться? Тихо, тихо несется съ сѣвера масса воды, то синяя, то ярко-желтая, то вспыхивающая кровавымъ багрянцемъ вечерней зари. Едва только на востокѣ покажется бѣлая полоса разсвѣта, какъ тысячи соловьевъ, пріютившихся въ прибрежныхъ кустахъ, начинаютъ свои пѣсни. Милліоны лягушекъ вторятъ имъ, стараясь перекричать другъ друга. Дикія утки парами и стаями бороздятъ воздухъ во всѣхъ направленіяхъ. А ночью, когда на темномъ южномъ небѣ загораются яркія звѣзды и тишина воцаряется необычайная, Днѣпръ представляетъ собою совсѣмъ сказочный видъ. Не даромъ его такъ опоэтизировали въ своихъ пѣсняхъ первые піонеры и борцы этого края запорожцы. И невольно приходитъ въ голову отрывокъ старинной казацкой думы:

Гой Дніпро, ты Дніпро
Шырокій та дужый,
Багацько ты, батько,
Козацькоі крові
До моря выносивъ.

Тѣ времена прошли. Но Днѣпръ и теперь выноситъ къ морю, если не казацкую кровь, то казацкое «білэ тіло». И разбредается въ поискахъ куска хлѣба это «білэ тіло» по всему югу, печетъ его солнце, мочитъ и дождь, слѣпитъ пыль. Мѣряетъ оно, еле прикрытое жалкою одеженкою, своими босыми ногами тысячи верстъ, нерѣдко успокоиваясь на вѣки гдѣ-нибудь въ сторонкѣ отъ дороги, на степномъ курганѣ, который-то и насыпанъ надъ костьми дравшихся здѣсь за свободу съ ордою его предковъ.

Время, уходящее на дорогу при путешествіи дубомъ, почти равняется времени, употребляемому пѣшеходами. Дубъ идетъ скорѣе, но водный путь длиннѣе, такъ какъ Днѣпръ загибаетъ большія колѣна. Изъ чигиринскаго уѣзда трогаются обыкновенно послѣ Егорія (23 апрѣля) и прибываютъ въ Каховку 6-го, 7-го мая. Но за то условія дороги на дубѣ несравненно лучше и удобнѣе и рабочіе, прибывшіе этимъ путемъ, сразу же узнаются опытнымъ глазомъ, они рѣзко выдѣляются своимъ свѣжимъ, бодрымъ видомъ. Особенной силы для движенія впередъ дубъ не требуетъ и, хотя пары 3—4 постоянно шевелятъ веслами, но только больше для формы, такъ какъ теченіе на Днѣпрѣ

довольно сильное. На ночь останавливаются гдѣ-нибудь на берегу, или въ плавнѣ, такъ какъ комары, позже отравляющіе здѣсь всю жизнь, въ это время еще не появляются. Въ обѣденную пору тоже пристаютъ къ берегу. Провіантомъ запасаются всѣ изъ дому и пользуются имъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и пѣшеходы. Большая часть дубовъ проводитъ въ дорогѣ недѣлю-двѣ, причемъ дальше Каховки дубы почти никогда не идутъ, кромѣ тѣхъ, которые держатъ путь въ Херсонъ. Если прибывшимъ водою не удастся устроиться на лѣто въ Каховкѣ, то они идутъ въ степи пѣшкомъ, или же такимъ же образомъ возвращаются домой. Трудно опредѣлить, сколько приблизительно отправляется рабочихъ на югъ воднымъ путемъ. Въ текущемъ году мы проѣхали отъ Кіева до Каховки всю дорогу пароходомъ и, тщательно слѣдя за попадавшими по дорогѣ дубами, насчитали ихъ около 600-тъ. Въ наше число не вошли тѣ, которые въ это время были между Екатеринославомъ и Александровскомъ, гдѣ расположены пороги и пароходы не ходятъ. Время было для наблюденій самое удобное—начало мая, когда всѣ дубы были какъ разъ въ дорогѣ. Въ общемъ можно предполагать, что дубами идетъ сравнительно ничтожное количество,—ничтожное конечно не само по себѣ, а въ сравненіи съ тою громадною арміей, которая движется пѣшкомъ. Но за то путешествіе дубами имѣетъ свою темную сторону. Если пѣшеходы подбиваются, добираются до мѣста крайне утомленными, то они все-таки не рискуютъ жизнью (не говоря, конечно, о тѣхъ случаяхъ, когда въ среду ихъ проникаетъ какая-либо эпидемическая болѣзнь, чаще всего сыпной тифъ). Между тѣмъ Днѣпръ, такъ ласкаво катящій «полныя воды свои», требуетъ каждый годъ жертвъ отъ плывущихъ рабочихъ, и въ иную весну эти жертвы, въ видѣ десятковъ потонувшихъ, производятъ удручающее впечатлѣніе. Не проходитъ года безъ того, чтобы одинъ-два, а то и больше переполненныхъ дуба, не пошли на дно съ ихъ пассажирами, среди рѣки. Расшалится неосторожная молодежь, набѣжитъ сбоку волна отъ проходящаго парохода, ударитъ какъ-нибудь своимъ острымъ угломъ одинъ изъ тяжелыхъ плотовъ, которые иногда идутъ внизъ чуть ли не сплошною линіею—и крайне неустойчивый дубъ, потерявши моментально равновѣсіе, переворачивается вверхъ дномъ. Бьетъ ихъ иногда сильное теченіе и о камни днѣпровскихъ пороговъ. Такихъ случаевъ, кончающихся большею частью гибелью всѣхъ или трехъ четвертей рабочихъ, гораздо больше нежели

мы знаемъ, такъ какъ рѣдко какой изъ нихъ доходитъ до печати. О тонущихъ въ одиночку и говорить нечего. Года два тому назадъ дубъ съ полсотнею рабочихъ, по беспечности задремавшихъ гребцовъ и кормчаго, попалъ подъ колеса мельницы и спастись удалось всего нѣсколькимъ человѣкамъ. Въ то же почти время, на другой дубъ, среди бѣла дня наскочилъ пароходъ днѣпровскаго общества, причемъ утонуло около 15 человѣкъ. Здѣсь намъ хочется отмѣтить маленькій, но не лишенный интереса фактъ. Несмотря на то, что эта безобразная исторія случилась уже два года тому назадъ, дѣло по претензіи къ обществу пароходства родныхъ и родителей погибшихъ тянулось до нынѣшняго года (а можетъ-быть и еще тянется). Намъ пришлось въ прошломъ году ѣхать случайно въ началѣ мая изъ Кіева, на одномъ пароходѣ съ сессіею суда, выѣзжавшею въ Чигиринъ для разсмотрѣнія этого дѣла. Вчужѣ за человѣка становилось больно и обидно, слушая плоскія, переполненныя цинизмомъ рѣчи, касающіяся этого трагическаго происшествія. Можно было подумать, что рѣчь идетъ не о людяхъ, можетъ быть бывшихъ единственною поддержкою своихъ несчастныхъ семей, а о какихъ-то крысахъ, которыхъ потопили среди рѣки для потѣхи публики. Одинъ изъ господъ судейскихъ, въ юмористическомъ видѣ представлялъ картину, какъ очутившіеся въ водѣ рабочіе, въ паническомъ страхѣ, хватались за остановленныя пароходныя колеса, но капитанъ «далъ задній ходъ» и хохлы посыпались, «какъ раки». Разсказчикъ смѣялся, его дружно поддерживали коллеги, но больше всѣхъ усердствовалъ адвокатъ. Не желая отставать отъ другихъ остряковъ, онъ возбудилъ вопросъ о томъ, что, такъ какъ среди утонувшихъ были дѣвушки, то уполномочившее его общество будетъ требовать доказательствъ, точно ли были онѣ дѣвицами. Эта пошлая выходка вызвала новый взрывъ хохота, а находчивый адвокатъ тутъ же прибавилъ, что главная его цѣль—тянуть дѣло, какъ можно дольше и тогда, въ концѣ концовъ, всѣ гражданскіе истцы, измученные безконечною волокитой, оставятъ свои претензіи и помирятся на нѣсколькихъ рубляхъ. Ибо, пояснилъ онъ съ важнымъ видомъ, девидентъ существуетъ не для того, чтобъ изъ него платить за какихъ-то потонувшихъ мужиковъ. А за стариковъ, которые тоже попали подъ нашъ пароходъ, мы еще будемъ требовать премію за потопленіе, закончилъ онъ,—все равно они уже никуда не годились и даромъ ѣли хлѣбъ. Все это было такъ пошло, мерзко и отвратительно,

что мы не выдержали и, не желая слушать дальнѣйшихъ плоскостей въ этомъ же родѣ, ушли на палубу.

Пароходъ «Цесаревичъ» представлялъ собою обычную картину, которую можно наблюдать на любомъ днѣпровскомъ пароходѣ, въ періодъ движенія рабочихъ на югъ. Помѣщенія третьяго класса были такъ плотно набиты рабочими, что тамъ буквально нельзя было пошевелиться. Мало этого, вся верхняя палуба, крыша вокругъ трубы, кожухи надъ колесами,— все было унизано живымъ грузомъ. Даже у насъ, на палубѣ перваго класса, нельзя было ступить двухъ шаговъ, чтобы не наступить кому-либо на ногу или на руку. Мы съ ужасомъ глядѣли на новыя толпы рабочихъ, поджидавшія насъ у каждой пристани. Казалось, не было никакой физической возможности взять еще десятокъ-другой человѣкъ, и безъ того негдѣ было яблоку упасть, но новыя толпы входили и входили и какъ-то таинственно умѣщались. Повторялась исторія Чичикова съ кускомъ Петра Петровича Пѣтуха.

Наконецъ, лежать рабочимъ уже было нельзя, лежавшихъ раньше матросы подняли пинками ногъ и вся эта масса людей буквально сидѣла другъ на другѣ. А капитанъ, маленькій, юркій человѣкъ, весело бѣгалъ по мостику и кричалъ на роптавшихъ: ну вы, тамъ, скоты, «мовежаны», смирно; кому тѣсно, пусть въ воду бросается,—еще въ три раза больше наберемъ народа. Не довольствуясь руганью и крикомъ, онъ устроилъ себѣ забавную, по его мнѣнію, потѣху: просто-на-просто велѣлъ матросамъ согнать всѣхъ рабочихъ внизъ съ палубы I-го класса. Матросы живо исполнили эту операцію. Но эта сотня человѣкъ, прыгавшая прямо на головы сидѣвшихъ и стоявшихъ внизу, была каплею, переполнившею чашу терпѣнія. Послышался громкій ропотъ, брань по адресу пароходной администраціи и толпа, не обращая вниманія на сдерживавшихъ ее внизу матросовъ, бросилась по узкой лѣсенкѣ снова наверхъ. Но капитанъ не дремалъ. Онъ стоялъ уже здѣсь, съ видомъ кошки, подстерегающей мышь и, едва только первыя головы показались наравнѣ съ люкомъ, какъ онъ бросилъ съ силою прямо на нихъ тяжелую крышку послѣдняго и самъ вскочилъ на нее. Лѣзшіе полетѣли внизъ и, какъ никто изъ нихъ не упалъ съ разбитою головой, нужно приписать только счастливой случайности. Путь къ наступленію былъ закрытъ и торжествующій капитанъ, снова взобравшись на мостикъ, осыпалъ запертыхъ внизу, душившихся рабочихъ,

несмолкаемою, отборною руганью. Намъ остается только добавить, что описанный случай вовсе не представляетъ какого-либо исключенія, а существуетъ какъ общее явленіе, наблюдавшееся нами, да и другими вѣроятно, много разъ на разныхъ днѣпровскихъ пароходахъ [1]). Днѣпровскія пароходныя общества наживаются исключительно отъ пассажировъ третьяго класса, а между тѣмъ администрація парохода смотритъ на этихъ злосчастныхъ третьеклассниковъ хуже, чѣмъ на рабочій скотъ. Если вы пожелаете нагрузить на палубу воловъ, то для нихъ очистятъ ровно столько мѣста, сколько для этого нужно. Не бѣда, если людямъ придется моститься при этомъ, какъ пчеламъ въ ульѣ,—стóитъ ли обращать вниманіе на это «быдло». Такъ и говорятъ. Намъ кажется, что это возмутительное въ полномъ смыслѣ слова отношеніе, можно было бы умѣрить, обязавши подъ страхомъ крупнаго штрафа, или запрещенія на извѣстный срокъ совершать навигацію, брать на пароходъ столько людей, сколько онъ можетъ вмѣстить, считая при этомъ возможный maximum. При существующихъ теперь порядкахъ, нѣтъ предѣловъ произволу пароходной администраціи, и, зная безобразія, творимыя этимъ произволомъ, мы нисколько не удивимся, если услышимъ когда-нибудь, что взбунтовавшіеся третьеклассники выбросили за бортъ капитана и его присныхъ. Всякому долготерпѣнію есть границы.

Путь пароходомъ сверху до Екатеринослава избираетъ значительная часть рабочихъ, преимущественно изъ числа тѣхъ, которые отправляются не въ Таврію, а въ Черноморье, куда рабочее движеніе все болѣе и болѣе увеличивается. Черноморье (Кубанская и Терская области) переживаетъ теперь ту эпоху, которую Таврія переживала лѣтъ пять тому назадъ. (Почему—объ этомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.) Дорога пароходомъ стóитъ сравнительно не дорого: отъ главныхъ мѣстъ, гдѣ садятся рабочіе—до Екатеринослава берутъ немного болѣе рубля. Года три тому назадъ, когда оба, вошедшія теперь въ стачку, днѣпровскія

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, сообщеніе очевидца, помѣщенное въ одной изъ южныхъ газетъ: „На пароходъ „Теща“ принимали рабочихъ какъ овецъ, сколько ихъ помѣститься можетъ, стоя вплотную другъ къ другу. Вскорѣ вся палуба, рубка, даже кожухи парохода наполнились стоявшими босоножками. Пароходъ былъ переполненъ ими такъ, что рабочимъ буквально некуда было сложить котомокъ и онѣ висѣли, въ продолженіе всего рейса, на спинахъ ихъ обладателей. Очевидно, ни о порядкѣ, ни о мѣрѣ нагрузки, какъ и всегда, вопроса не было.“

пароходныя общества конкуррировали не на животъ, а на смерть, это удовольствіе стоило всего двугривенный и рабочіе широко пользовались войною пароходчиковъ. Но теперь обстоятельства измѣнились и плата за провозъ, ничтожная все-таки въ сравненіи съ громадными желѣзнодорожными тарифами, увеличена почти въ пять разъ. До чего рабочіе въ пути дорожатъ каждою копѣйкою, можно лучше всего видѣть изъ того, что, слѣзши съ парохода въ Екатеринославѣ, очень немногіе изъ нихъ ѣдутъ до Синельникова или Александровска по желѣзной дорогѣ, а почти всѣ идутъ эти нѣсколько десятковъ верстъ пѣшкомъ.

Итакъ, у рабочихъ, отправляющихся на югъ къ маю мѣсяцу, преимущественно къ каховской ярмаркѣ, существуетъ три способа передвиженія: самый главный — пѣшкомъ всю дорогу отъ самаго дома и имъ пользуются приблизительно три четверти отправляющихся. Остальная четверть «плыветъ» водою на дубахъ, или же на палубѣ днѣпровскихъ пароходовъ.

Здѣсь мы должны отмѣтить еще двѣ категоріи рабочихъ—приходящихъ въ Таврію задолго до 9-го мая (т.-е. числа, отъ котораго совершается общая наемка сроковыхъ рабочихъ въ Каховкѣ и на другихъ, менѣе значительныхъ рынкахъ найма. Въ экономіяхъ, у крестьянъ-хуторянъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ наемка старыхъ, т.-е. зимовавшихъ здѣсь рабочихъ, производится съ этого же числа) и являющихся гораздо позже, ко времени начала жнивовъ, или къ сезону молотьбы. Первые — главнымъ образомъ полтавцы изъ различныхъ уѣздовъ. Прибываютъ они на югъ въ концѣ февраля и началѣ марта, т.-е. какъ разъ къ тому времени, когда въ степяхъ начинаются посѣвы яровыхъ и каждое хозяйство непремѣнно принанимаетъ къ своимъ зимнимъ сроковымъ еще нѣсколько человѣкъ; количество которыхъ зависитъ, разумѣется, отъ размѣровъ хозяйства.

Весенніе рабочіе пріѣзжаютъ небольшими партіями исключительно по желѣзной дорогѣ, а такъ какъ спеціально рабочихъ вагоновъ четвертаго класса въ это время нѣтъ, то имъ приходится платить за билеты отъ 6 до 10 рублей каждому (послѣднюю сумму для пріѣзжающихъ изъ самаго сѣвернаго прилукскаго уѣзда въ Крымъ, а первую — изъ южныхъ частей полтавщины). Странная вещь: приходящіе раннею весною рабочіе всегда проигрываютъ, а между тѣмъ количество этихъ «мартовиковъ» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличи-

вается. Рѣдко кто изъ нихъ приходитъ, списавшись предварительно съ знакомымъ хозяиномъ, и можетъ разсчитывать на вѣрное мѣсто. Большинство, высадившись на какомъ-либо степномъ вокзалѣ, ожидаетъ здѣсь нанимателей и часто, просидѣвши недѣлю-двѣ и прохарчившись въ конецъ, отправляется бороздить степи. Заработная плата, стоящая въ это время, ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ крупныхъ дорожныхъ расходовъ рабочаго. Почти всегда ихъ нанимаютъ на все время до 9-го мая, рѣдко поденно или помѣсячно и за два, два съ половиною мѣсяца, (считая съ конца февраля или начала марта), платятъ въ лучшихъ случаяхъ, т.-е. послѣ хорошихъ урожайныхъ годовъ, при хорошихъ видахъ на будущее и при предложеніи, не особенно превышающемъ спросъ, значитъ при совокупности всѣхъ благопріятныхъ условій,—пятнадцать-шестнадцать (больше—никогда) рублей. Отбросьте половину, уплаченную за желѣзнодорожный билетъ, а также мелкіе расходы—и въ результатѣ останется очень немного. Но и для этого немногаго нужно совпаденіе всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. вѣрнѣе говоря, восемь разъ изъ десяти, заработная плата за означенное время равняется 10—12 рублямъ, т.-е. только-только покрываетъ то, что истратилъ рабочій, пока добрался до Крыма, такъ какъ, повторяемъ еще разъ, всѣ безъ исключенія приходящіе на заработки въ это время ѣдутъ по желѣзной дорогѣ. Бываютъ годы, когда, какъ въ печальномъ 1892, пришлыхъ рабочихъ нанимали за три и два рубля въ мѣсяцъ, да и по этой цѣнѣ многимъ не удалось пристроиться и они побирались христовымъ именемъ, предлагая свои услуги за харчи. Конечно, такой исключительный годъ нельзя обобщать, но въ общемъ норму средней платы рабочему въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ можно считать не свыше шести-семи рублей (на хозяйскихъ харчахъ, такъ какъ наемка въ степяхъ сроковыхъ и мѣсячныхъ рабочихъ на ихъ харчахъ не существуетъ и представляетъ крайне рѣдкое исключеніе). Такимъ образомъ находимъ, что два или два съ половиною мѣсяца своего весенняго труда рабочій отдаетъ единственно только за дорогу въ Крымъ и расходы по поѣздкѣ сюда. При этомъ, рѣдко кому приходится попасть сюда какъ разъ во время.

Обыкновенно полевыя работы начинаются регулярно въ самомъ началѣ марта, но бываютъ болѣе или менѣе рѣзкія отклоненія, т.-е. на недѣлю-двѣ раньше или позже. А такъ какъ хозяева вообще при-

нимаютъ необходимыхъ имъ для пополненія имѣющагося штата рабочихъ въ самый послѣдній моментъ, дня за два до выступленія въ степь, чтобы „не харчить даромъ“, то и выходитъ, что поторопившіеся сидятъ въ ожиданіи погоды и связанной съ нею наемки по недѣлѣ и больше на вокзалахъ и вообще на рынкахъ найма, а опоздавшіе всегда рискуютъ не найти работы, такъ какъ хозяева сразу запасаются необходимымъ до мая числомъ рабочихъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что условія скитаній и ожиданій въ мартѣ мѣсяцѣ, далеко не чета лѣтнимъ. Въ это время года зима на югѣ проявляется съ особою силой и въ мартѣ бываютъ обыкновенно самыя злыя метели, со страшными вѣтрами. Послѣ прекраснаго солнечнаго дня, температура вдругъ понижается до 10° по R. и начинается вьюга, черезъ день льетъ проливной дождь, растворяющій почву на полъ-аршина, а еще черезъ день, —дующій съ ужасающею силой южный вѣтеръ, срываетъ крыши, опрокидываетъ стоги сѣна и валитъ съ ногъ человѣка. Ото всѣхъ этихъ рѣзкихъ и гибельно дѣйствующихъ перемѣнъ погоды, рабочій буквально ничѣмъ не защищенъ. Ни на вокзалахъ, ни въ большинствѣ городовъ нѣтъ никакихъ приспособленій, гдѣ бы онъ могъ укрыться въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ. Хорошо еще, если платформа, устроенная для желѣзнодорожныхъ грузовъ, пустуетъ, и его не гонятъ оттуда. Зайти на ночь въ кабакъ, въ кофейню, чтобы отогрѣться—за это берутъ гривенникъ. И дрожитъ перемокшій, иззябшій „спромаха“ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, подъ своею мокрою свитою. Почлежные дома существуютъ, какъ исключенія, въ двухъ-трехъ городахъ. Впрочемъ, въ послѣднее время намъ пришлось увидѣть на вокзалахъ лозово-севастопольской желѣзной дороги нѣсколько деревянныхъ крытыхъ бараковъ, куда рабочіе допускаются безъ стѣсненій. Это уже большой шагъ впередъ, хотя, по наведеннымъ нами справкамъ, бараки эти выстроены, главнымъ образомъ, благодаря появленію холеры, а вовсе не потому, что, валявшіеся пятнадцать лѣтъ тутъ же рядомъ въ грязи люди, возбудили въ комъ-либо чувство сострадѣнованія. Бараки воздвигнуты по настоянію администраціи, смотрѣвшей на это, какъ на одну изъ профилактивныхъ мѣръ при эпидеміи. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что управляющимъ этою дорогою долгое время былъ инженеръ Баталинъ, который прогремѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ своимъ проектомъ урегулированія рабочаго вопроса. На бумагѣ онъ въ своемъ проектѣ предлагалъ все устроить,

все уладить къ общему удовольствію, а на дѣлѣ не ударилъ пальцемъ о палецъ, чтобы доставить хотя какія-нибудь удобства рабочимъ, переполняющимъ вокзалы, которые служатъ постоянными и главными рынками наемки рабочихъ. Какъ и у всѣхъ, у г. Баталина теорія и жизнь расходились въ діаметрально противоположныя стороны.

Наконецъ послѣдняя категорія рабочихъ, приходящая позже всѣхъ, ко времени жатвы, а то и молотьбы—плотовщики. Раннею весной, едва только тронется снѣгъ, полая вода поднимаетъ связанные у береговъ верховьевъ Днѣпра, Десны, Припяти, Березины и множества впадающихъ въ Днѣпръ притоковъ, плоты. Плотовъ этихъ цѣлыя тысячи и они идутъ по теченію Днѣпра въ низовые города: Кременчугъ, Екатеринославъ и Херсонъ, которые представляютъ собою самые крупные центры лѣсной торговли въ степныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ. Трудно придумать что-нибудь скучнѣе и утомительнѣе путешествія на плотахъ. Связанныя изъ толстыхъ бревенъ, неуклюжія четырехъугольныя махины еле движутся по фарватеру. Пока еще не сошла полая вода, они хотя нигдѣ не зацѣпляются, но, лишь только обнажились бесчисленныя днѣпровскія мели, для плотовщиковъ наступаетъ чистая каторга. Несмотря на всѣ старанія, плоты то и дѣло упираются въ песокъ и снимать ихъ приходится со страшными усиліями. Въ довершеніе всего, часто случается, что плотъ, доведенный съ величайшимъ трудомъ до Екатеринослава, отправляясь дальше, гибнетъ на порогахъ. На каждомъ плоту обыкновенно имѣется душъ 15—20 рабочихъ, по большей части бѣлоруссовъ (которыхъ на югѣ называютъ «литвинами»), или великороссовъ Орловской губерніи (на плотахъ съ Десны). Получаютъ они за все время плаванія буквально гроши, а между тѣмъ, выступивши изъ дому весною, они еле-еле добираются до мѣста въ іюнѣ, а то и въ іюлѣ. У плотовщиковъ обыкновенно фигурируютъ при договорахъ два срока: Петра и Павла (29-го іюня) и Ильи (20 іюля). Но случается и такъ (какъ было въ текущемъ году), что, по причинѣ сильнаго обмелѣнія рѣки, плоты вмѣсто Херсона къ іюлю попадаютъ только въ Кіевъ. Въ іюнѣ настоящаго года, въ Кіевѣ, въ судоходной дистанціи, за три дня перебывало болѣе шестисотъ рабочихъ-плотовщиковъ, съ жалобами на свое положеніе. Дѣло въ томъ, что главный заработокъ плотовщиковъ заключается не въ платѣ, которую они получаютъ за прогонъ плотовъ (и которая почти цѣликомъ на мѣстѣ же уходитъ на пополненіе разныхъ недоимокъ и

уплату податей), а опять-таки въ полевыхъ работахъ. Добравшись до Херсона или Екатеринослава, они сейчасъ же трогаются въ степи, если имъ не удается наняться на мѣстномъ рынкѣ. Ихъ работа—преимущественно помѣсячная или поденная, большею частью при молотьбѣ, въ качествѣ возовиковъ, или возлѣ машины. Въ хорошій годъ всѣ находятъ дѣло и иногда за 2 мѣсяца вырабатываютъ такую же сумму, какую получаютъ сроковые рабочіе за четыре съ половиною *). Но, если урожай плохъ, плотовщикамъ приходится хуже, чѣмъ кому бы то ни было, такъ какъ въ это время сроковыхъ уже не нанимаютъ, а результаты жалкой жатвы обмолачиваютъ своими средствами. Побродятъ они, побродятъ, походятъ около соляныхъ озеръ, гдѣ теперь все въ полнѣйшемъ застоѣ и разсыпятся въ разныя стороны, доходя до каменноугольныхъ донскихъ шахтъ, рыбныхъ промысловъ Азовскаго моря, или же возвращаются домой при помощи администраціи, нерѣдко „этапнымъ порядкомъ“.

III.

Каховка—небольшое, бойкое мѣстечко Таврической губерніи, расположенное на высокомъ берегу Днѣпра. Здѣсь бываютъ двѣ ярмарки въ году—никольская 9-го мая и покровская 1-го октября, причемъ первая, по своимъ размѣрамъ и характеру, врядъ ли имѣетъ что-либо подобное не только на югѣ, но и во всей Россіи. Мы не знаемъ точнаго времени основанія каховской ярмарки, но существуетъ она очень давно и, по словамъ старожиловъ, ярмарки, собирающіяся теперь, по размѣрамъ и оборотамъ своимъ не достигаютъ и десятой части тѣхъ, которыя были до семидесятыхъ годовъ. Каховка переживаетъ то, что переживаютъ вообще всѣ наши ярмарки, съ развитіемъ путей сообщеній утрачивающія понемногу свой raison d'être. Прежде три четверти всевозможныхъ товаровъ и предметовъ, потреблявшихся такимъ громаднымъ краемъ, доставлялись единственнымъ дешевымъ путемъ—Днѣпромъ, и хозяйства дѣлали въ Каховкѣ свои запасы въ два срока, на цѣлый годъ; теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ,

*) Размѣръ заработной платы и различныя колебанія ея будутъ разсмотрѣны въ отдѣльной главѣ.

все измѣнилось. Каховская никольская ярмарка, на нашихъ глазахъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, все болѣе и болѣе падаетъ, но и теперь все-таки она имѣетъ очень обширные размѣры. Если коммерческіе обороты ея пали до minimum'а, то все-таки она до сихъ поръ не утратила своего доминирующаго значенія, какъ главный рынокъ для найма сроковыхъ рабочихъ, устанавливающій плату за лѣтній трудъ. Обыкновенно, числа 6—7 начинается громадный съѣздъ сюда сельскихъ хозяевъ изо всѣхъ уѣздовъ Таврической губерніи, нѣкоторыхъ Херсонской и Екатеринославской. Въ пустынной въ обыкновенное время Каховкѣ, наступаетъ на 3—4 дня пора бьющей ключемъ жизни. Нѣмцы изъ колоній сѣверныхъ уѣздовъ везутъ сотни дилижансовъ и различныхъ бричекъ, ведутъ породистыхъ лошадей. Заводы земледѣльческихъ орудій транспортируютъ огромное количество разныхъ машинъ, особенно столь привившихся въ Новороссіи жатокъ-«лобогрѣекъ», которыя, несмотря на усиленное производство ихъ, разбираются ежегодно всѣ на расхватъ. Дороги, ведущія въ Каховку, покрыты сплошными лентами всевозможныхъ подводъ, экипажей, бричекъ. Тысячи крестьянскихъ мажаръ располагаются за мѣстечкомъ, гдѣ нарѣзаны для нихъ огромныя площади. Ведутъ воловъ, лошадей, гонятъ гурты браковаго скота и табуны изъ экономій. Въ самомъ мѣстечкѣ на это время всѣ обывательскіе дома превращаются въ импровизированныя гостиницы, всѣ комнаты заняты землевладѣльцами, арендаторами, нѣмцами-колонистами, вообще людьми, сидящими на землѣ. А на берегу Днѣпра тоже жизнь бьетъ ключемъ. Ходящій безпрерывно паромъ возвращается каждый разъ биткомъ набитый рабочими. То и дѣло подходятъ съ сѣвера «дубы» и причаливаютъ къ расположенной среди рѣки «плавнѣ», или прямо къ берегу. Пароходы, совершающіе въ это время учащенные рейсы, тоже переполнены чернорабочими. Даже ночью не прекращается это движеніе и къ утру, вчера еще вечеромъ пустовавшія площади, являются удивленному глазу сплошь покрытыми массою рабочихъ. Такихъ площадей нѣсколько и на нихъ располагаются, главнымъ образомъ, пѣшеходы со своими подводами,—располагаются такъ тѣсно, что ночью невозможно пробраться между возами, такъ какъ спящіе люди укрываютъ землю почти безъ интерваловъ. Тѣ, которые приходятъ дубами, обыкновенно остаются внизу, у берега и находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, нежели устроившіеся на площадяхъ. Дѣло въ томъ,

что если во время ярмарки не пройдетъ хорошій дождь (а это, къ слову сказать, бываетъ очень рѣдко), то эти нѣсколько дней, которые приходится пробыть въ Каховкѣ, являются положительно пыткой: мельчайшій песокъ, растоптанный на полъаршина десятками тысячъ людскихъ, воловьихъ и лошадиныхъ ногъ, поднимается цѣлыми тучами, при самомъ небольшомъ вѣткѣ. Онъ разъѣдаетъ глаза, набивается въ носъ, ротъ, покрываетъ лицо сплошною сѣрою маскою, забирается черезъ бѣлье и, проникая въ поры кожи, вызываетъ непріятный зудъ. Отъ него нигдѣ нѣтъ спасенья, даже въ комнатѣ съ закрытыми дверьми и окнами. Надъ Каховкой виситъ словно какой-то туманъ—сухой, черезъ который немилосердно палящее солнце кажется багрово-краснымъ шаромъ. А, между тѣмъ, тысячи людей сплошною массой движутся по всѣмъ направленіямъ, гремитъ музыка въ различныхъ заѣзжихъ циркахъ, балаганахъ и «комедіяхъ», слышатся выкрикиванья на тысячи ладовъ всевозможныхъ торговцевъ. На берегу все-таки тише, здѣсь и меньше движенія, но валяющимся прямо на разбитомъ пескѣ площадей приходится очень плохо. Покрытые пылью съ головы до ногъ, они похожи на какихъ-то папуасовъ. Начнутъ варить кашу, а получается чёртъ знаетъ что. До воды далеко, нужно ходить на самый Днѣпръ. Правда, владѣлецъ Каховки и прилегающихъ къ ней земель устроилъ было на одной изъ площадей колодезь, но, заботясь главнымъ образомъ не объ удобствѣ людей, а объ увеличеніи своихъ ярмарочныхъ доходовъ, которые и безъ того считаются десятками тысячъ, сдалъ его въ аренду какому-то кулаку. А послѣдній, помня пословицу, что иногда день цѣлый годъ кормитъ, назначилъ удивительную таксу; за чайникъ обыкновенной воды, онъ требовалъ съ рабочихъ по четыре копѣйки. Это было до того уже возмутительно, что обратило вниманіе постороннихъ людей, вступившихся за интересъ обираемыхъ рабочихъ.

Число приходящихъ на никольскую ярмарку рабочихъ можно опредѣлить только приблизительно, такъ какъ точной статистики не существуетъ, хотя можно было бы заняться этимъ (конечно земству) безъ особеннаго труда, такъ какъ всѣ прибывающіе рабочіе переправляются съ херсонскаго берега, а тѣхъ, которые приходятъ на дубахъ, прослѣдить не трудно *). Въ общемъ, рабочихъ каждое 9-ое мая въ

*) Вотъ описаніе прелестей Каховки, во время весенней ярмарки. Очевидецъ одной изъ южныхъ газетъ пишетъ:

Каховкѣ бываетъ отъ двадцати до тридцати тысячъ, а иногда и болѣе. Мы уже упомянули выше, что наемка главнымъ образомъ происходитъ на срокъ, т.-е. до Покрова, очень рѣдко «до Сэмэна», т.-е. до 1-го сентября. Небольшой процентъ договаривается на годъ, но это не полевые рабочіе, а преимущественно домашняя прислуга—кучера, дворники, товарчіи (пастухи) и чабаны (пастухи овецъ).

Въ прежніе годы, до 9-го мая, т.-е. до дня оффиціальнаго открытія ярмарки, какъ говорятъ, не было ни торговыхъ сдѣлокъ, ни наемки, и за этимъ строго слѣдили. Хозяева и рабочіе ожидали «яку ціну зробыть Хвейнъ» и эта «Хвеинская ціна» служила главнымъ регуляторомъ. Нужно пояснить, что «Хвейномъ» малороссъ называетъ извѣстнаго въ Новороссіи богача-землевладѣльца Фальцъ-Фейна, нанимавшаго въ Каховкѣ рабочихъ въ свои многочисленныя имѣнія цѣлыми

„Рабочимъ никакой регистраціи не ведется, сколько ихъ было въ прошломъ году, сколько въ нынѣшнемъ—неизвѣстно; попытки къ уравновѣшиванію спроса и предложенія на рабочія руки не привели ни къ чему. На пространствѣ десятка десятинъ песчанистаго грунта, вокругъ ярмарки, расположились въ повалку „таборы“ пришлаго народа, въ ожиданіи случайныхъ нанимателей. Цѣлыя тучи пыли, которою славится Каховка, затмѣваютъ мѣстность такъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно; на другой же день стоянки, толпы народа бродятъ съ воспаленными глазами, прислушиваясь къ установившимся цѣнамъ и свѣдѣніямъ объ ожидаемомъ урожаѣ травъ и хлѣбовъ. Эти базарные слухи безтолково колеблятъ спросъ на рабочія руки и въ концѣ концовъ приводятъ къ тому, что предложеніе превышаетъ число потребителей и тысячи босаго народа бредутъ изъ Каховки на свой страхъ въ Курманъ-Камельчи и другіе пункты найма. Въ текущемъ году, по слухамъ, рабочихъ прибыло болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, цѣны, не превышавшія въ первый день ярмарки 50 руб., въ послѣдующіе дни упали до 40, но и за тѣмъ много народа осталось не нанятымъ. Изъ другихъ явленій, привлекающихъ въ Каховкѣ вниманіе наблюдателя, укажемъ на соприкосновеніе пришлаго деревенскаго люда съ „цвѣтами цивилизаціи“, съ тѣми одѣтыми въ трико тѣлеснаго цвѣта и украшенными мѣдными, ярко горящими шлемами, дѣвами, выступающими предъ тысячами босоножекъ на подмосткахъ ярмарочныхъ балагановъ. Эти набѣленныя и подрумяненныя созданія, очевидно, не учившіяся „древнимъ языкамъ“, своими безстыдными движеніями, вскрикиваніями, воплями, лязгомъ жестяныхъ мечей и т. п. составляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающею балаганы густою толпой босоножекъ, изумленными глазами слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ продажныхъ Юнонъ, Палладъ и пр. Какъ знать, къ какимъ выводамъ придетъ иная Параска или Хивря, посравнивъ свой тяжелый земледѣльческій трудъ съ развеселымъ житьемъ представительницъ ярмарочнаго Олимпа“.

тысячами. Но теперь уже не то. Наемку начинаютъ уже дня за два до Николая и притомъ не «Хвейнъ, а мужики и нѣмцы-колонисты, которые отбираютъ понемногу себѣ людей «на выборъ». Цѣна, которую платятъ рабочему мужикъ-хуторянинъ *) или нѣмецъ-колонистъ, всегда на 15—20% выше цѣны, устанавливаемой экономіями, но за то и сумма работы, которую эти хозяева выжимаютъ,— буквально-таки «выжимаютъ» изъ рабочаго, выше на пятьдесятъ процентовъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Вообще мужики и нѣмцы избѣгаютъ нанимать рабочихъ, служившихъ раньше во владѣльческихъ экономіяхъ. «Вы у насъ не выдержите», говорятъ они имъ прямо. Настоящая экономическая наемка начинается и теперь не раньше 9-го мая, причемъ цѣны сильно варьируютъ. Мелкія и среднія экономіи платятъ всегда дороже пятью рублями крупныхъ, но за то онѣ и сортируютъ людей немного строже. Наоборотъ. Фальцъ-Фейнъ и другіе крупнѣйшіе хозяева нанимаютъ всегда рублями пятью дешевле, но къ нимъ попадаетъ не мало и „брака“, какъ выражаются другіе хозяева. Да и трудно при такой массѣ нанимаемыхъ слѣдить за этимъ. Обыкновенно мелкіе и средніе владѣльцы руководствуются своими взглядами, а нѣкоторымъ, особенно людямъ, служившимъ уже у нихъ и извѣстнымъ за хорошихъ, добросовѣстныхъ рабочихъ, немного прибавляютъ противъ другихъ. У Фальцъ-Фейна-же просто объявляется извѣстная цѣна: рабочему столько-то, полурабочему столько, дѣвкѣ и треть-рабочему по столько-то. Наемка производится въ нѣсколькихъ принадлежащихъ ему здѣсь дворахъ и отличается несложностью: желающіе „стать“ къ нему, отдаютъ завѣдующимъ наемкою управляющимъ и прикащикамъ свой паспортъ, получаютъ рубль въ задатокъ и дѣло кончено. Больше рубля въ задатокъ даютъ вообще очень рѣдко и только людямъ извѣстнымъ, такъ какъ бывали не рѣдко случаи, что рабочіе, забравши задатокъ, оставляли свои паспорта и не являлись вовсе. Помимо всего вышесказаннаго, плата до Покрова измѣняется немного, смотря по мѣстоположенію хозяйства. Въ Крымъ рабочіе

*) Мужиковъ-хуторянъ очень много въ Таврической и Херсонской губерніяхъ, всѣ они народъ очень богатый, владѣющій хуторами отъ ста до тысячи десятинъ. Ими скуплены громадныя площади земли у помѣщиковъ и разбиты на хутора разной величины; частью они изъ числа мѣстныхъ крестьянъ, попавшихъ сюда вскорѣ послѣ присоединенія края, частью изъ разбогатѣвшихъ пришельцевъ второй половины шестидесятыхъ годовъ.

всегда требуютъ прибавку, потому что это далеко и при возвращеніи домой потребуются лишніе дорожные расходы. За то кіевцы, нанимающіеся въ сѣверную часть херсонщины, соглашаются всегда на маленькую уступку, такъ-какъ это ближе къ дому. Разница эта варьируетъ между двумя-пятью рублями. 9-го и 10-го мая все кончено, и всѣ дороги покрыты толпами идущихъ и ѣдущихъ на мѣсто рабочихъ. Только въ исключительные годы удается „стать на мѣсто“ почти всѣмъ, пришедшимъ въ Каховку съ этою цѣлью. За послѣднее десятилѣтіе мы знаемъ только одинъ такой годъ: это—1888, когда подъ конецъ ярмарки нельзя было уже найти ни одной дѣвки, ни одного полурабочаго, и остались только тѣ, которые пришли на „поденщину“. За то въ теченіе этого же десятилѣтія повторялась по крайней мѣрѣ пять разъ исторія, когда добрая половина рабочихъ оставалась ни при чемъ. И вотъ тогда-то начинались тѣ безплодныя, иногда ужасающія скитанія, которыя вызвали на сцену вопросъ объ „урегулированіи рабочаго движенія“.

IV.

Каждый годъ, едва наступаетъ май мѣсяцъ, до нѣкоторой степени выясняющій урожай на югѣ, всякій, кто слѣдитъ внимательно за нашею періодическою прессою, легко замѣтитъ, что газеты начинаютъ пестрѣть замѣтками, корреспонденціями и статьями, посвященными рабочему вопросу на югѣ. Всѣ эти статьи до того однообразны, что ихъ можно съ успѣхомъ перепечатывать въ одной и той же формѣ изъ года въ годъ, справившись напередъ, какой ожидается въ Новороссіи урожай, погибли ли тамъ хлѣба и травы подъ палящими лучами солнца, или же, поддержанные во время дождями, достигли небывалой силы и роста. Въ первомъ случаѣ—вы будете вездѣ и всюду читать вотъ что (здѣсь мы позволимъ себѣ привести отрывки изъ подлинныхъ газетныхъ статей и корреспонденцій):

„Еще съ прошлой недѣли“,—писали изъ Алешекъ (Таврической губ.) въ газету „Крымъ“,—можно было замѣтить у насъ въ городѣ толпы, бродящихъ по улицамъ и теперь еще, рабочихъ-великороссійскихъ крестьянъ, въ характерной бурлацкой одеждѣ, съ котомками и косами за спиной, идущихъ, какъ они говорятъ въ „Таврію“, въ Крымъ на

лѣтнія работы. Каждый годъ этотъ людъ появляется у насъ со стихійнымъ постоянствомъ, въ одно и то же время, въ концѣ мая или началѣ іюня, но въ этомъ году въ значительно меньшемъ числѣ. Это— въ большинствѣ орловскіе крестьяне, которыхъ нужда согнала въ городъ Трубчевскъ наниматься на барки, откуда они, послѣ томительной, долгой барочной ѣзды, сопровождающейся тяжелой, непрестанною работой, приплыли къ мѣсту назначенія, въ Херсонъ. Изъ распросовъ нѣкоторыхъ рабочихъ выяснилось, что ихъ партія, вмѣстѣ со многими другими товарищами, была отправлена мѣстнымъ лѣсопромышленникомъ Куриндинымъ на 14-ти баркахъ. Хотя каждому рабочему полагалась 12-рублевая плата, но въ окончательномъ разсчетѣ они остались почти ни при чемъ, благодаря тому, что забирать харчи необходимо было у хозяина. Изъ Херсона они пріѣхали къ намъ въ Алешки, а отсюда направляются въ Армянскъ.»

«Въ началѣ мая, сообщали въ ту же газету изъ Айбаръ, рабочихъ изъ отдаленныхъ губерній и уѣздовъ нахлынуло къ намъ столько, что казалось, будто въ Айбарахъ открылась ярмарка, или происходитъ что-то необыкновенное... Нѣкоторые изъ нихъ уже нанялись, а остальные частью разошлись по другимъ мѣстамъ, а частью вернулись домой, не найдя работъ. Всѣ жалуются, что цѣны на степныя работы въ нынѣшнемъ году вдвое меньше прошлогднихъ. Урожай плохой, погода не постоянна».

Изъ Полтавской губ. въ то же время сообщали, что весьма много рабочихъ, ушедшихъ раннею весной на заработки въ Таврическую губ. и Новороссійскій край, теперь или оказываются тамъ въ самомъ несчастномъ положеніи, безъ работы, или же „по пѣшему хожденію“ возвращаются по домамъ, не надѣясь и въ лѣто найти тамъ прибыльной работы и спѣша хотя домой прибыть къ началу сѣнокоса и полевыхъ работъ, чтобы хотя какую-либо работу захватить дома. Чрезъ Кременчугъ теперь вмѣстѣ съ поздними партіями, отправляющимися въ Таврію и Крымъ, возвращаются пока одиночки и оттуда, которые и приносятъ въ селеніе печальную вѣсть, что какъ въ Таврической губ., такъ и въ Крыму работать въ лѣто нынѣ будетъ многимъ нечего, по случаю неурожая и что, вслѣдствіе этого, очень много партій скоро возвратятся съ пустыми руками и карманами домой. Такимъ образомъ, многіе пропутешествовали туда и обратно больше тысячи верстъ, затратили время и не выручили даже на хлѣбъ и переѣздъ себѣ.

Въ это же время изъ Таганаша, (вокзалъ Л.-С. ж. д. въ Крыму), сообщали тревожныя вѣсти, что «среди рабочихъ, находящихся въ самомъ тяжеломъ положеніи и собравшихся въ Таганашѣ въ небываломъ числѣ, въ виду полнѣйшаго отсутствія работы и нанимателей, начинается какое-то глухое броженіе, принявшее такіе очевидно размѣры, что на мѣсто съ курьерскимъ поѣздомъ выѣхалъ таврическій вице-губернаторъ".

Замѣтимъ въ скобкахъ, что однажды намъ пришлось лично быть свидѣтелями подобнаго «глухаго броженія» на другомъ крымскомъ вокзалѣ—Курманъ-Кемельчи. Годъ былъ по урожаю не важный и вотъ, въ ничтожномъ поселкѣ, образовавшемся около этого вокзала, собралось около двухъ тысячъ человѣкъ, не нашедшихъ работы рабочихъ. Вся эта громадная толпа лежала подъ всѣми заборами цѣлую недѣлю, напрасно поджидая нанимателей; вмѣсто послѣднихъ подходили изъ степей все новыя и новыя артели такихъ же горемыкъ и пришедшіе раньше, видя въ приходящихъ послѣ нихъ новыхъ конкуррентовъ на предполагаемый кусокъ хлѣба, все болѣе и болѣе озлоблялись. Мѣстная пекарня не могла наготовить хлѣба и выписывала его изъ Симферополя. Настроеніе толпы сдѣлалось въ высшей степени натянутымъ, чувствовалось, что нервы у каждаго взвинчены до послѣдней возможности и не достаетъ только спички, чтобы порохъ вспыхнулъ и произошло что-нибудь ужасное. Эта спичка явилась въ лицѣ нѣсколькихъ нѣмцевъ, пріѣхавшихъ грузить на подводы купленныя ими жатвенныя машины. Оскорбили ли нѣмцы задиравшихъ ихъ рабочихъ, съ ненавистью наблюдавшихъ за укладкою ихъ самаго страшнаго врага—машинъ, или просто кто-нибудь крикнулъ: «а что, ребята, давай бить обезьянъ бритыхъ за то, что они машины выдумали», только черезъ минуту раздался кличъ: «бей нѣмцевъ» и, моментально собравшаяся толпа, набросилась на всѣхъ, кто только былъ похожъ на нѣмца. Нѣсколькихъ человѣкъ поколотили до полусмерти, остальные повскакивали на стоявшія тутъ запряженными брички и ускакали отъ расправы, благодаря только быстротѣ своихъ лошадей. А толпа, которая выросла уже вдвое-втрое, въ которой «пробудился звѣрь», съ крикомъ и гамомъ ринулась дальше, ища на чемъ бы сорвать свое сердце. Это было что-то ужасное; казалось, двигалась какая-то стихійная сила, которая сотретъ съ лица земли все, что ни попадется ей на пути, и не оставитъ камня на камнѣ. Одну минуту казалось, что погромъ—

погромъ всеобщій, самый ужасный—не минуемъ; блѣдные купцы поспѣшно запирали лавки, жители прятались по домамъ. Но все вдругъ приняло другое направленіе: началась ссора въ самой толпѣ, между малороссами и великороссами, вообще ненавидящими и презирающими другъ друга; ссора перешла въ драку, кого-то ударили ножомъ, кого-то топтали ногами, нѣсколькихъ человѣкъ окровавленныхъ, еле дышащихъ выносили на рукахъ, вытаскивали изъ свалки за ноги. Этимъ все и кончилось. На другой день пріѣхала губернская администрація и рабочихъ, въ нѣсколькихъ поѣздахъ, отправили домой безплатно. Все кончилось лучше, нежели можно было ожидать, но кто видѣлъ хоть разъ толпу, въ которой «проснулся звѣрь», тотъ никогда не забудетъ этого и, когда вспомнитъ, то невольно содрогнется.

Изъ Маріупольскаго уѣзда сообщали слѣдующее: „Село Карань, находящееся между землей войска донского и маріупольскимъ уѣздомъ—сборный пунктъ рабочихъ. 6-го іюля до 1000 человѣкъ расположилось возлѣ рѣчки, въ ожиданіи работъ. Лишь только толпа замѣчала пріѣзжаго, она, принимая его за землевладѣльца или арендатора, бросалась къ нему, прося ради христа взять на работу. „Ѣсть нечего!“ вопила толпа. Къ несчастью для рабочихъ, просьбы ихъ мало удовлетворяются: хозяева берутъ слишкомъ мало рабочихъ и по самой низкой цѣнѣ (поденная плата отъ 50 до 60 коп.), которую стараются понизить «безъ зазрѣнія совѣсти» до невозможнаго. Между тѣмъ, урожай въ этихъ мѣстахъ хорошъ: десятина ячменя даетъ отъ 10 до 15 и болѣе четвертей. Въ чемъ же кроется причина? Во-первыхъ въ томъ, что не во всѣхъ мѣстахъ урожай; а вовторыхъ, каждый хозяинъ, засѣвающій 50—60 десятинъ, считаетъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть жатвеную машину, стоющую теперь 150—160 руб. и, такимъ образомъ, уборка хлѣба можетъ производиться своимъ семействомъ и нанятыми на срокъ рабочими, которыхъ разсчитываютъ по уборкѣ хлѣба, далеко еще до срока. Рабочіе, приходящіе за тысячу верстъ на работу, остаются безъ нея и принуждены бываютъ возвращаться назадъ домой, питаясь подаяніемъ; а дома-то что ихъ ждетъ? Гдѣ подыскать работу для такой массы рабочихъ силъ? А силъ-то все болѣе и болѣе накопляется и нѣтъ имъ никакого исхода. Слѣдовало бы обратить вниманіе на это печальное явленіе, повторяющееся изъ года въ годъ».

А вотъ одновременное сообщеніе изъ Лозовой:

«Массовое движеніе рабочихъ на югъ не только не прекращается но даже усиливается. Самая главная бѣда въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ эти выходцы изъ Курской и Орловской губерній направляются безъ всякихъ заранѣе опредѣленныхъ плановъ; спрошенные въ этомъ отношеніи, они обыкновенно отвѣчаютъ, что ѣдутъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятъ болѣе или менѣе выгодныхъ предложеній работы, безразлично, въ чемъ бы она не заключалась. Добравшись до Харькова, они обыкновенно ближайшимъ пунктомъ своего отправленія отсюда выбираютъ станцію «Лозовую», которая уже сама по себѣ даетъ имъ много надеждъ, такъ какъ тамъ ихъ часто встрѣчаютъ агенты съ предложеніями отъ разныхъ экономій и заводовъ. На-дняхъ, со спеціальнымъ поѣздомъ изъ Курска, прибыла въ «Лозовую» громадная партія рабочихъ, въ количествѣ болѣе 500 чел., между которыми было много женщинъ. Всѣ они по преимуществу изъ тѣхъ же названныхъ губерній. Незначительное количество изъ нихъ было нанято мѣстными подрядчиками для каменныхъ и плотничьихъ работъ, остальные расположились лагеремъ на привокзальной площади, въ ожиданіи назначенія для нихъ поѣзда на югъ. Станція «Лозовая» и въ этомъ случаѣ соединяла въ себѣ всеобщее стремленіе. Отдѣльныя группы на этотъ разъ имѣли болѣе опредѣленные планы въ отношеніи конечнаго пункта своего движенія, выражавшіеся, впрочемъ, довольно неопредѣленными: «въ Таврію» и «за Кубань». Небольшое число счастливцевъ ѣхало даже съ подрядчиками, на вполнѣ опредѣленныя работы. Въ сравненіи съ другими, участь этихъ послѣднихъ могла казаться вполнѣ завидною, въ особенности, если принять во вниманіе тѣ случаи, когда рабочіе, добравшись кое-какъ, напримѣръ, до Харькова, не имѣютъ средствъ двинуться далѣе и, волей-неволей идутъ въ городъ, гдѣ ихъ часто можно встрѣтить на улицахъ, христовымъ именемъ собирающими средства для дальнѣйшаго путешествія».

Это движеніе «на авось», безъ всякихъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, чего слѣдуетъ ожидать и на что разсчитывать, прекрасно и вѣрно обрисовано въ статьѣ «съ Приднѣпровья», помѣщенной въ «Крымскомъ Вѣстникѣ».

«Случай позволилъ мнѣ,—говоритъ авторъ,—только-что побывать въ тѣхъ мѣстахъ Приднѣпровья, откуда, главнымъ образомъ, приходятъ рабочіе въ Новороссію вообще и въ Таврію въ частности. Я проѣхалъ

по чигиринскому уѣзду Кіевской губ., по лубенскому и кременчугскому Полтавской и, на основаніи всего видѣннаго мною, могу смѣло утверждать, что рабочее движеніе на югъ, несмотря на неудачи послѣднихъ лѣтъ, не только не утихло, но еще болѣе увеличилось. Пѣшія партіи выступили по дорогѣ къ Каховкѣ уже вскорѣ послѣ праздниковъ Пасхи. По обѣимъ сторонамъ Днѣпра сплошь и рядомъ вы обгоняете отдѣльные возы, запряженные въ одну лошадь. На возахъ сложена одежда и взятое въ далекую дорогу (500—700 верстъ до Каховки) продовольствіе, въ видѣ сухарей, сала, гречневой муки и сухихъ паляницъ, а сзади и съ боковъ, при каждомъ возѣ, шагаетъ душъ десять-двадцать крестьянской молодежи обоего пола. Попадаются и старики, но особенно бросается въ глаза большой процентъ дѣтворы и исключительно мальчиковъ, лѣтъ десяти-пятнадцати, которыхъ съ особенною охотою нанимаютъ въ послѣднее время, благодаря сильному распространенію машинъ, южно-русскія экономіи. Иногда встрѣчается огромная чумацкая валка, возовъ въ двадцать, и тутъ толпа рабочихъ переваливаетъ за сотню душъ. Особенно замѣтно это движеніе въ Кременчугѣ, гдѣ партіи переходятъ съ лѣваго берега на правый. Одна партія за другою слѣдуютъ почти безпрерывно черезъ кременчугскій мостъ. «Тронулась Полтава,—говорятъ горожане,—а черезъ мѣсяцъ половина назадъ христовымъ именемъ поплететься, каждый годъ одна и та же исторія повторяется». И это совершенно вѣрно, но... «примѣръ никому не наука». Въ деревняхъ, расположенныхъ у самаго Днѣпра, особенно на чигиринскомъ берегу, тоже кипитъ самая дѣятельная работа: готовятъ дубы. «Дубъ»—это большая, остроносая лодка, въ которой свободно помѣщается до двадцати и болѣе душъ. Постройка такого дуба, благодаря дешевизнѣ здѣсь лѣса, стоитъ недорого и на этихъ-то дубахъ отправляются въ Каховку, пробираясь прямо черезъ пороги, ежегодно нѣсколько тысячъ рабочихъ. Путешествіе на дубѣ далеко не безопасно,—ни одна весна не обходится безъ того, чтобы старый Днѣпръ не разбилъ гдѣ-нибудь подобнаго утлаго судна и не похитилъ бы нѣсколько жертвъ. Но рабочіе, при малѣйшей возможности, предпочитаютъ все-таки ѣхать водою. Во-первыхъ, придешь на мѣсто свѣжимъ, а не подобьешься, какъ подбиваются, нерѣдко до полнѣйшей невозможности стать на ноги, идущіе при возахъ, а во-вторыхъ, на путешествіе водою требуется гораздо меньше времени и, избирающіе этотъ путь, трогаются изъ дому только послѣ

Егорьева дня. Не разъ я вступалъ въ разговоръ съ идущими рабочими. И я не встрѣчалъ ни одного, который, хотя бы приблизительно, зналъ о видахъ на урожай въ Таврiи. Когда я говорилъ, что самъ живу въ Крыму, они жадно набрасывались на меня съ распросами, но отходили съ недовольнымъ видомъ, когда я объяснялъ, что пришедшiе весною на заработки нанялись по два-три рубля въ мѣсяцъ, что вѣтры уничтожили въ Таврiи много озимки, что холодная, сухая погода не радуетъ хозяевъ и задерживаетъ ростъ полевой растительности. Несмотря на эти неутѣшительныя перспективы, рабочiе со словами: «Богъ дастъ дождь—все поправится»,—продолжали идти дальше. Ботъ и толкуйте тутъ «объ урегулированiи рабочаго движенiя». По дорогѣ идутъ тысячи людей, по сторонамъ, насколько глазъ хватитъ, растилаются роскошныя поля съ прекрасными всходами, а впереди, на югѣ, куда стремится эта живая волна, ничего хорошаго не видно — и все-таки она стремится. Это прямо какое-то стихiйное движенiе. Разговорился я, между прочимъ, съ атаманомъ одной партiи, который ходитъ въ Каховку регулярно уже болѣе десяти лѣтъ. Какъ же вы, чудаки этакiе, идете наобумъ, не зная, что и какъ тамъ?—спрашиваю его. Оказывается, что рабочiе на этотъ счетъ имѣютъ свои примѣты. По ихъ словамъ, послѣ абсолютнаго неурожая долженъ быть непремѣнно великолѣпный урожай. Долженъ—да и баста, а почему долженъ, это неизвѣстно. И этой слѣпой увѣренности даже не въ силахъ побѣдить горькiй опытъ, который ясно показываетъ, что у насъ урожайные годы далеко не чередуются съ неурожайными, что, напротивъ, за одною коровою тучною мы получаемъ семь тощихъ.—«Ну, хорошо,—сказалъ я своему собесѣднику,—что же будетъ, если въ Таврiи опять засуха погубитъ всѣ надежды? Опять третья часть идущихъ туда найдетъ мѣсто за грошевое вознагражденiе, а остальныя двѣ трети, побродивши по степямъ, принуждены будутъ возвращаться домой ни съ чѣмъ. Не лучше было бы разузнать сначала все подробно о видахъ на урожай и, сообразуясь съ ними, отправляться или сидѣть дома?—«Э, пане,—возразилъ онъ,—изъ этого толку никогда не будетъ. Положимъ, мы даже знаемъ, что третья часть найдетъ заработокъ. Такъ развѣ думаете, что народа пойдетъ меньше? Всякiй разсчитываетъ, что *онъ* найдетъ мѣсто, а другiе останутся—и всякiй идетъ. А что касается до незначительности жалованья, то и это никого не удержитъ. Идемъ мы туда не отъ роскоши. Вы видите, какая у насъ здѣсь

тѣснота, слобода на слободѣ, земли своей—самые пустяки, аренда не подъ силу. Что же дѣлать многосемейнымъ? Пусть каждый по пятнадцати рублей послѣ Покрова принесетъ—и то подспорье большое. У насъ каждый грошъ дорогъ. Вы посчитайте, что харчи, которые они съѣли бы за лѣто, оставаясь дома, цѣлы останутся, а вѣдь это тоже не шутка. Что же до дивчатъ, это опять статья другая. Видите сколько ихъ теперь въ Таврію ходитъ и даже вы ее ничѣмъ не удержите, сами бѣжать готовы».—«Это почему же?»—«А потому, что онѣ для себя зарабатываютъ. Все, что дивчина принесетъ съ заработковъ, за самымъ малымъ исключеніемъ, идетъ въ ея пользу. На эти деньги ей справляютъ одежду, намисто, скрыню (сундукъ),—однимъ словомъ, полное приданое. Походитъ дивчина года три на заработки,—у нея скрыня полная, всякой справы довольно. А которая дома сидитъ, у той кромѣ холста, что за зиму напряла, нѣтъ ничего. Нема съ чѣмъ и замужъ идти, а батько за свои деньги ничего не купитъ. Заработай, дескать, сколько заработаешь, то твое. Вотъ и считайте сами: останется дѣвка дома, все равно лѣто проработаетъ и гроша за это не получитъ. А въ Тавріи худо-худо, если не прозѣваетъ мѣсто, четвертной билетъ возьметъ. Вотъ и не мудрено, что теперь у насъ, чуть дѣвчонка поднимается, такъ ее и тянетъ на заработки...»

Мы позволимъ себѣ остановиться и не продолжать цитировать газетныя статьи,—при желаніи, ихъ можно собрать цѣлые томы. Дѣло въ томъ, что всѣ онѣ носятъ одинъ и тотъ же характеръ и, что творится гдѣ-нибудь въ Алешкахъ или Перекопѣ, то же самое происходитъ во всѣхъ многочисленныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Новороссіи. Мы говоримъ это основываясь не на однихъ только газетныхъ сообщеніяхъ, но главнымъ образомъ на собственныхъ наблюденіяхъ, которыя мы лично производили въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ и притомъ въ разныхъ мѣстахъ.

Но вотъ, послѣ ряда неурожайныхъ годовъ, вдругъ судьба даритъ насъ урожаемъ. Въ Новороссіи въ этомъ отношеніи все больше случаются крайности: неурожай—такъ нѣтъ ничего, за то ужь если уродитъ, то уродитъ во-всю, такъ что всѣ растеряются и значительную часть посланнаго не въ мѣру расщедрившеюся природой хлѣба и сѣна сгноятъ въ степи. Тогда рабочій вопросъ принимаетъ другую окраску, діаметрально противоположную: въ роли бѣдныхъ и страдающихъ являются не рабочіе, а хозяева. Относясь совершенно безпри-

страстно къ той и другой сторонѣ, мы не можемъ не признать, что большая часть этихъ криковъ и воплей о несчастномъ положеніи хозяевъ, у которыхъ рабочіе «хотятъ вырвать послѣдній кусокъ хлѣба» (такъ и пишутъ!), которыхъ въ разгаръ работы бросаютъ цѣлыя артели, носятъ слишкомъ тенденціозный характеръ и имѣютъ свою специфическую окраску. У хорошаго хозяина, платящаго рабочему такое жалованье, какое вполнѣ безобидно для обѣихъ сторонъ сообразно урожаю, который кормитъ рабочаго, какъ слѣдуетъ и не выматываетъ изъ него жилъ, рабочій никогда не уйдетъ, если не считать, можетъ-быть, единичныхъ исключеній. Это аксіома и аксіомой она остается, что бы тамъ ни кричали противники ея. Мы вели хозяйство степное въ Крыму на вышесказанныхъ условіяхъ, попали два-три раза подъ годы урожайные и никогда не было случая, чтобы нанятые въ Каховкѣ девятаго мая рабочіе покинули насъ до срока, т.-е. до 1-го октября, хотя ни одно почти лѣто не обходилось безъ того, чтобы не приходилось удалить одного-двухъ человѣкъ, особенно нерадивыхъ, или, такъ называемыхъ, «бунтарей». Старанія послѣднихъ заставить рабочихъ «взбунтоваться» никогда не удавались, такъ какъ не было для этого причинъ. Если рабочіе начинали жаловаться на харчи, то жалобы ихъ строго провѣрялись и, при основательности ихъ, удовлетворялись, а при неосновательности—имъ объясняли, что претензіи ихъ неправильны. Испробованная разъ мѣра, дѣлать маленькія надбавки послѣ Покрова (надбавки обусловливаются единственно только доброю волей хозяина и связаны съ результатами урожая), дала блестящіе результаты и мѣра эта обратилась въ постоянное правило. Рабочіе впослѣдствіи такъ привыкли къ этому, что въ то время, какъ у сосѣдей то и дѣло уходили рабочія артели, нанявшіяся съ весны слишкомъ дешево, у насъ все было спокойно и рабочіе говорили съ полнымъ довѣріемъ: „насъ панъ не обидитъ“. Этою же мѣрой мы достигли того, что изъ года въ годъ приходили все одни и тѣ же рабочіе, а насколько это обстоятельство важно въ хозяйствѣ,— не требуетъ поясненій. Если какой-либо новичёкъ и приходилъ просить среди срока прибавки, то сами же товарищи удерживали его. Эти произвольныя надбавки колебались между 3—10 рублями, смотря по степени урожая и, главнымъ образомъ, по личнымъ качествамъ рабочаго. Рабочіе это знали и старались на славу. Подобная система, введенная двумя-тремя сосѣдними землевладѣльцами, дала и у нихъ

такіе-же отличные результаты. Съ хозяйственной точки зрѣнія прибавки вовсе не были обременительны, какъ это стараются доказать другіе, для экономическаго бюджета, составляя въ общемъ не болѣе десяти процентовъ выплачиваемаго жалованья. Но эти лишніе десять процентовъ съ лихвою вознаграждались, во-первыхъ, болѣе усердною работой и, во-вторыхъ, что самое главное, отсутствіемъ того, что составляло злобу дня въ это время у другихъ и выражалось въ постоянномъ уходѣ нанятыхъ рабочихъ артелей, сопровождавшемся почти всегда и потерей дорогаго времени. У насъ въ сосѣдствѣ были крупныя экономіи, гдѣ за лѣто перемѣнялось нѣсколько артелей: однѣ уходили, другія нанимались и въ свою очередь бросали экономіи,—и сколько погибало дорогаго времени, благодаря непрестаннымъ недоразумѣніямъ! Сѣно перестаивало, оставалось въ копнахъ до глубокой осени и гнило подъ дождями, хлѣбъ убирался урывками, перезрѣвшимъ и осыпался, всѣ работы шли черезъ пень-колоду. Отсюда-то тотъ сильный вопль землевладѣльцевъ, отголоски котораго вы можете встрѣтить въ періодической печати, въ изданіяхъ департамента земледѣлія и сельской промышленности, въ протоколахъ земскихъ собраній. Все это сводится къ одному: „рабочіе не добросовѣстны и хозяйничать теперь нѣтъ положительно никакой возможности". Inde iga et lacrimae. Только такъ ли все это и дѣйствительно ли кругомъ безусловно виноватъ рабочій, а хозяева являются только страдательнымъ элементомъ? Нѣтъ и нѣтъ. Пусть выучатся прежде всего смотрѣть на рабочихъ, какъ на людей, а не какъ на скотовъ и вотъ, если тогда будетъ повторяться то же, что происходитъ теперь въ большей части хозяйствъ, гдѣ обѣ стороны сразу же становятся въ какія то, ни на чемъ не основанныя непріязненныя отношенія, гдѣ озлобленный помѣщикъ съ ненавистью, еще не видя нанятыхъ и идущихъ съ ярмарки рабочихъ, называетъ ихъ ужь не иначе, какъ «мерзавцами» и въ душѣ тоже считаетъ ихъ способными на все негодями, тогда пусть все то, что мы говоримъ здѣсь, назовутъ ложью и неправдою. Многіе, впрочемъ, и теперь скажутъ это самое. Но, господа, будемъ справедливы. Вы, въ оправданіе своихъ доводовъ говорите, что почему тотъ же самый рабочій смирно сидитъ у васъ въ плохіе годы и, не только не уходитъ тогда самъ, но и „коломъ его не вышибешь"? Да очень просто, потому что голодное брюхо и нужда, крайняя нужда, заставляютъ его переносить все—и непосильную работу, и хлѣбъ изъ ячменя, и галушки изъ муки,

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

смолотой изъ „кауза“, отъ которой животъ пучитъ, и борщъ съ червями, вмѣсто капусты. Рабочій сидитъ и терпитъ потому, что идти некуда, да и онъ видитъ ежедневно толпы своихъ голодныхъ земляковъ, которые и того не имѣютъ. Но вотъ наступаетъ хорошій годъ, а владѣлецъ, не принимая во вниманіе измѣнившихся обстоятельствъ, подчуетъ рабочаго тѣмъ же добромъ. Но теперь у рабочаго есть право выбора, онъ вездѣ желанный гость и тѣ невозможныя условія, съ которыми онъ мирился въ прошедшемъ году, единственно только въ силу горькой необходимости, заставляютъ его теперь уйти. Если ему не даютъ денегъ за проработанныя одну-двѣ недѣли, онъ бросаетъ ихъ и все-таки уходитъ, никогда не жалуясь въ судъ, и большая часть этихъ первоначальныхъ заработковъ такъ и остается у хозяевъ *).

Мы знаемъ владѣльцевъ, которые прекрасно сознаютъ всю невыгоду такихъ отношеній, дѣйствительно разоряющихъ хозяйство, но которые не хотятъ измѣнить ихъ въ силу какого-то, совершенно непонятнаго для посторонняго человѣка принципа. Озлобленіе ихъ доходитъ до невозможныхъ предѣловъ и съ такими людьми не стоитъ и поднимать разговора объ этомъ ихъ больномъ мѣстѣ. Никакими доводами и никакими фактами не убѣдите ихъ, и въ отвѣтъ на все получите одно и то же: „надо душить ихъ, подлецовъ, не давать потачки“. А въ результатѣ, кто оказывается въ убыткѣ? Въ матеріалахъ херсонскаго губернскаго земства говорится, что въ общемъ нельзя не признаться, что требованія нашихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ отношеніи пищи довольно скромны, такъ какъ всѣ они сводятся къ тому, чтобы „хлібъ не бувъ гіркій“, былъ бы борщъ съ наваромъ и были бы галушки. Худые харчи служатъ *чаще всего* ближайшимъ предлогомъ для рабочихъ бросать экономію. Отъ рабочихъ, бросившихъ экономію, чаще всего можно услышать такія характерныя, со свойственнымъ малороссу юморомъ, заключенія, что борщъ имъ давался съ собачкою (т.-е. безъ всякаго навара, „брандахлыстъ“), хлѣбъ такой, что „годывся тилько коныкі ліпыть“ (т.-е. совершенно сырой) и что ихъ угощали „небрітыми галушкамі“ (т.-е. съ остями непросѣянной ячменной муки **). Все это совершенно вѣрно,— къ сожалѣнію такія харчи

*) Договоры между хозяевами и рабочими почти всегда заключаются словесно и искать судомъ свои заработанныя деньги для рабочаго нѣтъ почти никакой возможности.

**) Работа д-ра Тезякова.

даются въ большинствѣ хозяйствъ и намъ случалось часто видѣть и слышать, что единственно только благодаря харчамъ, рабочіе бросаютъ хозяевъ, не только въ хорошіе, но даже въ самые плохіе годы. Относительно системы произвольныхъ надбавокъ, чтобы выводы наши, основанные главнымъ образомъ на собственномъ опытѣ, не назвали голословными, мы позволимъ себѣ привести здѣсь свѣжій примѣръ изъ практики колоссальнаго и образцово устроеннаго хозяйства Фальцъ-Фейнъ. Въ позапрошедшемъ году урожай на югѣ отличался полнѣйшею черезполосицею: были мѣста съ прекрасными хлѣбами, были съ плохими и плата рабочимъ установилась нормальная. У г. Фальцъ-Фейна полные рабочіе, на лѣтній срокъ, были наняты въ Каховкѣ по сорока пяти рублей, полурабочіе и дѣвки по пропорціональной этой цѣнѣ. Урожай оказался лучше, чѣмъ можно было ожидать съ весны и владѣлецъ, кстати сказать, образцовый хозяинъ и весьма гуманный человѣкъ, рѣшилъ всѣмъ рабочимъ сдѣлать сюрпризомъ прибавку. До самаго дня разсчета никто изъ рабочихъ не подозрѣвалъ о такой благодати и, можно себѣ представить ихъ радость и благодарность! «Бунтари», подбивавшіе артели лѣтомъ бросать работы и требовать увеличенія жалованья и отмѣченные своевременно, не получили въ награду ничего. При громадномъ количествѣ служащихъ у г. Фальцъ-Фейна рабочихъ, на прибавки ушло около 7.000 рублей. Въ настоящемъ году, встрѣтившись съ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейномъ въ Каховкѣ, мы заговорили на эту тему; онъ задавалъ вопросъ, скажется ли въ чемъ-либо вліяніе прошлогодней прибавки при наемкѣ и мы были мнѣнія, что скажется. Во время ярмарки, виды на урожай, благодаря на цѣлый мѣсяцъ запоздавшей веснѣ, еще не выяснились и состояніе, какъ хлѣбовъ, такъ и травъ, съ натяжкою можно было назвать среднимъ. Цѣна рабочимъ до Покрова установилась въ 50 руб. Но вотъ во второй половинѣ мая пошли благотворные дожди, хлѣба изъ плоховатыхъ превратились въ роскошные и повсюду начались обычные «бунты». Изъ крупныхъ экономій рабочіе уходили сотнями, уходили отъ мужиковъ-хуторянъ, а между тѣмъ въ «Асканіи-Новѣ» и другихъ имѣніяхъ Фальцъ-Фейна все было тихо и спокойно. Отсюда не только не уходили,—напротивъ, сюда приходили ушедшіе изъ другихъ мѣстъ. Ихъ охотно нанимали по ярмарочной цѣнѣ. Намъ случилось въ это время быть въ «Асканіи-Новѣ» и мы распрашивали дѣвокъ, являвшихся сюда по уходѣ отъ мужиковъ. Несмотря на то, что у

мужиковъ плата была гораздо выше, дѣвки ушли отъ непосильной работы, такъ какъ, по ихъ словамъ, имъ не давали отдыха «ни въ день, ни въ ночи». Рабочіе, ушедшіе изъ другихъ экономій съ «бунтомъ», становились здѣсь безо всякихъ разговоровъ. «Да вѣдь вы и тамъ же получали пятьдесятъ рублей, что же заставило васъ уйти?» спрашивали мы нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Тамъ йисты нічого, та тутъ, якъ будемъ добре робыть, то намъ сами набавять», отвѣчали они. Такое настроеніе, надежда, что «намъ сами набавять», по словамъ таборныхъ прикащиковъ, господствовало на всѣхъ таборахъ и дѣло плавно и тихо шло впередъ, въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ пороли горячку. Таковы-то факты и кто не вѣритъ въ нихъ, пусть попробуетъ провѣрить ихъ на дѣлѣ самъ. А между тѣмъ, жалобы владѣльцевъ на полнѣйшую невозможность продолжать «хозяйничать», благодаря полнѣйшей зависимости отъ рабочихъ, носятъ слишкомъ общій характеръ, чтобы на нихъ не остановиться. Въ сборникахъ, ежегодно издаваемыхъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, ими переполнено большинство корреспонденцій. Въ довольно солидномъ трудѣ С. А. Короленко, посвященномъ вольно-наемному труду въ хозяйствахъ владѣльческихъ и составленномъ по матеріаламъ (немного устарѣвшимъ, кстати сказать), полученнымъ отъ хозяевъ, ео ipso отличающимся извѣстною односторонностью, ихъ такая масса, притомъ несущихся изо всѣхъ губерній, что человѣкъ, незнакомый съ дѣломъ, познакомившись съ ними, въ ужасѣ опуститъ руки и составитъ себѣ понятіе, что у насъ въ экономіяхъ царитъ какая-то анархія. Мы не будемъ приводить здѣсь этихъ жалобъ,—всѣ онѣ одинаковы,—и желающихъ ознакомиться съ ними отсылаемъ къ подлиннику *). Если изъ елизаветградскаго уѣзда «положительно утверждаютъ, что гдѣ бы вы и какъ бы вы ни наняли рабочихъ, они непремѣнно оставятъ васъ, такъ что вы только поутру освѣдомитесь, что вы безъ рабочихъ», то эта же самая исторія комментируется на разные лады еще изъ нѣсколькихъ десятковъ другихъ уѣздовъ. Если изъ черкасскаго округа Донской области **) увѣряютъ, «что при теперешней неблагополучности хозяина въ исполненіи договоровъ ра-

*) Сельскохозяйственныя статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ сельскихъ хозяевъ. Выпускъ V. Составилъ С. А. Короленко. С.-Петербургъ, 1892 годъ.

**) Ibid.

бочимъ, невозможно вести хозяйства въ нашихъ краяхъ,—сколько мнѣ извѣстно, большинство лучшихъ имѣній давно уже окончило свои дѣла, *сдавъ землю въ аренду* (курсивъ нашъ). Многіе изъ хозяевъ, окончившихъ свои операціи, могли бы быть образцовыми для нашего края. Теперь эти земли эксплоатируетъ крестьянинъ, который, вмѣсто улучшенной культуры, своею обработкою полей разводитъ всевозможныя сорныя травы», то аналогичныя жалобы вы встрѣтите еще на десяткахъ страницъ этой книги. Мы нарочно отмѣтили только что приведенное сообщеніе. Дѣйствительно, въ послѣднее пятилѣтіе огромное большинство крупныхъ и среднихъ южныхъ хозяйствъ, ликвидировавъ, или ликвидируя понемногу свои дѣла, сдаетъ землю въ аренду участками разной величины. Но это объясняется вовсе не невозможностью ладить съ рабочими, какъ утверждаютъ черкасскій и другіе хозяева, ладить съ ними теперь, благодаря сильному распространенію машинъ, во сто разъ легче, нежели это было пять лѣтъ тому назадъ, (объ этомъ ниже), а тѣмъ простымъ и всякому понятнымъ обстоятельствомъ, что арендная плата дошла до возможнаго шахішиш'а и даже, кажется, мѣстами перешагнула его. Мы сами были свидѣтелями, что въ 1888 году, за десятину подъ одинъ озимый посѣвъ, платили по пятнадцати рублей, а натуральная аренда повсемѣстно перешла на половину, т.-е. крестьянинъ обрабатываетъ владѣльческую ниву, засѣваетъ ее своими сѣменами, убираетъ и доставляетъ въ указанное владѣльцемъ мѣсто половину всего урожая, оставляя другую половину себѣ. Да при такихъ условіяхъ, будь даже наши рабочіе смирнѣе и безотвѣтнѣе древнегреческихъ илотовъ, хозяйство, самое образцовое, не дало бы и со всею своею «улучшенною культурой» тѣхъ доходовъ, что даетъ помѣщику «засоряющій его поля сорными травами» крестьянинъ-арендаторъ. Принципъ: взять съ земли какъ можно больше и дать ей какъ можно меньше,—является въ Новороссіи господствующимъ, и «крайняя экстенсивность» нашихъ южно-русскихъ крупныхъ хозяйствъ отмѣчается самимъ г. Короленко, для каждой губерніи въ отдѣльности и для всѣхъ вмѣстѣ. Сами владѣльцы отлично сознаютъ это и, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, министерство государственныхъ имуществъ разослало владѣльцамъ вопросные листы, касающіеся многихъ животрепещущихъ сторонъ современнаго хозяйства, то мы встрѣчали въ графѣ «система хозяйства» лаконическіе отвѣты: «шаромыжническая». Горькая иронія, къ сожалѣнію не далеко ушедшая отъ истины.

Итакъ, слѣдуетъ установить тотъ безусловный фактъ, что арендное направленіе хозяйства, все прогрессирующее теперь въ Новороссіи, вызвано, главнымъ образомъ, сильнымъ повышеніемъ арендной платы, доходящей до размѣровъ, существующихъ въ черноземныхъ губерніяхъ, съ самымъ густымъ населеніемъ. Ссылаться, говоря объ этомъ, на невозможность имѣть дѣло съ вольнонаемными рабочими,—значитъ изъза деревьевъ не видѣть лѣса, или бить не по коню, а по оглоблямъ. Черкасскіе хозяева скорбятъ о ликвидаціи «многихъ хозяйствъ, которыя могли бы быть образцовыми», но дѣло еще въ томъ, что слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ подъ словомъ «образецъ». Если понимать его такъ, что данное хозяйство должно служить примѣромъ для другихъ именно по своей правильности и интенсивности, то для этого уже выработана аксіома,—оговариваемся, выработана у насъ, такъ какъ предчувствуемъ, что сейчасъ же намъ начнутъ приводить ссылки на заграницу: чѣмъ образцовѣе (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) ведется хозяйство, тѣмъ меньше оно приноситъ доходовъ. Отсюда можно еще сказать такъ: а разъ оно малодоходно, то уже по этому самому не образцово. Это можетъ быть силлогизмъ, но силлогизмъ, имѣющій глубокій смыслъ. Съ другой стороны, если называть «образцовымъ» то хозяйство, которое приноситъ самые высшіе доходы, то вѣдь нужно сознаться, что никакая «высшая культура» никогда не дастъ столько, сколько дастъ мужикъ, «засоряющій поля сорными травами» и все-таки платящій владѣльцу, за право вспахать и посѣять десятину его земли, десять-пятнадцать рублей. Эта операція настолько выгодна, что теперь круговая отдача земли въ долгосрочную аренду отходитъ по немногу въ область преданія и владѣльцы безусловно предпочитаютъ однолѣтнюю аренду, непосредственно съ крестьянами, все равно денежную или натуральную.

Здѣсь мы позволимъ себѣ маленькое отступленіе; всѣ знаютъ, что имѣнія помѣщиковъ въ Новороссіи съ поражающею быстротой переходятъ въ руки нѣмцевъ-колонистовъ. Въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерніяхъ цѣлые уѣзды уже теперь наполовину перешли въ нѣмецкія руки. Это вызвало даже извѣстный походъ противъ нѣмцевъ, которыхъ обвиняютъ въ шпіонствѣ и въ полученіи милліоновъ изъ какихъто «секретныхъ» прусскихъ фондовъ, въ образованіи авангарда германской арміи въ будущей войнѣ и т. п. небылицахъ, которымъ можетъ-быть вѣрятъ гдѣ-либо, но которыя для насъ, живущихъ и хозяйничающихъ

бокъ-о-бокъ съ нѣмцами, представляютъ только нелѣпый и абсурдный вздоръ. Что нѣмцы разбогатѣли и богатѣютъ, это вѣрно; но кто же въ этомъ виноватъ? Почему дворянскія имѣнія, въ десятки тысячъ десятинъ, переходятъ «за бездоходностью, полнѣйшею невозможностью хозяйничать», въ руки нѣмцевъ, которые притомъ скупаютъ ихъ не товариществами, а по большей части единолично, и въ нѣмецкихъ рукахъ обращаются черезъ нѣсколько лѣтъ въ цвѣтущіе оазисы? Люди совершенно несвѣдущіе говорятъ: нѣмецъ самъ исполняетъ всѣ хозяйственныя работы и въ данномъ случаѣ comparaison n'est pas raison. Откуда сложилось такое мнѣніе—Богъ его знаетъ: лично „робыть хлібъ» тотъ нѣмецъ, у котораго двадцать-тридцать десятинъ поля. Уже молочанскіе grossvirt'ы, имѣющіе по сорока десятинъ, почти не занимаются сами полевыми работами, а три четверти работы возлагаютъ на батраковъ. Но вѣдь мы считаемся не съ этими колонистами, а съ тѣми нѣмцами, которые сотнями являются владѣльцами отдѣльныхъ экономій, отъ одной до двадцати тысячъ и больше десятинъ каждая,—экономій, во многихъ уѣздахъ сплошнымъ кольцомъ сдавливающихъ уцѣлѣвшія еще русскія помѣстья, или крестьянскія деревни. Эти помѣщики-нѣмцы, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, избѣгаютъ раздавать свои земли въ аренду, а ведутъ все хозяйство, часто въ колоссальныхъ размѣрахъ, на свой страхъ и рискъ. Нѣмецъ работаетъ, пользуясь тоже вольнонаемнымъ трудомъ, при тѣхъ же самыхъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, при которыхъ хозяйничаетъ и его русскій сосѣдъ. И въ концѣ концовъ имѣніе послѣдняго, обремененное непосильными долгами, переходитъ въ руки перваго, который лѣтъ черезъ десять и распутываетъ его. Почему?—Въ томъ-то и дѣло, что причины этого «разоренія» и «оскудѣнія» лежатъ вовсе не въ «невозможности хозяйничать», а гораздо глубже и съ самымъ хозяйствомъ имѣютъ очень мало общаго. Объ этомъ такъ много писалось и говорилось, что только слѣпцы до сихъ поръ все еще тянутъ старую пѣсню... Исторія нашего оскудѣнія тоже принадлежитъ къ числу «проклятыхъ» вопросовъ и гдѣ найдется тотъ, кто бы могъ дать на это «отвѣты прямые». Примѣровъ этому можно привести цѣлые десятки, во всѣхъ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ, а въ послѣднее пятилѣтіе и въ области Донской, гдѣ теперь производятъ громадныя покупки опять-таки нѣмцы, сразу повысившіе тамъ цѣны на землю на сто процентовъ, благодаря чему тамошніе помѣщики, одинъ передъ

другимъ, спѣшатъ сбыть нѣмцамъ свои родовыя вотчины. . Но мы не будемъ утруждать подробностями вниманіе читателя,—и такъ мы отклонились въ сторону отъ прямой цѣли нашей задачи.

Безпристрастіе всегда возможно только тамъ, гдѣ исполняется мудрое правило древнихъ: audiatur et altera pars. Въ рабочемъ вопросѣ и всѣхъ его перепитіяхъ говоритъ до сихъ поръ только одна сторона, другая молчитъ. Поэтому-то всѣ выводы, которые строятъ кабинетные теоретики, для которыхъ вся эта сплошная, запутанная исторія—полнѣйшая terra incognita, основываясь на показаніяхъ одной заинтересованной стороны,—показаніяхъ слишкомъ тенденціозныхъ, какъ мы говорили выше, не стоятъ ломаннаго гроша. Изучая рабочій вопросъ преимущественно въ Таврической губерніи, гдѣ онъ считается особенно обостреннымъ, мы можемъ относиться къ жалобамъ землевладѣльцевъ очень сомнительно. Самое лучшее въ этомъ отношеніи мѣсто для наблюденій—днѣпровскій уѣздъ, гдѣ преимущественно расположены имѣнія лэндлордовъ. Жалобы отъ владѣльцевъ этого уѣзда на рабочихъ сыпятся безъ конца и со стороны можно подумать, что мѣстные помѣщики-милліонеры являются самыми несчастными людьми въ мірѣ. Вотъ посмотрите, какъ изображаетъ свою жалкую участь, говоря отъ лица вообще помѣщиковъ названнаго уѣзда, владѣлецъ Александровской и Черноморской экономій (всего около сорока тысячъ десятинъ земли). «Хозяйства наши,—пишетъ онъ въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности,—больше всего страдаютъ отъ рабочихъ и, если годъ хорошій, рабочіе *положительно эксплоатируютъ* землевладѣльцевъ, предъявляя чуть ли не каждый день новыя требованія, объ увеличеніи платы, объ улучшеніи пищи, о перемѣнѣ неугоднаго имъ прикащика и все это *безъ границъ*; въ самый разгаръ прекращаютъ работы, создаютъ праздники и, при малѣйшемъ неудовлетвореніи ихъ *капризовъ*, уходятъ. Наглядньмъ примѣромъ можетъ послужить послѣдній урожайный годъ. *Сильно заблуждаются тѣ*, которые полагаютъ, что землевладѣльцы эксплоатируютъ рабочихъ; *напротивъ*, *обратное явленіе* даетъ себя сильно чувствовать. Нѣтъ сомнѣній, что рабочій долженъ быть гарантированъ въ *исправномъ полученіи* жалованья, *въ хорошемъ содержаніи* и *необремененіи непосильною работою*, но нужно также, чтобы наниматель могъ быть увѣренъ, что рабочій не уйдетъ (?), будетъ относиться къ труду добросовѣстно, не будетъ вынуждать прибавокъ и т. п. Рабочій, обиженный чѣмъ-либо

землевладѣльцемъ, *всегда* (?) *будетъ удовлетворенъ* (?) правосудіемъ, самъ-же онъ никогда не будетъ въ состояніи вернуть тѣхъ убытковъ, которые причиняетъ землевладѣльцу» *). Такъ говоритъ владѣлецъ Александровской и Черноморской экономій, отъ лица всѣхъ *эксплоатируемыхъ* рабочими землевладѣльцевъ днѣпровскаго уѣзда; толкуя о безграничныхъ «капризахъ» рабочихъ, онъ все-же не отрицаетъ того, что рабочій «долженъ быть гарантированъ въ исправномъ полученіи жалованья, хорошемъ содержаніи и необремененіи непосильнымъ трудомъ». Но, къ сожалѣнію, авторъ слезной жалобы отдѣляетъ китайскою стѣною первое отъ второго и не подозрѣваетъ существующей между ними огромной связи. Мы попробуемъ ему доказать, что первое, т.-е. *капризы* вытекаютъ безусловно изъ тѣхъ трехъ положеній, которыя почтенные землевладѣльцы считаютъ необходимыми на бумагѣ, но не стараются примѣнить въ жизни. Чтобы насъ не упрекнули въ голословности, мы приведемъ тѣ данныя, которыя появлялись изъ днѣпровскаго уѣзда въ мѣстной печати, въ томъ же году, о которомъ говоритъ корреспондентъ департамента и остались неопровергнутыми, слѣдовательно, въ справедливости ихъ нельзя сомнѣваться. Замѣтимъ, что указанный годъ былъ выдающійся по урожаю и владѣльцы должны бы были, кажется, хотя бы въ своихъ собственныхъ интересахъ, немного лучше обращаться съ рабочими. А посмотрите что было на дѣлѣ.

Корреспондентъ «Крымскаго Вѣстника» сообщаетъ: «нецеремонное отношеніе помѣщичьихъ экономій къ своимъ рабочимъ выражается, между прочимъ, въ невозможномъ содержаніи послѣднихъ. Теперь имѣется на-лицо свѣжій фактъ, который, какъ нельзя болѣе служитъ подтвержденіемъ сказанному. Большая партія рабочихъ. преимущественно женщинъ громадильщицъ, бросили *Александровскую* экономію, гдѣ онѣ работали и возвратились обратно въ Алешки, Херсонъ, на Забалку и проч., изнуренныя, оборванныя, не докончивъ работъ и, какъ говорятъ, *не получивъ какъ слѣдуетъ разсчета.* Дѣло въ томъ, что ихъ наняли на сѣнокосъ съ платою по 1 руб. 20 коп. и 70 коп., довольно сносною (отчего же и не назначать довольно сносную плату, если не доплачивать ее въ концѣ концовъ?), но за то кормили очень скверно; рабочіе, при тяжелой работѣ съ утреней до вечерней зари,

*) Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, выпускъ III, стр. 55.

ѣли одинъ только плохой хлѣбъ, такъ какъ приварокъ и все прочее было не болѣе, какъ невозможный суррогатъ, терпѣли даже недостатокъ въ водѣ. Требованія и просьбы болѣе сносной, человѣческой пищи, вызывали со стороны администраціи одни крики и брань, но удовлетворенія никакого. Истощивъ всякое терпѣніе, рабочіе безъ оглядки бросились обратно домой, въ надеждѣ найти работу при болѣе человѣческомъ содержаніи» *).

«Рабочіе въ экономіи М—ва жалуются, сообщаетъ другой корреспондентъ, на очень плохое содержаніе. Хлѣбъ и все прочее, чѣмъ кормятъ косарей, дурнаго качества; люди изнуряются до крайней степени не столько работой, какъ, главнымъ образомъ, плохимъ содержаніемъ. Уже по одному хлѣбу можно судить о степени внимательности экономіи къ рабочимъ: это не хлѣбъ, а какая-то черная масса, изъ муки столь дурнаго качества, что довольно мудрено рѣшить, что въ немъ преобладаетъ—мука ли, или постороннія неудобоваримыя примѣси. Въ тоже время, отъ экономической администраціи то и дѣло слышатся жалобы, что рабочіе уходятъ, а остающіеся работаютъ безъ усердія. Въ другой же большой экономіи (Александровской?) случилось, какъ мнѣ передавали, такое некрасивое обстоятельство. Нанято было до 300 челов. рабочихъ по 4 р. и больше за пару, но еще далеко не была окончена косовица, какъ ихъ разсчитали по 2 р., т.-е. за половину договоренной платы и отпустили съ миромъ на всѣ четыре стороны. Быть-можетъ это у кого-нибудь вызоветъ сомнѣніе, скажутъ: рабочіе врутъ и нарочно, по злобѣ, чернятъ экономію,—но передаю то, что слышалъ; невозможнаго тутъ нѣтъ ничего» **).

Корреспондентъ изъ села Збурьевки, того же уѣзда, писалъ: «Недавно въ с. Старой Збурьевкѣ можно было видѣть слѣдующую, довольно непригляднную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустную картину. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ (мужчинъ и женщинъ), довольно усталыхъ и изможденныхъ, въ изодранномъ, износившемся платьѣ, побирались по селу христовымъ именемъ. Изъ разспросовъ оказалось, что они были наняты на полевыя работы, въ одну изъ здѣшнихъ экономій, на срокъ. Когда со временемъ можно было уже предвидѣть, что урожай хлѣба и травъ обѣщалъ быть плохимъ, то нѣмецъ-землевладѣлецъ сбавилъ

*) „Кр. Вѣс.“ № 73.

**) „Кр. Вѣс.“ № 111.

цѣну рабочимъ, на что они согласились, расчитывая, что лучше заработать что-нибудь, чѣмъ ничего, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣмецъ угрожалъ имъ разсчитать ихъ совсѣмъ. Помирившись съ этимъ, рабочіе не могли помириться съ тою пищею, которую имъ предлагали, вѣроятно разсчитывая, что русскій желудокъ отличенъ отъ нѣмецкаго и то, что не ѣстъ нѣмецъ, будетъ ѣсть русскій рабочій. Когда-же они заявили свои требованія, указывая на недоброкачественность пищи, ихъ заставляли ѣсть таковую насильно, употребляя при этомъ въ дѣло тумаки и побои, и рабочіе вынуждены были оставить этого нѣмца, не получивъ за свой злополучный трудъ ни гроша. И вотъ теперь, измаявшись и истомившись въ своихъ поискахъ за заработкомъ, эти несчастные вынуждены были возвратиться назадъ, на свою родину, не надѣясь болѣе найти подходящій трудъ для своихъ рукъ, такъ какъ въ нашемъ уѣздѣ въ этомъ году былъ урожай въ общемъ очень плохой, не считая нѣсколькихъ незначительныхъ мѣстностей, гдѣ урожай болѣе или менѣе сносный. Возвращаясь назадъ, этимъ рабочимъ пришлось проходить черезъ наше село, гдѣ ихъ и видѣли побиравшимися ради христа, пока одинъ здѣшній купецъ М—въ, сжалившись надъ ихъ печальной участью, не предложилъ имъ отъ себя пищи, на которую они съ жадностью набросились, что доказывало, что рабочіе эти въ буквальномъ смыслѣ голодали» *).

Слѣдующій корреспондентъ, оттуда-же сообщаетъ о томъ, какъ обращаются въ помѣщичьихъ экономіяхъ съ рабочими. «Служащій въ одной изъ большихъ владѣльческихъ экономій разсказывалъ, что многіе рабочіе порываются въ эту экономію, обольщенные мыслью, что «тамъ, каже, маханъ даютъ» (т.-е. мясо), не зная того, что этотъ маханъ таковъ, что отъ него легко заболѣть. «Я,—говоритъ прикащикъ,—былъ самъ свидѣтелемъ, какъ зимой, бывало, издыхаетъ овца съ голоду и тутъ же ее дорѣзываютъ, сдираютъ кожу и мясо солятъ, а послѣ сушатъ и складываютъ, какъ подошву, въ какое-нибудь отведенное для этого помѣщеніе, съ предназначенною цѣлью кормить этой солониной рабочихъ. Бывали случаи, когда рабочіе на таборѣ (въ степи), выведенные изъ терпѣнія, выражали явно свое недовольство, требуя лучшей пищи, но тогда ихъ разгоняли. Нечего поэтому удивляться, что рабочіе въ свою очередь платили тою же монетой:

*) „Кр. Вѣс.“ № 136.

работаютъ вяло, только въ то время, когда навѣдывается хозяйскій прикащикъ, небрежно обращаются съ инвентаремъ, ломаютъ, рвутъ и т. д.,—словомъ, стараются только протянуть какъ-нибудь время, не очень заботясь о результатѣ труда. И рабочихъ по понятной причинѣ, винить въ этомъ не приходится. Одинъ изъ работавшихъ въ той же экономіи передавалъ еще такой фактъ. Тамъ ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы снимающіе для себя экономическій покосъ изъ части, не смѣли нанимать на таборѣ рабочихъ, кто же осмѣлится,—тотъ долженъ оставить сѣнокосъ и убираться. Такой случай былъ съ самимъ свидѣтелемъ, но ему простили, яко учинившему по невѣдѣнію. По этому поводу пришлось ему имѣть объясненіе съ управляющимъ, и тутъ обращеніе произвело удручающее впечатлѣніе: высокомѣріе, полное презрѣніе къ рабочему человѣку, какъ будто у этихъ людей есть только одни права и они за собой не признаютъ никакихъ обязанностей, по отношенію къ поставленнымъ въ зависимость отъ нихъ другимъ. Человѣкъ лучше смотритъ на рабочую скотину, чѣмъ тутъ въ экономіи на рабочихъ людей».

А вотъ еще фактъ въ другомъ родѣ, живо вызывающій въ воображеніи темную эпоху незабвеннаго крѣпостнаго права. «Дѣло,—разсказываетъ очевидецъ,—происходило въ Аджигольской экономіи землевладѣльца М. Нестроева, куда я пріѣхалъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ контору экономіи явилась толпа рабочихъ, кто за письмомъ, а кто за разсчетомъ, или за другой необходимостью. Одинъ изъ пришедшихъ, чабань, на вопросъ управляющаго, что ему нужно, отвѣтилъ, что такъ какъ срокъ ему кончился, то онъ проситъ прибавки жалованья, или же разсчета, потому что получаемая имъ плата слишкомъ низка, а на полевыхъ работахъ, благодаря урожаю, можно теперь заработать больше. Какъ видите, желаніе вполнѣ законное и естественное. Ему велятъ обождать своей очереди и тогда онъ получитъ удовлетвореніе. Хотя,—продолжаетъ разскащикъ,—мнѣ нужно было торопиться въ дорогу и скорѣй кончить свое дѣло въ конторѣ, но я рѣшилъ обождать, пока раздѣлаются съ рабочими.

Подходитъ наконецъ очередь сказаннаго чабана.—«Такъ ты, голубчикъ, просишь прибавки или разсчета? А это ты забылъ (слѣдуютъ крѣпкія, нецензурныя слова), что всю зиму тебя экономія кормила и содержала, а теперь, когда настала рабочая пора, ты просишь прибавки и, если ея не дадутъ, ты хочешь уйти...» и моимъ

глазамъ представилась звѣрская, до глубины души возмущающая картина: Богъ знаетъ на чѣмъ провинившагося чабана посыпались, какъ изъ рога изобилія, тяжелые кулаки гигантскаго управляющаго нѣмца; въ какомъ-то невѣроятномъ изступленіи, бьетъ онъ несчастнаго по щекамъ, по головѣ, куда попало. Безотвѣтная жертва, окровавленная и изуродованная, падаетъ безмолвно, безъ малѣйшаго протеста, подъ тяжелыми ударами озвѣрѣвшаго управителя, который, еще не удовлетворившись этимъ, вытолкнулъ упавшаго чабана, такъ что отъ удара двери распахнулись и продолжалъ ожесточенно бить лежачаго, топча и толкая его ногами. Замѣтивъ наконецъ, что обезображенная жертва лежитъ, не шевелясь, почти безъ дыханія и вѣроятно опасаясь худой развязки, расходившійся управляющій закончилъ свои упражненія словами: «вотъ тебѣ прибавка и разсчетъ!..»

Вотъ какія вещи творятся въ экономіяхъ. Что теперь стало съ несчастнымъ чабаномъ, какая его судьба? Быть можетъ у бѣдняги есть семья и онъ единственная для нея опора; но у него зародилось незаконное желаніе увеличить свой жалкій, 5-ти рублевый заработокъ и онъ за это достойнымъ образомъ наказанъ. Сомнительно, чтобы онъ даже пожаловался на своего обидчика... Будемъ, однако, надѣяться, что такая звѣрская расправа и полное издѣвательство надъ человѣческою личностью и ея достоинствомъ не пройдутъ безнаказанно и вызовутъ заступничество правосудія, хотя бы для примѣрнаго назиданія и укрощенія подобныхъ господъ управителей *).

А вотъ еще сообщеніе: «Что касается содержанія рабочихъ въ экономіяхъ днѣпровскаго уѣзда, то въ этомъ отношеніи экономическія управленія врядъ ли могутъ похвастать. Вотъ, напримѣръ, по словамъ рабочихъ, каково это содержаніе. Встаютъ они съ зарею и работаютъ на-тощакъ до 8-ми часовъ; къ этому времени готовится снѣданокъ: наставляются громадные котлы, съ добрую бочку и, когда въ нихъ закипитъ вода, то туда всыпаютъ изъ большихъ вагановъ пшенную крупу,—это, какъ рабочіе называютъ, «кандеръ». Кончивъ этотъ незатѣйливый снѣданокъ, принимаются немедленно за работу. Къ 12-ти часамъ варится обѣдъ: нагрѣваются до кипяченія тѣ-же котлы—монстръ, въ которыхъ вода, для блезиру, подкрашивается кое-какой плавающей зеленью, туда кладется, такъ называемая, «пастра-

*) Ibid.

ма», или куски солонины, которая, чтобы получить мягкость, предварительно довольно долго размачивается, такъ какъ иногда она совершенно сухая, неудобная для жеванія. Это «борщъ»; послѣ него слѣдуетъ пшенная каша, съ протухшимъ саломъ. Затѣмъ, послѣ часового отдыха, работа длится до 4-хъ часовъ. Жара и солонина вызываютъ страшную жажду и косари жадно и нетерпѣливо высматриваютъ воду. Но вотъ привезли спасительный напитокъ и бочка воды моментально осушается. Въ 4 часа рабочіе идутъ перекусить—что-бы вы думали?—косари садятся и хлѣбаютъ ложками чистѣйшую, неподдѣльную воду. Наконецъ, настаетъ закатъ солнца, всѣ дружно покидаютъ работы и только виднѣется все удаляющійся лѣсъ вилъ, грабель и косъ. До чего небрежно относятся къ своей обязанности пныя экономіи, можно судить даже по одному хлѣбу, сопровождающему снѣданокъ, обѣдъ и полдникъ,—это нѣчто невозможное, скорѣе какой-то суррогатъ: повидимому, муку не просѣваютъ, потому что вы находите въ хлѣбѣ солому, громадныхъ червей и другія малопитательныя примѣси. Невольно при этомъ рождается вопросъ: отчего до сихъ поръ не учреждается никакого контроля, никакого надзора за экономіями, въ отношеніи содержанія ими рабочихъ?».

Мы не будемъ приводить болѣе аналогичныхъ сообщеній, хотя могли бы собрать ихъ массу. Дѣло не въ количествѣ, а въ характерѣ. Но, скажите пожалуста, «положа руку на сердце», нашли-ли вы здѣсь хотя намекъ на исправное полученіе жалованья, хорошее содержаніе и все то, о чемъ, какъ о непреложной истинѣ, толкуетъ «эксплоатируемый» владѣлецъ Александровской экономіи, котораго мы поставили первымъ номеромъ *)? И понятны ли вамъ теперь «без-

*) Прошедшею весной (1893 г.), намъ пришлось слышать въ днѣпровскомъ уѣздѣ о случаѣ, только что происшедшемъ въ одной значительной экономіи и какимъ-то образомъ ускользнувшемъ отъ вниманія мѣстной печати. Управляющій и дворовый прикащикъ названной экономіи такъ сильно избили явившагося за какими-то объясненіями въ контору рабочаго, что послѣдній черезъ нѣсколько часовъ умеръ. По этому дѣлу возникло слѣдствіе, но, по странной случайности, оба виновные въ скоромъ времени одинъ вслѣдъ за другимъ умерли. Предположивши даже, что въ данномъ случаѣ со стороны убитаго рабочаго были дѣйствительно какіе-нибудь „капризы“, нельзя не удивляться тѣмъ „раціональнымъ“ мѣрамъ, которыми излѣчиваютъ эти капризы господа, столь трогательно описывающіе свое „горе“, благодаря эксплоатаціи ихъ рабочимъ людомъ.

граничные капризы» рабочихъ? Сообщенія о невозможномъ содержаніи послѣднихъ были такъ часты, что вызвали серьезное вниманіе мѣстной печати. Газета «Крымъ» въ спеціальной статьѣ писала, что «если рабочій не хочетъ ѣсть вмѣсто хлѣба какую-то подозрительную массу, выгребать *полною ложкою червей изъ «солонины»*, получать при разсчетѣ половинную плату противъ договоренной, если его принуждаютъ работать въ такіе праздники, какъ Успеніе *), (что особенно любятъ дѣлать нѣмцы и молокане, замѣтимъ отъ себя), если каждую минуту онъ ничѣмъ не гарантированъ отъ побоевъ и увѣчій,—что остается ему дѣлать? Судиться? Да вѣдь эти самые господа хозяева и лэндлорды являются также въ роли судей. И вотъ, обезкураженному рабочему остается единственный печальный *способъ пассивнаго протеста: глухою ночью* онъ забираетъ свою сумку, бросаетъ въ экономической конторѣ свой паспортъ, не-

---

*) Вопросъ о праздникахъ поставленъ весьма условно и относительно празднованія особенно почитаемыхъ дней и табелей, всякій хозяинъ придерживается своихъ обычаевъ. Въ большинствѣ экономій рабочіе освобождены отъ работъ во всѣ *двунадесятые праздники, приходящіеся на лѣтній срокъ, т.-е. Вознесеніе*, два дня Троицы, Петра и Павла, 6 и 15 августа, 8 и 14 сентября. Кое-гдѣ, очень рѣдко, празднуютъ Ивана Купала (24-го іюня) и Пантелеймона, *по народному Паликону, который будто бы мститъ* пожаромъ хлѣба работающимъ въ его день. Но у нѣмцевъ и молоканъ, не признающихъ православныхъ праздниковъ, рабочимъ часто приходится повиноваться хозяевамъ и выходить на работу въ двунадесятые дни. Это бываетъ сплошь и рядомъ и, если рабочіе не соглашаются исполнить почему-либо приказанія хозяевъ, то послѣдніе высчитываютъ съ нихъ огромные штрафы совершенно произвольно. Мы можемъ указать случай, когда въ очень богатой колоніи „Табулда“, симферопольскаго уѣзда, произошло цѣлое возмущеніе рабочихъ, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что хозяева-нѣмцы за отказъ идти на работу въ особенно почитаемый малороссами праздникъ „Пречистои“ (15-го августа), оштрафовали ихъ поголовно *по 5 рублей каждаго. Негодованіе несправедливо оштрафованныхъ* выразилось въ очень рѣзкой формѣ и нѣмцамъ въ данномъ случаѣ, пожалуй, пришлось-бы плохо, если-бы не подъѣхала уѣздная полиція, кое-какъ уладившая дѣло. Что *касается до* табелей, то, несмотря на неоднократное и строгое предписаніе администраціи, въ дни ихъ работы почти вездѣ въ степяхъ идутъ обычнымъ порядкомъ. Мы знаемъ только имѣнія С. Б. Фальцъ-Фейнъ, гдѣ въ табельные дни прежде не работали до обѣда, а теперь начинаютъ работу послѣ снѣданка, т.-е. съ восьми часовъ утра. Но это чуть ли не единственный примѣръ, въ остальныхъ же мѣстахъ и въ табельный день, какъ и въ будни, всѣ работы начинаются съ разсвѣтомъ.

рѣдко свои уже заработанныя деньги и потихоньку уходитъ искать «гдѣ лучше». А лэндлорды звонятъ на весь міръ, что рабочій капризенъ, неисправимый бунтовщикъ и эксплоатируетъ хозяина. Противная сторона хранитъ глубокое молчаніе. Кто-же правъ?»*).

Въ посвященной этому же вопросу передовой статьѣ «Крымскій Вѣстникъ» между прочимъ писалъ: «Въ свое время и мы, и другія газеты не упускали случая указывать на весьма недобросовѣстное отношеніе экономій къ своимъ рабочимъ. Нерѣдко были, напримѣръ, случаи, что рабочихъ кормили Богъ знаетъ чѣмъ: вмѣсто хлѣба давали какой-то суррогатъ его, мѣшанину изъ ячменя и ржи, пополамъ съ соромъ, скорѣй похожій на комъ засохшей грязи, чѣмъ на хлѣбъ; не лучше отпускалось и мясо на какую-то невозможную похлебку, носящую ироническое названіе «кандеръ», сало примѣшивалось къ кашѣ тухлое, негодное къ употребленію и т. д. Въ иныхъ мѣстахъ рабочіе отказывались отъ работъ, вслѣдствіе физическаго истощенія. не столько отъ самой работы, какъ отъ невозможной пищи и бросали даже свои заработанныя деньги. Случалось, что дѣло едва не доходило до волненій и прискорбныхъ столкновеній выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ, съ экономической администраціей. Въ другихъ случаяхъ рабочіе пытались, хотя и *съ рѣдкимъ успѣхомъ*, жаловаться на безцеремонныя дѣйствія экономій, прося только одного, чтобы съ ними обращались по-человѣчески, кормили ихъ какъ людей, а не какъ собакъ. Можно ли что-нибудь возразить противъ справедливости этихъ требованій? Сотни и тысячи людей, заброшенныхъ далеко отъ родины, отдающихъ свой невѣроятно тяжелый трудъ всецѣло въ распоряженіе хозяина, имѣютъ, кажется, неоспоримое право требовать болѣе внимательнаго и человѣческаго къ себѣ отношенія».

Гдѣ же это «несомнѣнное удовлетвореніе правосудіемъ», о которомъ говоритъ владѣлецъ Александровской и Черноморской экономій? А, между тѣмъ вѣдь онъ пишетъ въ департаментъ, гдѣ его выводы глубокомысленно обобщаются и на нихъ строятся различныя, серьезныя положенія. Неужели же вездѣ происходитъ то же самое, что мы только-что слышали, спроситъ читатель, и нѣтъ на этомъ темномъ, безотрадномъ фонѣ ни одного свѣтлаго пятна? Къ счастью, есть. Въ томъ же самомъ сборникѣ, гдѣ помѣщены ламентаціи днѣпровскаго и другихъ

*) „Крымъ“, № 25.

лэндлордовъ, мы находимъ діаметрально-противоположные отзывы. «Въ теченіе 12 лѣтъ, пишетъ одинъ землевладѣлецъ, ни одинъ рабочій не бросилъ меня до окончанія срока найма, потому что я ихъ не штрафую, кормлю хорошо и разсчитываю, какъ слѣдуетъ». «Раздающіяся постоянно жалобы на рабочихъ, сообщаетъ другая землевладѣлица, заставляютъ меня высказать слѣдующее: хозяйничая 13 лѣтъ, я ни разу не теряла задатковъ, выданныхъ рабочимъ, ни разу не уходили они отъ меня въ рабочую пору и ни одинъ изъ нихъ не грубилъ мнѣ. Все это достигнуто не штрафами ихъ или преміями, не задабриваніемъ ихъ въ рабочее время, а ровнымъ отношеніемъ, хорошимъ содержаніемъ и безусловно правильнымъ разсчетомъ» *). Нужны ли здѣсь какіе-либо комментаріи? Эти слова, такъ просто открывающія ларчикъ, который другимъ кажется необычайно сложнымъ, слѣдовало бы выбить золотыми буквами тамъ, гдѣ будутъ рѣшать когда-либо «урегулированіе рабочаго вопроса».

V.

Собственно говоря, самое понятіе объ урегулированіи рабочаго вопроса — весьма растяжимое и каждый разумѣетъ его по-своему. Большинство владѣльцевъ подъ этимъ словомъ понимаетъ обезпеченіе хозяйствъ вѣрными и дешевыми рабочими руками, которыя бы не смѣли «фордыбачить» и сидѣли бы тише воды и ниже травы, при самыхъ скверныхъ условіяхъ существованія. Оставляя за собою право всегда безапелляціонно прогнать рабочаго, безъ объясненія причинъ и съ произвольнымъ разсчетомъ, т.-е. съ оцѣнкою проработаннаго времени по личному желанію, владѣлецъ не допускаетъ даже намека на мысль о самовольномъ уходѣ рабочаго, если бы даже послѣдняго вынуждали къ этому такія обстоятельства, за полное основаніе которыхъ говорили бы всѣ божескіе и человѣческіе законы.

Незыблемая власть и произволъ съ одной стороны, полнѣйшая пассивность съ другой,— вотъ тотъ идеалъ «урегулированія рабочаго вопроса», котораго желаютъ владѣльцы, принадлежащіе къ сонму «плачущихъ и воинствующихъ». Всѣ хорошіе люди, которымъ volens-nolens приходится сталкиваться съ этимъ вопросомъ и у которыхъ сердце обливается кровью, при ежедневномъ созерцаніи неправды и

*) „Департ. зем. и сельс. промыш.“, выпускъ III.

эксплоатаціи, при видѣ этихъ бродящихъ, голодныхъ, изможденныхъ, палимыхъ лучами солнца, многихъ тысячъ людей, желаютъ, чтобы рабочіе не бороздили понапрасну степныя дороги, чтобъ ихъ хорошо кормили, не смотрѣли бы на нихъ какъ на животныхъ, платили бы имъ честно заработанныя тяжелымъ трудомъ деньги, не обременяли бы штрафами и не выбрасывали бы заболѣвшихъ, какъ падаль, чуть ли не прямо на дорогу. Какъ хорошъ и простъ на первый взглядъ этотъ идеалъ, а между тѣмъ какъ трудно, невообразимо трудно достигнуть его. Наконецъ сами рабочіе хотятъ того же, чего хотятъ для нихъ хорошіе люди. *И тамъ, гдѣ эти хорошіе люди лично у себя примѣняютъ только что высказанныя положенія, тамъ самой жгучей стороны вопроса—ненормальности взаимныхъ отношеній между обѣими сторонами, не существуетъ вовсе.* Тамъ, какъ бы ни былъ урожаенъ годъ, хлѣбъ всегда будетъ убранъ вовремя и ни одна туча недоразумѣній не омрачитъ спокойной, трудовой, основанной на взаимной любви и уваженіи жизни. Туда рабочіе охотно направляются прямо изъ дому, минуя всѣ придорожные рынки, зная, что ихъ не обидятъ ни цѣною, ни разсчетомъ, сыто накормятъ и, по окончаніи горячаго лѣтняго дѣла, съ добрыми напутствіями, снабдивши запасомъ харчей на дорогу и съ приглашеніями приходить опять, отпустятъ домой, еще и довезутъ до ближайшаго вокзала. Оттуда никогда не выйдетъ ни одна кляуза, никто не будетъ безпокоить ни урядника, ни пристава, ни судью, то прося „вернуть убѣжавшихъ этапнымъ порядкомъ“, то умоляя оказать содѣйствіе для вытребованія задержпваемыхъ паспортовъ. Грустно сознаться, немного найдется такихъ хозяйствъ, но они существуютъ, это не утопія. И если бы ихъ было много, то намъ бы осталась только одна сторона «проклятаго вопроса»; урегулированіе движенія рабочихъ, а другая — урегулированіе отношеній между рабочими и хозяевами, исчезла бы сама собой.

И кто только не брался за разрѣшеніе этой болячки современнаго сельскаго хозяйства? Министерство государственныхъ имуществъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, губернская администрація, почти всѣ южныя губернскія и уѣздныя земства, сельскохозяйственныя общества, милліоны всевозможныхъ коммиссій. Кто только не писалъ – болѣе или менѣе нелѣпыхъ проектовъ, въ надеждѣ, по нашей старой русской привычкѣ, однимъ взмахомъ пера рѣшить грандіозную задачу, вы-

двинутую жизнью. Помѣщики, земства, земскіе начальники, инженеры, желѣзнодорожники, журналисты, даже становые пристава, не изъ числа тѣхъ, которые бы, какъ снилось покойному Щедрину, окончили курсъ въ гейдельбергскомъ университетѣ—нѣтъ, а вышедшіе «въ люди» изъ канцелярскихъ букашекъ.

Рабочій вопросъ имѣетъ свой сезонъ. Зимою его забываютъ, но какъ только наступаетъ мартъ мѣсяцъ, такъ начинаютъ его трепать со всѣхъ сторонъ и треплютъ до самой осени,—а потомъ снова все успокаивается до слѣдующаго года. Точь въ точь, какъ старое платье, которое вынимается, провѣтривается и снова прячется въ сундукъ, до слѣдующей весны. А тамъ его снова вытаскиваютъ, пересыпаютъ различными спеціями и снова подносятъ публикѣ, каждый на своемъ подносѣ и подъ своимъ соусомъ.

Мы попробуемъ привести здѣсь кое-что изъ того, что старались сдѣлать земства разныхъ заинтересованныхъ губерній въ этомъ отношеніи. Начнемъ съ довольно характернаго доклада елизаветградской земской управы своему очередному земскому собранію,—доклада вызваннаго, главнымъ образомъ, какъ значится въ немъ, «газетными отзывами, полными нареканіями на елизаветградскую управу, за сдѣланное ею приглашеніе, въ коемъ проглядывало, будто бы, радѣніе ея въ исключительную пользу землевладѣльцевъ и въ совершенное угнетеніе и эксплоатацію рабочихъ». Мы позволимъ себѣ привести этотъ докладъ*) съ небольшими сокращеніями, какъ взглядъ на интересующій насъ вопросъ земскихъ людей уѣзда, съ преобладающимъ частновладѣльческимъ хозяйствомъ, недовольнымъ наемными рабочими.

«Вслѣдствіе письменныхъ и словесныхъ заявленій, говорится въ докладѣ, поступавшихъ въ уѣздную управу отъ гг. землевладѣльцевъ, о затруднительномъ экономическомъ ихъ положеніи, по причинѣ неисполненія обязательствъ наемными рабочими, елизаветградская уѣздная управа просила всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія сословій и національностей, занимающихся хлѣбопашествомъ, какъ на собственныхъ, такъ и на арендуемыхъ земляхъ, сообщить ей точныя свѣдѣнія о количествѣ нанятыхъ ими рабочихъ, ушедшихъ изъ нихъ

*) Вообще мы позволяемъ себѣ остановиться подробнѣе на этомъ докладѣ, такъ какъ въ немъ приведены и формулированы всѣ жалобы и нареканія, которыя составляютъ главное, общее мѣсто владѣльческаго недовольства.

и понесенныхъ въ силу того нанимателями потеряхъ, для представленія въ настоящемъ году земскому собранію данныхъ по этому вопросу, на случаї оно пожелаетъ составить особую комиссію, для разсмотрѣнія его, съ цѣлью установленія лучшихъ отношеній обѣихъ сторонъ, и затѣмъ ходатайства о томъ предъ правительствомъ. Вѣроятно, многіе изъ гг. гласныхъ читали газетные отзывы, полные нареканій на елизаветградскую управу, за сдѣланное ею приглашеніе, въ коемъ проглядывало, будто-бы, по ихъ мнѣнію, радѣніе ея въ исключительную пользу землевладѣльцевъ и въ совершенное угнетеніе и эксплоатацію рабочаго люда. Елизаветградская управа не можетъ принять подобнаго укора, потому что взгляды ея и желаніе гг. землевладѣльцевъ, никогда не выражались въ подобномъ смыслѣ,—напротивъ, она видѣла единственно благополучный исходъ въ постановленіи вопроса этого въ той формѣ, гдѣ обѣ стороны, одинаково обезпечиваемыя, не могли бы эксплоатировать одна другую. Входить въ пререканія съ прессою, а также выяснять ей направленіе, желаемое дать докладу,—инымн словами, оправдываться передъ нею,—управа считала не только безполезнымъ, но даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ земства, такъ какъ земское собраніе, считающее въ себѣ 32 гласныхъ изъ среды крестьянъ, всегда неуклонно присутствующихъ въ немъ, имѣетъ право само порицать управу за дѣйствія, способныя не разъяснить, но помрачить дѣло и тѣмъ обрушить на все собраніе общественное нареканіе и недовѣріе.

Приступая къ разсмотрѣнію самаго дѣла, управа имѣетъ честь доложить собранію, что она, желая освѣтить дѣло это со всѣхъ сторонъ, обращалась съ просьбою не только къ землевладѣльцамъ и арендаторамъ, но и къ гг. мировымъ судьямъ и всѣмъ волостнымъ правленіямъ съ просьбою, указать ей, не только количество всѣхъ дѣлъ и оправдательныхъ приговоровъ, но и число дѣлъ, начатыхъ по искамъ самихъ рабочихъ, какъ указывающихъ на несомнѣнность нарушенія ихъ правъ и, кромѣ того, просила дать свое заключеніе о причинѣ неисполненія условій, выведенное изъ смысла всѣхъ въ совокупности рѣшаемыхъ ими дѣлъ въ этой области. Изъ общаго количества, свыше 700 разосланныхъ поименно и черезъ посредство волостныхъ правленій приглашеній, не считая гласнаго оповѣщенія, сдѣланнаго въ «Елизаветградскомъ Вѣстникѣ», управа получила отвѣты только отъ 37 лицъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, двухъ кирпичедѣлателей, всѣхъ

10 мировыхъ судей и 44-хъ волостныхъ правленій. Добытыя изъ нихъ цифровыя данныя слишкомъ незначительны для составленія по нимъ яснаго понятія о положеніи занимающаго насъ дѣла. Видимо, гг. землевладѣльцы, можетъ-быть и не безъ причины, сочли его недостойнымъ даже того малаго труда и вниманія, котораго просила у нихъ управа. По устнымъ ихъ заявленіямъ управѣ, они такъ мало вѣрятъ въ возможность привлечь довѣріе правительства къ высказываемымъ ими жалобамъ, такъ мало ожидаютъ отъ новаго возбужденія имъ мѣръ, способныхъ устранить обоюдное неудовольствіе, что рѣшились лучше не давать повода къ пересмотру рабочаго вопроса и, дѣйствительно, этотъ вопросъ, такъ много возникавшій во всѣхъ инстанціяхъ и сферахъ, не принесъ никакихъ добрыхъ результатовъ; и потому мы всѣ, не исключая и снова возбуждающей его управы, не смѣемъ питать надежды на близкое его разрѣшеніе, но будемъ просить и, можетъ быть, со временемъ дастся намъ. Изъ наиболѣе знаменательнаго мы извлекаемъ лишь слѣдующее по этому вопросу: въ году дѣлъ у мировыхъ судей было, по жалобамъ нанимателей 386 коими привлекалось къ отвѣту 670 рабочихъ; изъ нихъ обвиненныхъ 526, оправданныхъ не будетъ и 16 человѣкъ и 83 дѣла прекращены, за примиреніемъ и неявкою сторонъ. Въ 24 волостныхъ судахъ возбуждалось 306 дѣлъ, по коимъ 441 рабочихъ признаны виновными, 16 оправдано и 33 дѣла не разбиралось. Со стороны рабочихъ возбуждено свыше 50 дѣлъ, по жалобамъ 80 человѣкъ, изъ коихъ только 8 признаны подлежащими удовлетворенію. Этотъ перечень, составляющій, вѣроятно, самую малую долю общихъ поводовъ, интересенъ только тѣмъ, что правдивость жалобъ рабочихъ на дурную пищу и дурное съ ними обращеніе нанимателей, можно сказать, всецѣло опровергнута судебнымъ разбирательствомъ. Извѣстно, что во всѣхъ классахъ бережливость и духъ порядка вызываются постояннымъ и честнымъ трудомъ, а не легкою наживой. При этомъ послѣднемъ, нравы неизбѣжно развращаются и принимаютъ направленіе, вредящее всему окружающему, такъ какъ они проявляются въ формахъ самыхъ грубыхъ—пьянствѣ, насиліяхъ, кражахъ и нерѣдко разбояхъ. Мы видимъ въ томъ неотразимые примѣры въ тѣхъ несчастныхъ, нравственно упавшихъ, коими наполнены тюрьмы. Никто не видалъ ихъ въ работѣ, но въ разгулѣ и кабакахъ—всѣ. Къ тому привелъ ихъ не честный трудъ, но легкая нажива. Нашъ рабочій, забирая въ

одно и то же время деньги у многихъ и не отрабатывая никому, какъ то удостовѣрено въ судебномъ разборѣ мирового судьи 9-го участка и заключенія глодосскаго старшины *), имѣетъ эту развращающую, легкую наживу въ рукахъ своихъ. Ежели бы законоположенія, относящіяся къ рабочимъ, въ коихъ законодатель старательно оградилъ права обѣихъ сторонъ, не были нарушаемы неправильными толкованіями и случайными примѣненіями, то рабочіе, выходящіе изъ крестьянскаго сословія и знающіе возможную отвѣтственность, никогда не довели бы себя до взысканій, или, по крайней мѣрѣ, они были бы крайне рѣдки и внушительны. Это положеніе подтверждается фактически тѣмъ, что нарушающихъ договоры изъ другихъ, кромѣ крестьянскаго сословія **), считающаго себя обезпеченнымъ позднѣйшими министерскими циркулярами, почти не бываетъ. Такимъ образомъ, рабочіе изъ крестьянъ, свыкшіеся съ мыслью о безнаказанности, довели классъ землевладѣльцевъ до невозможности вести свои хозяйства. Многіе изъ нихъ сдали имѣнія въ аренду, другіе продали земли и, такимъ образомъ, классъ дворянъ, нужный для поддержанія государственнаго строя, мельчаетъ, а земли переходятъ въ руки арендаторовъ и собственниковъ изъ разночинцевъ. И у кого изъ насъ не найдется десятковъ исполнительныхъ листовъ, временъ не осуществившихся надеждъ на мировой институтъ?!.. Теперь взглянемъ на донесенія волостныхъ старшинъ: 13-ть не дали никакого отзыва, изъ прочихъ же 44 волостей 20 донесли, что дѣлъ по исполненію рабочими условій вовсе не было, потому что помѣщики перестали къ нимъ обращаться, а ежели есть, то больше словесныя, отъ крестьянъ-нанимателей; остальные, указывая тѣ же причины, сообщаютъ и цифры письменныхъ дѣлъ, выше представленныя и даютъ слѣдующія заключенія: липняжскій — докладываетъ о необходимости пересмотра рабочаго вопроса, указывая, что за несоблюденіе слѣдуетъ привлекать къ отвѣтственности, сельскихъ и волостныхъ властей, за поблажку; ольшанскій,—что рабочіе не признаютъ силы закона; глодосскій,—что есть цѣлый разрядъ рабочихъ, которые только задатками живутъ и берутъ, не думая ни отрабатывать, ни отдавать ихъ; павловскій,—что волости, по безтолковію своему, не имѣютъ въ народѣ никакого значенія; лысогорскій — прямо

*) Понимаете ли, какое смѣлое обобщеніе!

**) Да вѣдь и самихъ то рабочихъ изъ другихъ сословій почти не бываетъ.

просить управу объ исходатайствованіи у правительства положительныхъ и строгихъ мѣръ по рабочему вопросу; катериновскій,—что число словесныхъ жалобъ, поступившихъ въ судъ, превышаетъ болѣе, чѣмъ втрое письменныя жалобы и большая часть нанимателей, угнетенныхъ рабочими, не стали даже подавать жалобы на разбирательство суда, ибо, хотя судъ и опредѣлитъ въ пользу нанимателя денежное вознагражденіе, но нѣтъ возможности привести въ исполненіе, ибо всѣ вообще такіе рабочіе—люди бѣдные и сами потѣшаютъ себя тѣмъ, что „съ голаго, какъ со святого“.

Вотъ все, что управа могла собрать и представить вниманію земскаго собранія. Свѣдѣнія, изъ коихъ добыты эти данныя, по соразмѣрности общаго числа разосланныхъ управою приглашеній, составляютъ лишь $^1/_{20}$ часть ожидаемаго; поэтому и добытый результатъ неизбѣжно долженъ сводиться на $^1/_{20}$ часть дѣйствительнаго и потому, конечно, представляется ничтожнымъ; изъ нихъ мы видимъ, что нарушившихъ договоръ только 1,111 человѣкъ. Для елизаветградскаго уѣзда, занимающаго болѣе 1.400,000 десятинъ земли и съ 300,000 сельскимъ населеніемъ, такое количество—ничто, ни по населенію, ни по производительности; но и то, что мы добыли, составляетъ уже нѣчто достойное вниманія. Изъ 1,111 человѣкъ, привлеченныхъ къ суду, оправдано всего только 32 человѣка, а изъ 50 дѣлъ, возбужденныхъ по жалобамъ самихъ рабочихъ, только 8 признаны подлежащими удовлетворенію *).

Затѣмъ—фактъ своеволія, неуваженія къ установленнымъ законамъ и личнымъ обязательствамъ, а главное—нарушеніе взаимныхъ честныхъ отношеній, бывшихъ до сего въ народѣ нашемъ священнымъ преданіемъ семей, а теперь, какъ ракъ разъѣдающіе общественный организмъ, суть симптомы серьезные. Не говоря уже о потеряхъ

---

*) Почему же жаловаться на „неосуществившіяся надежды на мировой институтъ“. Приведенные результаты, гдѣ съ одной стороны нѣтъ почти совершенно правыхъ, а съ другой—виноватыхъ, относятся ко времени существованія мирового института и доказываютъ только, что судьи елизаветградскаго уѣзда очень добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ—такъ, какъ понимаетъ ихъ управа, обвиняя 97% привлеченныхъ къ отвѣтственности хозяевами рабочихъ и оправдывая 84% владѣльцевъ по жалобамъ рабочихъ. И при такихъ то цифрахъ, поражающихъ и удивляющихъ, земская управа позволяетъ еще себѣ плакаться на „неосуществившіяся надежды“.

частныхъ лицъ, ни даже объ упадкѣ экономическаго положенія государства, въ нихъ сказывается сильно расшатанная народная нравственность, а вмѣстѣ съ нею неизбѣжно и религія, составляющая основу всему доброму. Здѣсь не обманутый, а обманывающій заставляетъ думать о себѣ. Въ 60-хъ годахъ эти примѣры хотя были, но гораздо рѣже. Теперь же можно, не опасаясь преувеличенія, сказать, что наше населеніе въ четвертой долѣ своей заражено гибельною распущенностью. Вотъ это-то обстоятельство всего болѣе заслуживаетъ вниманія не только земскаго собранія, но даже и правительства. Дѣло управы *)—представить его вамъ, господа, а ваше — подумать объ этомъ.

На этомъ управа останавливается и, чтобы не выйти изъ предназначенныхъ себѣ рамокъ, она не позволяетъ себѣ углубляться, ни въ доклады земскихъ коммиссій по рабочему вопросу, ни въ ходатайства губернскихъ и уѣздныхъ собраній, ни въ то, что писалось и предлагалось въ печати, ни даже въ авторитетные труды правительственныхъ коммиссій **). Уѣздная управа позволяетъ себѣ предложить земскому собранію ходатайствовать предъ правительствомъ: 1) дабы, въ соединеніи съ возбужденнымъ вопросомъ объ устройствѣ быта крестьянъ, былъ разсмотрѣнъ и настоящій, съ участіемъ выбранныхъ земствами свѣдущихъ людей въ особой коммиссіи, составленной съ цѣлью разработать положеніе для каждой полосы имперіи отдѣльно; 2) чтобы возстановлены были во всей полнотѣ своей законъ о наймѣ рабочихъ и установленныя временными правилами рабочія книжки, съ нужными добавленіями и примѣненіями ихъ, во всѣхъ губерніяхъ, и 3) чтобы разрѣшены были по уѣздамъ періодическіе общіе съѣзды землевладѣльцевъ всѣхъ классовъ, подъ какимъ угодно правительственнымъ контролемъ, для совѣщанія о дѣлахъ, исключи-

---

*) Намъ кажется, что это-то именно и не дѣло управы—выдумывать нелѣпыя, голословныя клеветы на народъ, обвинять его въ полнѣйшемъ нравственномъ паденіи и вопить объ этомъ, воздѣвши горѣ руки,—и безъ земцевъ на это много есть охотниковъ.

**) Вотъ это-то именно и было дѣло управы,—„углубиться“ хотя немного въ предметъ тотъ, о которомъ она взялась трактовать. Но она предпочла болѣе легкую задачу—пустой набатъ и ехидный намекъ на шестидесятые годы, то-есть, дескать, послѣ крѣпостной повинности еще жили нѣкоторое время „добрыя традиціи“ въ нашемъ народѣ.

тельно относящихся къ мѣрамъ обоюднаго сближенія и довѣрія нанимателей и нанимающихся и къ повсемѣстному улучшенію ихъ содержанія, подъ предсѣдательствомъ избраннаго съѣздомъ лица, и безъ права обременять правительственныя учрежденія какими бы то ни было по сему просьбами и докладами. Этотъ лишь путь признается уѣздною управою единственно нормальнымъ и обѣщающимъ что-либо прочное».

Вслѣдствіе сложности вопроса, дѣло, по предложенію одного изъ гласныхъ, было передано коммиссіи изъ шести тутъ же выбранныхъ членовъ. Коммиссія эта, въ свою очередь, доложила слѣдующее:

«Коммиссія, разсмотрѣвъ докладъ земской управы, представленный на обсужденіе земскаго собранія, по поводу полученныхъ ею отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ и частныхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ свѣдѣній, о несоблюденіи полевыми рабочими договоровъ съ нанимателями и, признавая за управою капитальную услугу почина въ возбужденіи вопроса объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній, находитъ, что, прежде чѣмъ дать по оному заключеніе, необходимо констатировать то обстоятельство, что настоящій вопросъ управа возбудила не изъ одного только сознанія своей обязанности, представлять собранію данныя о пользѣ и нуждахъ всего населенія уѣзда, но и находясь подъ сильнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія *), громко требовавшаго обратить вниманіе на господствующій безпорядокъ, въ отношеніяхъ двухъ производительнѣйшихъ частей населенія края; возбужденіе этого вопроса въ предѣлахъ, намѣченныхъ докладомъ управы, является дѣломъ современнымъ и умѣстнымъ, въ особенности для Новороссійскаго края, гдѣ вся производительность сосредоточивается преимущественно на сельскомъ хозяйствѣ и основанной на немъ промышленности и гдѣ, при необходимости вести хозяйство въ относительно обширныхъ размѣрахъ и при сравнительно негустомъ населеніи, ощущается сильный недостатокъ въ рабочихъ силахъ.

«Отсутствіе въ нашемъ краѣ равновѣсія въ спросѣ и предложеніи на трудъ и породило, такъ называемый, рабочій вопросъ,—вопросъ насущный и животрепещущій, какъ народившійся и созрѣвшій на совершенно реальной почвѣ. Мнѣніе, что наше сельское хозяйство на-

*) Коммиссія, кажется, не совсѣмъ поняла свою управу. Вѣдь послѣдняя именно-то и бравировала безшабашно общественнымъ мнѣніемъ, находя „несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ входить въ пререканія съ прессою и дѣлать ей какія-либо поясненія“. Эка, подумаешь, какая амбиція!

ходится далеко не въ цвѣтущемъ состояніи и что оно, съ теченіемъ времени, не совершенствуется, а замѣтно, изъ года въ годъ, приходитъ въ упадокъ,—стало для всѣхъ аксіомой, не требующею дальнѣйшихъ доказательствъ. Причинами этого упадка выставляютъ отсутствіе знанія, недостатокъ кредита и денежныхъ свободныхъ капиталовъ *) и главное,—ненормальность отношеній труда и капитала. Не отвергая вѣрности извѣстнаго положенія, что успѣхъ сельскаго хозяйства, какъ и всякой промышленности, зависитъ отъ соотвѣтствующаго взаимодѣйствія трехъ главныхъ факторовъ: знанія, капитала и труда,—коммиссія, чтобы не выходить изъ предѣловъ своей задачи, не останавливаясь на разсмотрѣніи значенія въ сельскомъ хозяйствѣ двухъ первыхъ, прямо переходитъ къ уясненію существующихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Соединеніе ихъ въ одно цѣлое въ данномъ предпріятіи, сдѣланное на основаніи добровольнаго соглашенія, приноситъ взаимную выгоду, когда каждая изъ сторонъ добросовѣстно исполняетъ принятое на себя обязательство; въ противномъ же случаѣ, т.-е. при отступленіи кѣмъ-либо отъ условій, предпріятіе рушится и, если не обѣ стороны, то одна изъ нихъ непремѣнно проигрываетъ, а иногда и въ конецъ разоряется. Эти простыя истины относятся ко всѣмъ отраслямъ промышленности; что же касается до земледѣлія, процвѣтаніе котораго тѣсно связано съ государственнымъ бюджетомъ, то здѣсь точное исполненіе заключеннаго условія требуется болѣе, нежели гдѣ-либо. Въ сельскомъ хозяйствѣ все производится въ извѣстное, опредѣленное время года; отступленіе на одинъ день и часто даже на одинъ часъ уничтожаетъ не только затраченный капиталъ и данный Богомъ урожай, но и труды многихъ людей, за цѣлый годъ времени; а такъ какъ ни одна изъ отраслей сельскаго хозяйства не можетъ быть исполнена безъ опредѣленнаго числа рабочихъ, то понятно, что аккуратность ихъ и точное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей имѣетъ существенное значеніе, не только на успѣхъ его, но и на весь экономическій ростъ цѣлаго края. Если работникъ, находясь подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызывающихъ внутреннія и внѣшнія побужденія къ труду, добросовѣстно исполняетъ свое дѣло, то производительность расширяется, сельское хозяйство, а вмѣстѣ съ нимъ торговля, промышленность и самое государ-

*) Не тутъ ли именно, какъ говорятъ нѣмцы, и зарыта собака?

ство—процвѣтаютъ; а разъ побужденій къ труду нѣтъ, или явилась возможность получать плату, ничего не производя,—все начинаетъ идти по противоположной дорогѣ, т.-е. - къ экономическому застою, обѣднѣнію и полному упадку,—сперва отдѣльныхъ частей, а затѣмъ и всего государства. Такимъ образомъ, все дѣло — въ трудѣ или, лучше сказать, въ обстоятельствахъ, на него вліяющихъ, почему на эти обстоятельства намъ и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

«Свободное заключеніе сдѣлокъ, договоровъ и принятіе на себя личныхъ и имущественныхъ обязательствъ, предоставлено повсемѣстно каждому правоспособному гражданину; но законодательство всѣхъ временъ и народовъ, въ силу небезпорочности человѣческой натуры, вынуждено было заботиться объ охраненіи святости договоровъ и объ огражденіи правъ собственности и личности договаривающихся. Не можемъ и мы жаловаться на отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ охранительныхъ мѣръ: т. X Св. Зак. Гр. и временныя правила, до найма рабочихъ относящіяся, казалось бы, въ достаточной степени могли гарантировать обѣ договаривающіяся стороны отъ нарушенія ихъ правъ; но, не говоря уже о нѣкоторой неполнотѣ и разбросанности по разнымъ изданіямъ сихъ законовъ, главный ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они оказываются неудобопримѣнимыми на практикѣ, отчего строй существующихъ отношеній между рабочими и работодателями является крайне ненормальнымъ. Неоспоримо, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества бываютъ печальные случаи, что сельскіе хозяева, получившіе уже характерное прозваніе кулаковъ и хищниковъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ рабочаго, входятъ съ нимъ въ невыгодныя для послѣдняго условія; но, въ то-же время, можно съ полною достовѣрностью утверждать, что еще больше случаевъ, проявляющихся преимущественно въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ рабочіе, пользуясь большимъ спросомъ на рабочія руки, несмотря на договоръ и принятый ими денежный задатокъ, оставляютъ хозяевъ въ самую нужную рабочую пору, когда хлѣбъ вполнѣ налился и требуетъ немедленной уборки. Изъ сообщеній гг. мировыхъ судей и волостныхъ правленій, въ большинствѣ сознающихъ все зло такого порядка, явствуетъ, что изъ числа судившихся рабочихъ за неисполненіе договоровъ, оправдано только $2^3/_4\%$, а изъ числа начатыхъ самими рабочими исковъ, признано подлежащими удовлетворенію по числу судившихся всего $^3/_4\%$.

«Господствующій въ этомъ отношеніи у насъ безпорядокъ, кромѣ подрыва общаго благосостоянія, породилъ и другое зло: это—сознаніе въ средѣ рабочаго люда, что разоряемый ими хозяинъ безпомощенъ, а рабочій, нарушающій договоръ, почти безотвѣтственъ *), что, въ свою очередь, вызвало шантажную промышленность—жить, не трудясь, задатками и обзаводиться, на пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги, скотомъ и необходимыми полевыми орудіями, которыя, въ силу дополнительныхъ правительственныхъ распоряженій, не могутъ быть проданы у крестьянина, даже для возврата владѣльцу мошеннически полученной у него суммы. Что землевладѣльцы, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно находятся въ безпомощномъ состояніи, это не парадоксъ, не красное словцо, придуманное выразительности ради, а дѣйствительный фактъ, который на себя испыталъ каждый практикъ-хозяинъ, такъ какъ взысканіе, присужденное судомъ съ рабочаго въ пользу нанимателя, не только за убытки, имъ причиненные, но и за неотработанные задатки и унесенныя имъ съ собою полевыя орудія, случается въ дѣйствительности феноменально-рѣдко—по безнадежности отыскать пришлаго рабочаго, или по невозможности получить съ него присужденное. Житейскимъ опытомъ наученный, наниматель прибѣгаетъ къ защитѣ суда противъ рабочихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и свой горькій опытъ передаетъ обращающимся къ нему за совѣтомъ начинающимъ хозяевамъ. Для нарушеній условій найма, рабочіе встрѣчаютъ сильную поддержку и отъ волостныхъ, и отъ сельскихъ правленій **), которыя безнаказанно позволяютъ себѣ свидѣтельствовать условія о наймѣ одного и того же рабочаго въ разныя мѣста и на одинъ тотъ же срокъ, и отъ самихъ работодателей,

*) Это что-то такое совершенно ужъ непонятное. Пятью строками выше коммиссія говоритъ, что изъ числа привлеченныхъ къ отвѣтственности рабочихъ за неисполненіе договоровъ, оправдано всего только $2^3/_4\%$, а ниже утверждаетъ, что рабочій, нарушающій договоръ, „почти безотвѣтственъ“. Своеобразное пониманіе безотвѣтственности....

*) Дѣйствительно ли ужъ это такое выгодное занятіе, что на получаемыя „шантажнымъ путемъ“ деньги можно обзаводиться скотомъ и т. п.? Но вѣдь даже катериновскій старшина, прямо называющій нанимателей „угнетенными“ рабочими, рекомендуетъ послѣднихъ „голыми“ бѣдняками.

**) Какъ же такъ: выше мы видѣли, что въ своихъ отзывахъ волостныя правленія являлись plus royalistes, que le roi-même и отзывались о рабочихъ самымъ суровымъ образомъ, а коммиссія обвиняетъ эти самыя правленія въ развращеніи рабочихъ и потачкѣ имъ?

которые, къ стыду своему, позволяютъ себѣ также безнаказанно сманивать рабочихъ отъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, прельщая ихъ увеличеннымъ размѣромъ платы или другими льготами. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ сбиваемый и деморализуемый рабочій, даже изъ числа честныхъ тружениковъ, приходитъ нынѣ къ полному почти отрицанію возможности какой-либо для себя отвѣтственности, не только за разорительное для другой стороны нарушеніе договора найма, но и за похищеніе чужой собственности, путемъ обмана и простаго воровства *).

«Очевидно, что отъ массы народа, деморализованной до предѣловъ возможнаго и, при отсутствіи въ ней чувства законности и уваженія къ чужой собственности,—въ будущемъ можно ожидать очень многаго. Несомнѣнно одно, что, за паденіемъ сельскаго хозяйства, сдѣлается невозможнымъ существованіе заводовъ, фабрикъ, торговли и промышленности, на которыхъ зиждется благосостояніе всего народа, государственный бюджетъ, сила и, слѣдовательно, цѣлость всего государства.

«На основаніи вышеизложеннаго и, имѣя въ виду, что приносимыя до сего жалобы суду и правительству и всѣ усилія людей, ищущихъ порядка и покоя, а равно и труды составленной въ 1873 г. коммиссіи при участіи свѣдующихъ людей, и доклады сельско-хозяйственныхъ обществъ разныхъ наименованій, не имѣли никакого результата,—коммиссія полагаетъ, что земскому собранію, какъ составленному изъ людей практики, людей отъ земли, слѣдуетъ во-очію выставить передъ руководящими сферами дѣйствительную и серьезнѣйшую помѣху правильному развитію сельскаго хозяйства и просить о безотлагательномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ по этой части законоположеній, при участіи представителей отъ земства, за которымъ, безъ сомнѣнія, должна быть признана извѣстная въ этомъ дѣлѣ компетентность.

«Для устраненія-же въ сельскомъ хозяйствѣ хаоса и вреднаго движенія рабочихъ, по мнѣнію коммиссіи, необходимо водворить такой порядокъ, при которомъ всѣ жалобы и недоразумѣнія между жителями могли бы разбираться тотчасъ же и на мѣстѣ и, чтобы каждая изъ тяжущихся сторонъ, при полной равноправности, которой нынѣ не существуетъ, не имѣла бы возможности уклоняться отъ суда».

---

*) Значитъ—всѣ виноваты, и хозяева, отбивающіе другъ у друга рабочихъ, и сбиваемые ими рабочіе, и сельскія власти, потворствующія неисполненію заключенныхъ договоровъ.

Мы, кажется, не впадемъ въ большую ошибку, если замѣтимъ, что доказывать односторонность и тенденціозность только-что приведеннаго доклада — значитъ ставить подъ I точку. Въ своемъ благородномъ негодованіи, «избранные люди» елизаветградскаго уѣзда доходятъ до такого абсурднаго заявленія, что «входить въ пререканія съ прессою считаютъ не только безполезнымъ, но даже несовмѣстимымъ съ достоинствомъ земства». Это самый лучшій способъ отдѣлаться всегда отъ нападающихъ,—считаемъ, молъ, отвѣчать несовмѣстимымъ съ нашимъ достоинствомъ—и дѣло въ шляпѣ. Къ счастью, подобный взглядъ не составляетъ общаго явленія, а, насколько намъ извѣстно,— поползновенія на присвоеніе непогрѣшимости папы римскаго, принадлежатъ только одному земству — елизаветградскому. Ссылка, приведенная сейчасъ-же ниже, на «32 гласныхъ изъ среды крестьянъ, неуклонно присутствующихъ въ собраніи», теперь врядъ ли кому можетъ втереть очки. Роль гласныхъ-крестьянъ уже настолько хорошо выяснилась, что новаго о ней сказать ничего нельзя: въ лучшемъ случаѣ, это, какъ ихъ называютъ, гласные совершенно безгласные и со всѣмъ согласные, дремлющіе во время всевозможныхъ преній и затѣмъ, когда ихъ разбудятъ, подающіе свои голоса за ту сторону, на которую имъ укажетъ дирижирующая ими рука. Въ худшемъ,—это представители деревенской плутократіи,—кулаки и обиралы, которые больше всѣхъ другихъ кричатъ, что «мужикъ отъ рукъ отбился», къ числу которыхъ смѣло можно отнести и тѣхъ шестерыхъ волостныхъ старшинъ, отзывы которыхъ управа нашла нужнымъ помѣстить въ своемъ докладѣ. Особенно постарался отличиться старшина катериновской волости, съ его опредѣленіемъ «нанимателей, угнетенныхъ рабочими». Но лучше всего отношеніе къ предложенію управы господъ землевладѣльцевъ: изъ числа семи сотъ человѣкъ, отозвалось всего только 37, да и то видно, судя по приведеннымъ отдѣльнымъ отзывамъ (мы ихъ выпустили), изъ числа самыхъ озлобленныхъ, у которыхъ недоразумѣнія съ рабочими и рабочіе «бунты» обратились въ хроническое явленіе. Остальные промолчали. Почему? Управа полагаетъ, что, «видимо гг. землевладѣльцы, можетъ-быть и не безъ причины (ага, вотъ именно выясните эту причину), сочли отвѣчать намъ недостойнымъ (это какое-то помѣшательство на чувствѣ собственнаго достоинства: управа считаетъ несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ отвѣчать прессѣ, владѣльцы считаютъ недо-

стойнымъ себя отвѣчать своей управѣ) даже того малаго труда и вниманія, котораго просила у нихъ управа. По устнымъ ихъ заявленіямъ, они *такъ мало вѣрятъ* въ возможность привлечь довѣріе правительства къ высказываемымъ ими жалобамъ, такъ мало ожидаютъ отъ новаго возбужденія имъ мѣръ, способныхъ устранить *обоюдное неудовольствіе*, что рѣшились лучше *не давать повода къ пересмотру* рабочаго вопроса. Это что-то уже совершенно непонятное. Съ одной стороны—постоянныя жалобы и вопли на «угнетеніе» рабочими и требованія урегулировать рабочій вопросъ, съ другой,—полнѣйшее игнорированіе просьбы дать кое-какія болѣе подробныя свѣдѣнія, и «словесныя заявленія», о нежеланіи давать поводъ къ пересмотру рабочаго вопроса. Одно съ другимъ совершенно не вяжется, даже взаимно діаметрально-противоположно. Вотъ подите и разбирайтесь здѣсь, какъ хотите. Что касается маленькой статистики о дѣлахъ, разбиравшихся у судей и показывающей тотъ огромный процентъ обвиняемыхъ по жалобамъ владѣльцевъ рабочихъ, и ничтожный процентъ признанныхъ подлежавшими удовлетворенію претензій рабочихъ, людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ, ни мало не удивитъ. А судьи кто?—тѣ же владѣльцы и тѣ же «безтолковыя», по характерному заявленію павловскаго старшины, волостныя правленія. Къ этому комментарій никакихъ добавлять не слѣдуетъ. Но этимъ вовсе еще не устанавливается фактъ, какъ полагаетъ елизаветградская земская управа, что «правдивость жалобъ рабочихъ на дурную пищу и дурное обращеніе съ ними нанимателей всецѣло опровергнута». Невѣрно это заключеніе потому, что немного далѣе, въ отчетѣ коммиссіи, выбранной земствомъ по поводу доклада управы, говорится «о неоспоримости печальныхъ случаевъ, гдѣ сельскіе хозяева эксплоатируютъ рабочаго и, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ послѣдняго, входятъ съ нимъ въ невыгодныя для него условія». Оправдываютъ не всегда праваго и обвиняютъ не всегда виноватаго, а въ такихъ острыхъ дѣлахъ, какъ дѣла хозяевъ съ рабочими, гдѣ взглядъ судей принялъ уже настолько общее направленіе, что виновная сторона опредѣляется часто еще до разбора дѣла,—эту поговорку можно считать вдвойнѣ вѣрной. Этого не отрицаетъ и вышеупомянутая коммиссія, выражающая желаніе, чтобы «каждая изъ тяжущихся сторонъ пользовалась полною равноправностью, которой *теперь не существуетъ*». А сама управа, въ высказываемыхъ въ концѣ

своего доклада desideria, выражаетъ желаніе ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи мѣръ «къ повсемѣстному улучшенію положенія рабочихъ», забывая, что, нѣсколькими страницами раньше, она санкціонировала полную несостоятельность жалобъ рабочихъ на дурныя харчи и плохое содержаніе. Но что болѣе всего поражаетъ — это общая характеристика рабочаго, произведенная елизаветградскою управою, съ курьезною ссылкою на *одно* разбиравшееся дѣло у мироваго судьи и на «компетентный» отзывъ глодоскаго волостнаго старшины. Эти-то богатыя данныя дали право управѣ бросить тяжелый камень обвиненія по адресу всего рабочаго класса.

Посмотрите пожалуйста, какъ сильно и картинно это начинается: «*Народъ* и даже *исполнители* (?) настолько укоренились въ смыслѣ произвольнаго толкованія законовъ, что частныя усилія уже не въ силахъ сдѣлать ничего. Между тѣмъ, извращеніе смысла закона и уклоненіе обязательности рабочихъ книжекъ, послужили единственнымъ поводомъ укрѣпленія въ нихъ (т.-е., конечно, въ рабочихъ, а не въ книжкахъ) убѣжденія безнаказанности, вслѣдствіе чего столь безмѣрно усилились нарушенія, убивающія успѣшное развитіе нашего земледѣлія. Извѣстно, что во всѣхъ сословіяхъ бережливость и духъ порядка (это еще дѣдушка Кайдановъ училъ, что «дикіе народы любятъ свободу, а образованные — порядокъ») вызываются постояннымъ и честнымъ трудомъ, а не легкою наживой. При этомъ послѣднемъ, нравы неизбѣжно развращаются и принимаютъ направленіе, вредящее всему окружающему, такъ какъ проявляются они въ формахъ самыхъ грубыхъ—пьянствѣ, насиліяхъ, кражѣ и разбояхъ. Мы видимъ въ томъ неотразимые примѣры въ тѣхъ несчастныхъ, нравственно упавшихъ, которыми переполнены тюрьмы. Никто не видѣлъ ихъ въ работѣ, но въ разгулѣ и въ кабакахъ—*вотъ!* Къ тому привелъ ихъ не честный трудъ, а легкая нажива»... Читатель недоумѣваетъ, къ чему понадобилась земской управѣ эта лекція о нравственности, сильно напоминающая тѣ добродѣтельныя проповѣди, которыя сельскіе батюшки читаютъ «по тетрадкѣ», въ назиданіе паствѣ въ воскресные дни. Но читайте дальше и вы увидите, что эти общія мѣста направлены противъ столь ненавистнаго сердцу елизаветградской земской управы рабочаго.

«Нашъ рабочій,—говоритъ она,—*забирая въ одно и то же время деньги у всѣхъ и не отрабатывая никому* (?!), какъ то удостовѣрено въ судебномъ разборѣ у мирового судьи 9-го участка и

заключеніи глодоскаго волостного старшины (лучшаго авторитета у управы, вѣроятно, не нашлось), имѣетъ эту развращающую, легкую наживу въ рукахъ своихъ.

Ежели бы законоположенія, относящіяся къ рабочимъ, въ коихъ законодатель старательно оградилъ права обѣихъ сторонъ, не были бы нарушаемы неправильными толкованіями и случайными примѣненіями (какая же сторона является чаще всего нарушительницею—управа ни словомъ не упоминаетъ), то рабочіе никогда не довели бы себя до взысканій, или, по крайней мѣрѣ, они были бы крайне рѣдки и внушительны. Такимъ образомъ, рабочіе изъ крестьянъ, свыкшіеся съ мыслью о безнаказанности (эта «безнаказанность» выразилась, судя по цифрамъ, приведеннымъ въ томъ же докладѣ управы, въ слѣдующемъ отношеніи обѣихъ сторонъ: по жалобамъ владѣльцевъ было признано виновными 967 рабочихъ, оправдано всего только тридцать два человѣка. По жалобамъ рабочихъ, изъ 50 дѣлъ, въ ихъ пользу рѣшено только восемь. Намъ кажется, что если безнаказанность и существуетъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ, то только въ сторонѣ совершенно противоположной той, на которую указываетъ мѣстная управа. Языкъ цифръ—самый краснорѣчивый языкъ, а голословными запугиваніями, по части «небывалаго паденія нравственности» и прочими жупелами, можно убѣдить только человѣка, безусловно незнакомаго съ рабочимъ вопросомъ) довели классъ землевладѣльцевъ до невозможности вести свои хозяйства. И, благодаря этому, классъ дворянъ, столь необходимый для государственнаго строя, *мельчаетъ*». Это (послѣднее) заключеніе особенно эффектно: классъ елизаветградскихъ дворянъ мельчаетъ потому, что рабочіе уклоняются отъ обязательности рабочихъ книжекъ. Далѣе слѣдуютъ снова ламентаціи на тему объ упадкѣ религіи и увѣренія, «не опасаясь преувеличенія сказать, что наше населеніе въ четвертой долѣ своей заражено гибельною распущенностію». Такъ и запишемъ.

На этомъ мы пока покончимъ съ докладомъ елизаветградской уѣздной земской управы. Послушать ее, такъ дѣйствительно въ этомъ уѣздѣ творится что-то невозможное: рабочіе «забирая деньги у всѣхъ и не отрабатывая никому», вѣчно пьянствуютъ, занимаются насиліями, разбоями и наполняютъ тюрьмы. «Никто не видитъ ихъ на работѣ, но въ разгулѣ и кабакахъ—всѣ». Религія гибнетъ, распущенность и безнравственность растутъ—crescendo, дворянство мельчаетъ—и среди этой анар-

хін стоитъ, какъ стражъ на часахъ, елизаветградская земская управа и плачетъ горькими слезами. «Наше дѣло,— говоритъ онъ земскому собранію,—указать на это вамъ, а ваше—подумать объ этомъ».

Приходится думать, что въ елизаветградскомъ уѣздѣ и жизнь сложилась иначе, и люди тамъ живутъ совсѣмъ другіе. Но вотъ мы беремъ работы образованной при томъ же земствѣ особой сельскохозяйственной коммиссіи и, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя появлялись по этому поводу въ столь презираемой управою прессѣ *), чёртъ оказывается вовсе не такимъ страшнымъ, какъ его намалевали управцы. Въ этой коммиссіи толковали, что владѣльцы сами сманиваютъ другъ у друга рабочихъ въ горячую пору, давая имъ больше жалованье, и система этого сманиванія достигла такого развитія и совершенства, что «во время страдной поры приходится ставить спеціальныхъ надсмотрщиковъ, которые наблюдали бы за тѣмъ, чтобы никто изъ сосѣдей не сманивалъ рабочихъ». Коммиссія свидѣтельствуетъ, что «даже самый честный и добросовѣстный рабочій, со всѣхъ сторонъ сбиваемый работодателями, въ концѣ концовъ деморализуется». Члены коммиссіи не отрицали, что есть «не мало» владѣльцевъ, которые «довели способъ обиранія рабочаго до совершенства». Нанявши партію, они обыкновенно, заставивши поработать при нормальныхъ условіяхъ недѣли двѣ, вдругъ круто перемѣняютъ обращеніе, начинаютъ задавать непосильные уроки и кормить впроголодь. Происходитъ «бунтъ», который оканчивается тѣмъ, что рабочіе забираютъ свои паспорты и уходятъ, не получивши ни гроша, такъ какъ хозяинъ предлагаетъ обратиться имъ въ судъ, зная навѣрняка, что они туда не пойдутъ.

Почему?—объ этомъ ниже. Двухнедѣльную работу въ страдную пору хозяинъ получаетъ за рублевый задатокъ, выданный при наймѣ, да за нѣсколько копѣекъ, истраченныхъ на магарычъ. Покинутый рабочими, «угнетенный хозяинъ» ѣдетъ въ Бобринецъ и Елизаветградъ, или на какой-либо другой рынокъ и нанимаетъ новую партію съ тѣмъ, чтобы по прошествіи недѣли-двухъ повторить такую же продѣлку. Одинъ членъ коммиссіи говорилъ, что онъ знаетъ хозяевъ, которымъ, благодаря только-что указанному методу, *всѣ лѣтнія работы обходятся въ грошъ*. Что можно сказать на это? И замѣтьте, что это признаютъ и высказываютъ землевладѣльцы, отзывы кото-

*) „Одесскій Листокъ".

рыхъ нельзя и приравнять къ ламентаціямъ, построеннымъ на заключеніи какого-то никому невѣдомаго глодоскаго волостнаго старшины и говорится это въ засѣданіяхъ образованной тѣмъ же земствомъ коммиссіи, а не «измышляется недостойною прессою». Въ этой же коммиссіи, графъ Стенбокъ-Ферморъ прочелъ очень интересный докладъ, о мѣрахъ къ урегулированію отношеній между рабочими и нанимателями. Констатируя фактъ часто практикующагося ухода рабочихъ отъ хозяевъ, которые чрезъ это терпятъ въ горячую страдную пору большіе убытки, коснувшись причинъ этого ухода, графъ Стенбокъ-Ферморъ предложилъ, въ своемъ докладѣ, земскому собранію ходатайствовать объ обязательности 16 ст. «положенія о наймѣ на сельскія работы» для всѣхъ нанимателей, т.-е. чтобы никто не имѣлъ права принять къ себѣ пришлаго рабочаго иначе, какъ по договорному листу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуя дополнить это еще слѣдующими мѣрами: 1) поручить надзоръ за исполненіемъ 16 ст. полиціи, которая и привлекала бы виновныхъ къ уголовной отвѣтственности, независимо отъ иска объ убыткахъ со стороны потерпѣвшихъ; 2) предоставить непремѣннымъ членамъ по крестьянскимъ присутствіямъ право, въ случаѣ, если они усмотрятъ во внесенномъ въ волостную книгу договорѣ нарушеніе правилъ «положенія», либо нарушеніе интересовъ рабочаго, объявлять договоръ недѣйствительнымъ, и 3) разъяснять волостному начальству «положенія», такъ какъ до настоящаго времени каждое волостное правленіе *толкуетъ эти положенія по своему и рѣдко когда исполняетъ ихъ.*

Въ заключеніе своего доклада, графъ Стенбокъ-Ферморъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Предлагаемая мѣра,—говоритъ докладчикъ,—всеобще—обязательнаго найма по договорнымъ листамъ, съ одной стороны обезпечитъ нанимателя, съ другой — удержитъ рабочихъ отъ соблазна искать на рискъ большихъ заработковъ и тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, избавитъ ихъ отъ матеріальной потери. Въ первый же годъ, ушедшій рабочій на горькомъ опытѣ убѣдится, что безъ предъявленія договорнаго листа онъ нигдѣ работы не найдетъ и ужъ навѣрное на слѣдующій годъ не захочетъ нарушить договоръ. Нельзя не отмѣтить того прискорбнаго факта, что *не всегда рабочіе виноваты въ самовольномъ уходѣ.* Нѣкоторыя экономіи сами не выполняютъ условій договора, или, пользуясь безграмотностью рабочаго, заключаютъ такія условія, которыя противорѣчатъ основнымъ правиламъ По-

ложенія о наймѣ на сельскія работы и выполненіе которыхъ оказывается для рабочихъ невозможнымъ. «Мнѣ-же все-таки кажется,— заканчиваетъ свой докладъ графъ Стенбокъ-Ферморъ, — что, если смотрѣть на рабочаго, какъ на человѣка, а не какъ на машину, хорошо его кормить, не слишкомъ довѣряя прикащикамъ, не штрафовать рабочаго за всякую мелочь, а главное—добросовѣстно разсчитывать его по окончаніи срока (безъ вычетовъ), то рабочій никогда изъ экономіи не уйдетъ, а каждый годъ съ удовольствіемъ будетъ вновь наниматься и всякія «мѣры» или строгости окажутся лишними».

Авторъ кончилъ тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему начать свой докладъ, но и за то спасибо. Другой хозяинъ елизаветградскаго уѣзда, г. Финкъ, посвящая свою статью рабочему вопросу въ «Запискахъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи», говоритъ: «придерживаясь пословицы prima non nocere (прежде всего не вредить), намъ въ теченіе 30-лѣтняго общенія съ рабочими ни разу не приходилось раскаяться въ этомъ, рабочіе же, несмотря на строгость, стремились къ намъ, а не убѣгали отъ насъ». Такимъ образомъ «найти причину всѣхъ причинъ» вовсе не такъ трудно, какъ думаютъ современные метафизики. Въ елизаветградскомъ уѣздѣ, положеніе котораго изображено въ такихъ ужасныхъ чертахъ мѣстною земскою управою, какъ и во всѣхъ другихъ уголкахъ Россіи, существуютъ хозяева, для которыхъ рабочаго вопроса, т.-е. отрицательной стороны его, выражающійся въ бунтахъ, уходахъ, вѣчныхъ враждебныхъ отношеніяхъ и т. п., не существуетъ. И все это достигнуто единственно только строгимъ примѣненіямъ правила «prima non nocere». Въ этомъ заключается все, весь секретъ. Отбросьте его—и никакіе договорные листы, никакія измѣненія въ узаконеніяхъ, никакія репрессивныя мѣры не помогутъ дѣлу, а наоборотъ, очень легко можетъ случиться, еще больше осложнятъ и обострятъ его. Слѣдуйте ему—и тогда вы согласитесь съ графомъ Стенбокомъ-Ферморомъ и другими, что «всякія мѣры и строгости окажутся излишними».

VI.

Выше мы замѣтили, что рабочіе въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ посредству суда, а по большей части, будучи обиженными и обсчитанными, уходятъ безъ протеста.

Иногда обидчики даже умудряются еще ихъ привлечь къ отвѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, въ только-что цитированномъ нами докладѣ елизаветградской уѣздной земской управы, бросается въ глаза несоотвѣтствующая пропорція дѣлъ, возбужденныхъ владѣльцами противъ рабочихъ и наоборотъ. Первыхъ—болѣе 1,100, вторыхъ—всего на всего пятьдесятъ. Объясняется это не тѣмъ, что у рабочихъ гораздо меньше причинъ привлекать къ отвѣтственности хозяевъ,—совсѣмъ нѣтъ, а главную роль играетъ въ этомъ случаѣ самая процедура суда, пугающая рабочаго и связанная съ нею потеря времени и денегъ, причемъ все это не приводитъ въ концѣ концовъ ни къ какимъ результатамъ. Извѣстно, что законъ предоставляетъ отвѣтчику несравненно болѣе льготъ, нежели истцу. Такъ, отвѣтчикъ, не явившійся на первое разбирательство суда, можетъ требовать вторичнаго назначенія дѣла къ слушанію. Разбирательство дѣла не можетъ состояться до тѣхъ поръ, пока повѣстка не вручена отвѣтчику. Отвѣтчикъ, при вторичномъ разбирательствѣ, можетъ требовать отсрочки дѣла, до вызова его свидѣтелей. Итакъ, по простому произволу отвѣтчика, дѣло его можетъ быть откладываемо три раза, для чего потребуется не менѣе мѣсячнаго срока, т.-е. при всемъ желаніи судьи немедленно удовлетворить законныя требованія правой стороны—рабочихъ, это желаніе можетъ быть исполнено, въ силу ухищренія отвѣтчика, не ближе, какъ черезъ мѣсяцъ, а то и болѣе со дня подачи жалобы рабочими. Допустимъ, что, спустя мѣсяцъ, мировой судья *) постановилъ удовлетворить законныя требованія рабочихъ; но вѣдь постановленіе это не окончательное: за отвѣтчикомъ остается еще право апелляціи. И вотъ опять начинается затягиваніе: отвѣтчикъ аппелируетъ и дѣло переходитъ въ съѣздъ мировыхъ судей, гдѣ оно разсматривается тоже спустя мѣсяцъ. Рабочіе ждутъ уже два мѣсяца. Но, при разсмотрѣніи дѣла въ съѣздѣ мировыхъ судей, отвѣтчикъ снова ссылается на новыхъ свидѣтелей и требуетъ ихъ вызова. Съѣздъ откладываетъ дѣло до вызова свидѣтелей, т.-е. еще на одинъ мѣсяцъ. Рабочіе ждутъ уже три мѣсяца. Здѣсь еще представляется уловка для отвѣтчика, а именно: онъ указываетъ такого свидѣтеля, который живетъ въ другомъ уѣздѣ и повѣстка, очевидно, не можетъ быть вру-

*) Съ упраздненіемъ института мировыхъ судей, внѣшняя формальная сторона дѣла, кажется, ничуть не измѣнилась.

чена за мѣсячный срокъ. Наступаетъ день разбирательства, а свидѣтеля нѣтъ: по требованію отвѣтчика, судъ отсрочиваетъ разбирательство до слѣдующаго мѣсяца. Рабочіе ждутъ четвертый мѣсяцъ. И такъ, каждый коршунъ-наниматель можетъ тянуть дѣло, минимумъ, четыре мѣсяца, издѣваясь надъ судомъ и ожидающими рабочими. Чѣмъ же дѣло кончается? Для пришлыхъ рабочихъ ждать четырехмѣсячный срокъ, до окончательнаго рѣшенія иска,—немыслимо, невозможно. Такъ какъ недоразумѣнія съ нанимателями начинаются не съ первыхъ дней найма, а спустя мѣсяцъ или полтора, то обыкновенно жалобы рабочихъ начинаютъ поступать въ іюнѣ, или іюлѣ мѣсяцахъ. Отсчитайте отъ этого времени еще четыре мѣсяца впередъ и получится, что окончательное рѣшеніе суда можетъ состояться только въ ноябрѣ, или даже декабрѣ мѣсяцѣ. Возможно ли требовать, или хотя бы допустить то нелѣпое требованіе, чтобы пришлые рабочіе, за тысячу верстъ, на чужбинѣ, безъ денегъ, безъ пріюта, оставались до декабря мѣсяца, ожидая рѣшенія суда? И вотъ рабочіе, не дождавшись рѣшенія суда, еще въ концѣ сентября, или въ началѣ октября уходятъ домой, положивъ здѣсь свои силы, свой заработокъ и свой трудъ. Разумѣется, такое положеніе рабочаго истца, вытекающее изъ льготнаго положенія отвѣтчика, должно было бы обратить на себя вниманіе, чтобы выработать исключительную систему дѣлопроизводства для этихъ исключительныхъ исковъ и заняться этимъ дѣломъ было бы далеко не безполезнымъ, ибо пришлые рабочіе въ Новороссіи—явленіе не случайное, не частное, но явленіе постоянное, вытекающее изъ условій народнаго быта и тѣсно связанное съ интересами государства и общества.

И система этого исключительнаго дѣлопроизводства совсѣмъ не сложная и нимало не нарушающая принциповъ правосудія. Достаточно установить только правиломъ, чтобы истецъ-рабочій обязанъ былъ только на первомъ разбирательствѣ дѣла установить законность своихъ требованій. Затѣмъ, пусть рабочій идетъ себѣ домой; пусть отвѣтчикъ тянетъ и затягиваетъ дѣло, хотя бы цѣлый годъ, отсутствіе рабочаго не должно мѣшать судопроизводству, ибо вмѣсто истца имѣются его требованія и доказательства, въ протоколѣ перваго разбирательства. Такимъ образомъ, рано или поздно, правое требованіе рабочаго получитъ свое удовлетвореніе, ибо, и за отсутствіемъ рабочаго-истца, судъ постановитъ взыскать съ отвѣтчика-нанимателя деньги рабочаго.

Кромѣ того, при взысканіяхъ по этимъ искамъ, отнюдь не слѣдуетъ требовать съ рабочаго, чтобы онъ указалъ способъ взысканія, какъ это дѣлается обыкновенно, но въ этихъ исключительныхъ взысканіяхъ самъ судъ, при посредствѣ судебныхъ приставовъ и полицейскихъ чиновъ, можетъ опредѣлить способъ взысканія, а для того, чтобы не было умышленнаго скрытія имущества или укрывательства отъ взысканія, въ случаѣ несостоятельности отвѣтчика-нанимателя, подвергать его отвѣтственности уголовной. Наконецъ необходимо, чтобы суды наши по этимъ искамъ входили въ разсмотрѣніе тѣхъ основаній и причинъ, по какимъ отвѣтчикъ затягиваетъ дѣло. Взысканія же въ пользу рабочаго возможно направлять на родину его, по мѣсту его жительства. При такомъ простомъ, но исключительномъ дѣлопроизводствѣ выигралъ бы и авторитетъ суда, надъ которымъ ужъ не посмѣлъ бы издѣваться каждый хищникъ, которому законъ милостиво даровалъ такія льготы самозащиты, зная, что его ухищренія не дадутъ ему выгоды *).

---

*) „Со стороны нанимателя,—писалъ по этому поводу корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей",—господствуетъ полный произволъ; ему ничего не значитъ обсчитать рабочаго самымъ наглымъ образомъ, такъ-какъ онъ знаетъ, что, если обманутый и вздумаетъ тягаться, то ему не на что опереться въ своемъ искѣ, нечѣмъ доказать, что наниматель нарушилъ заключенныя словесно условія. Единственное, на что обиженный можетъ опереться, это - показанія свидѣтелей; въ этомъ случаѣ онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ, если судья даннаго района не бездушный формалистъ, а прислушивается къ голосу совѣсти: тогда онъ можетъ считать гражданскій искъ доказаннымъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Но и при этомъ условіи дѣло не можетъ считаться выигранным для обиженнаго, благодаря „волокитѣ": во-первыхъ, нужно извѣстное время, пока судья назначитъ къ разбору дѣло; далѣе отвѣтчикъ, отлично знающій всѣ лазейки, не является вовсе въ засѣданіе, и судья постановляетъ заочное рѣшеніе; затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, ему посылается копія этого рѣшенія, нерѣдко путешествующая, благодаря общественнымъ порядкамъ россійскихъ захолустьевъ, цѣлыя недѣли, пока наконецъ ее вручатъ отвѣтчику; со дня вручения онъ пользуется мѣсячнымъ срокомъ для подачи отзыва, въ которомъ проситъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла; опять проходитъ извѣстный періодъ времени, пока дѣло вновь назначается къ разбору; если и на этотъ разъ судья рѣшаетъ дѣло въ пользу истца, отвѣтчикъ-наниматель можетъ подавать апелляціонные и даже кассаціонные отзывы, по-прежнему пользуясь громадными сроками. Словомъ, онъ можетъ затянуть дѣло на цѣлые мѣсяцы, что мы и видимъ сплошь да рядомъ: въ камерахъ мѣстныхъ судей возникаетъ ежегодно масса дѣлъ этого рода, но всѣ они прекращаются на основаніи 145 ст.

Такимъ образомъ, разобравши докладъ елизаветградской земской управы, мы видимъ, что наговоривши цѣлую кучу «жалкихъ словъ» и оклеветавши незаслуженно рабочій классъ, управа ничего новаго не сказала и выработанныя ею три предложенія, клонящіеся якобы къ урегулированію рабочаго вопроса, нисколько не освѣщаютъ суть дѣла.

VII.

Екатеринославское губернское земство не задавалось такими тяжелыми задачами, какія возложило на рамена свои земство елизаветградское. Въ собраніяхъ этого земства нѣсколько разъ поднимался вопросъ, иниціатива возбужденія котораго принадлежитъ александровскому уѣздному земству, объ урегулированіи передвиженія рабочихъ на весеннія и лѣтнія сельско-хозяйственныя работы, въ южныя губерніи. Въ видахъ этого урегулированія, собраніе признало необходимымъ на первое время собирать черезъ земства другихъ южныхъ губерній къ 1-му мая свѣдѣнія, о видахъ на урожай и о числѣ требующихся рабочихъ. Намъ весьма памятны годы, когда владѣльцы, отправившіеся къ 9-му мая въ Каховку, оставляли растенія превосходными; хлѣба стояли густо и высоко, такъ что нѣкоторые обращались даже въ управу, сообщить смежнымъ губерніямъ о предвидимомъ громадномъ урожаѣ и просить рабочихъ. На первое время управа затруднялась и кстати, потому, что не проходило и 2-хъ недѣль, какъ трава высыхала, хлѣбъ пропадалъ и годъ выходилъ вполнѣ неурожайнымъ. Но бывало и такъ: всходы казались рѣдкими, жидкими и плохими въ концѣ апрѣля и началѣ мая, а затѣмъ выпадали дожди, наступала постоянная, теплая и влажная погода на многіе дни—и картина перемѣнялась. Поэтому, трудно до мая сказать что-либо объ урожаѣ положительное, а тѣмъ болѣе велика будетъ отвѣтственность зем-

---

Уст. гр. суд. —за неявкою истца. Да оно и понятно. Эта „волокита“ ставитъ заброшеннаго на чужую сторону пришлеца въ рѣшительную невозможность довести начатый процессъ до конца: „пока судъ да дѣло“,—ему нечѣмъ жить, и онъ вынужденъ махнуть рукой на слѣдуемые ему нѣсколько рублей, такъ какъ ожидать полученія ихъ приходится Богъ вѣсть сколько времени, да еще на чужой сторонѣ, среди чужихъ людей... Въ результатѣ получается то, что многіе, послѣ гнетущаго труда, уходятъ на родину, не принося домой ровно никакого заработка“.

ства, если оно поторопится сообщать о благопріятныхъ видахъ на урожай, зная, что нѣсколько дней палящей жары не только уничтожаютъ траву, въ особенности ранюю (тонконогъ, метланъ, овсянникъ), но и хлѣба, такъ какъ сообщенія эти могутъ вызвать усиленное движеніе рабочихъ, разорительное только для нихъ. Въ 1887 г. также съ раней весны было хорошо, зелено; слухи объ этомъ распространились и за Каховку, гдѣ наплывъ рабочихъ къ 9 мая оказался громаднымъ, но урожай вышелъ средній и ниже средняго (а мѣстами совершенно плохой) и довѣрчивыхъ рабочихъ пришлось обратно отправлять при помощи правительства и, по большей части, они принуждены были выпрашивать по дорогѣ христа ради. Не дурнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить и истекшій (1893-й) годъ. Благодаря поздней веснѣ, въ Каховкѣ къ 9 мая урожай считался посредственнымъ, но во второй половинѣ мая пошли дожди, хлѣба «набрались» и оказались настолько хорошими, что всѣ владѣльцы вынуждены были прибавить своимъ сроковымъ рабочимъ отъ 10 до 20% первоначальнаго жалованья.

Постановленіе екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія не осталось голословнымъ. Было рѣшено, впредь до выработки болѣе подробнаго плана организаціи этого дѣла, сдѣлать пока попытку замѣнить для мѣстностей, высылающихъ рабочихъ, неопредѣленные и часто совершенно невѣрные слухи, которыми обыкновенно руководятся рабочіе при своихъ передвиженіяхъ, болѣе точными свѣдѣніями о видахъ на урожай и основаннымъ на этихъ видахъ, хотя приблизительнымъ разсчетомъ количества пришлыхъ рабочихъ, какое можетъ потребоваться въ настоящемъ году для губерніи. Вслѣдствіе этого, собраніе поручило губернской управѣ къ 1-му мая собрать чрезъ уѣздныя управы необходимыя свѣдѣнія, какъ о видахъ на урожай, такъ и о количествѣ пришлыхъ рабочихъ, какое приблизительно можетъ потребоваться, сообразно этимъ видамъ и сообщить эти свѣдѣнія не позже 1-го мая, полтавской, черниговской, курской, харьковской и орловской губернскимъ управамъ, для распространенія среди мѣстнаго сельскаго населенія, а также войти въ сношенія по этому вопросу съ губернскими земствами таврической и херсонской губерній, также нуждающихся въ пришлыхъ рабочихъ, не признаютъ ли они возможнымъ присоединиться къ попыткамъ екатеринославскаго земства, т.-е. со своей стороны собрать и, совмѣстно съ екатеринославской губерн-

ской управой, сообщить свѣдѣнія о видахъ на урожай въ ихъ губерніяхъ и о числѣ требующихся для нихъ пришлыхъ рабочихъ вышеупомянутымъ губернскимъ управамъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы попытка земства одной губерніи—дать болѣе точныя данныя для направленія рабочихъ изъ густо населенныхъ мѣстностей, не была парализована отсутствіемъ такихъ данныхъ отъ другихъ сосѣднихъ губерній. Передавая это сообщеніе уѣзднымъ управамъ, таврическая губернская управа въ свою очередь добавила, что если бы уѣздныя управы признали возможнымъ примѣнить на дѣлѣ предложенныя екатеринославскимъ земствомъ мѣры, то она, со своей стороны, готова сообщить губернскимъ управамъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ направляются главнымъ образомъ на югъ рабочія партіи, свѣдѣнія о приблизительномъ числѣ рабочихъ, потребныхъ для каждаго уѣзда. Присоединяясь къ этой мысли, днѣпровская управа обратилась къ наиболѣе крупнымъ землевладѣльцамъ своего уѣзда, съ предложеніемъ сообщить ей въ возможной скорости, сообразуясь съ видами на урожай хлѣбовъ и травъ въ нынѣшнемъ году, свѣдѣнія о примѣрномъ количествѣ рабочихъ, которое потребуется для ихъ экономій, на предстоящія лѣтнія работы.

Отвѣтили ли что-нибудь владѣльцы и, что именно,—намъ неизвѣстно, но, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, возваніе днѣпровской земской управы осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вообще на этой попыткѣ, которая приведена выше и покончило, кажется, екатеринославское земство съ рабочимъ вопросомъ, обративши всѣ свои силы на войну съ нѣмцами-колонистами, прибирающими и эту губернію въ свои руки. Таврическое губернское земство, насколько намъ извѣстно, никогда особенно не занималось имъ, не смотря на то, что по количеству *пришлыхъ рабочихъ Таврическая губернія занимаетъ въ* Новороссіи первое мѣсто. Объяснялось ли это просто скептицизмомъ, свойственнымъ вообще этому земству, или нежеланіемъ принимать на себя иниціативу, мы сказать затрудняемся. Но нельзя не отмѣтить опытъ днѣпровскаго уѣзднаго земства, во главѣ котораго стоитъ выдающійся вообще земскій дѣятель, г. Колчановъ. Названное земство нашло необходимымъ запастись болѣе точными данными о движеніи рабочихъ и съ этою цѣлью обратилось къ уѣзднымъ управамъ другихъ губерній, *съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія по этому вопросу.* Къ крайнему прискорбію, изо ста управъ, къ которымъ адресовалось днѣпровское земство, лишь десять могли доставить болѣе или менѣе точ-

ныя свѣдѣнія. Хотя отвѣты эти могутъ дать приблизительное понятіе о рабочемъ движеніи лишь въ немногихъ сравнительно мѣстностяхъ, тѣмъ не менѣе, при нынѣшнемъ незнакомствѣ нашемъ съ этимъ предметомъ, опубликованіе ихъ едва ли можетъ быть признано излишнимъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ отвѣтовъ *). Предсѣдатель корочевской земской управы, Курской губ., говоритъ, что изъ этого уѣзда ежегодно уходитъ на югъ до трехсотъ человѣкъ полевыхъ рабочихъ; прежде, по его словамъ, уходило несравненно больше, но «неудавшіяся попытки охладили рабочихъ».

Вотъ что говорилъ по этому поводу предсѣдатель корочевской управы: «если заработки краткосрочныхъ рабочихъ будутъ для нихъ выгодны, если рабочіе будутъ имѣть полную увѣренность, что не пройдутъ даромъ и *получатъ справедливый разсчетъ*, то число желающихъ получить заработки на югѣ превзойдетъ вышеприведенную цифру». Что касается размѣра платы, то въ самомъ корочевскомъ уѣздѣ косари получаютъ 30—50 коп. въ день на своихъ харчахъ, на заработки же на югъ они охотно соглашаются, по словамъ предсѣдателя, ѣздить «за нѣсколько большую плату», при готовыхъ харчахъ и безплатномъ (т.-е. на счетъ нанимателя) проѣздѣ.

Малоархангельская управа, Орловской губерніи, сообщила, что уѣздъ этотъ «безъ ущерба» поставляетъ до 500 рабочихъ на косовицу, которыхъ вполнѣ удовлетворилъ бы заработокъ въ 40—50 руб. за $1^1/_2$ мѣсяца горячихъ лѣтнихъ работъ,—конечно, за исключеніемъ расхода на проѣздъ туда и обратно.

Брянская управа, Орловской же губерніи, говоритъ, что рабочее населеніе этого уѣзда можетъ выдѣлить изъ своей среды для отправки на югъ до 600 чел., которые удовольствовались бы платой несравненно низшей, нежели рабочіе другихъ уѣздовъ той же губерніи; управа свидѣтельствуетъ, что «плату рабочій брянскаго уѣзда, приблизительно за полтора мѣсяца, съ 10-го іюня по 25 іюля, кромѣ платы за проѣздъ по желѣзной дорогѣ, можетъ получить до 20 руб.», т.-е. на-половину меньше, нежели рабочій, наприм., малоархангельскаго уѣзда.

Переяславская уѣздная управа, Полтавской губерніи, въ отвѣтъ на запросъ днѣпровскаго земства сообщаетъ, что изъ переяславскаго

*) Впрочемъ цифры эти стары и количество свободныхъ рабочихъ въ поименованныхъ уѣздахъ, теперь несомнѣнно гораздо значительнѣе.

уѣзда въ южныя губерніи уходитъ, приблизительно, до 500 рабочихъ, но какую плату «желалъ бы получить» рабочій этого уѣзда за время съ 10 іюня по 25 іюля, управа сообщить не можетъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, изъ переяславскаго уѣзда уходитъ въ южныя губерніи каждую весну до 1.000 человѣкъ, и движеніе это, по словамъ переяславской земской управы, все болѣе и болѣе увеличивается. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что земства губерній, куда приходятъ рабочіе, все толкуютъ о заблаговременныхъ сношеніяхъ съ земствами же губерній, изъ которыхъ выходятъ послѣдніе. И никому въ голову не придетъ, что огромное количество рабочихъ на югъ поставляютъ губерніи, гдѣ совершенно не существуетъ земскаго самоуправленія (наприм. губ. Кіевская).

Золотоношскій уѣздъ, той же Полтавской губ., по словамъ мѣстной земской управы, можетъ поставить краткосрочныхъ рабочихъ отъ 500 до 1.000 чел., за плату каждому рабочему мужскаго пола отъ 40 до 50 руб. за полтора мѣсяца. Хорольская уѣздная управа, Полтавской же губ., пишетъ, что изъ уѣзда этого уходитъ на югъ ежегодно лѣтомъ до 2.000 чел. рабочихъ, вырабатывающихъ до 30 руб. въ мѣсяцъ.

Кобелякская уѣздная управа, Полтавской губ., констатируетъ, что уѣздъ этотъ выдѣляетъ ежегодно, преимущественно въ Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую и Ставропольскую губ., на срокъ отъ одного мѣсяца и болѣе, не менѣе десяти тысячъ душъ обоего пола. Что касается заработной платы, получаемой ими, то на этотъ счетъ мѣстная управа никакихъ свѣдѣній не сообщаетъ.

Рославльская уѣздная управа, Смоленской губ., говоритъ, что она не можетъ опредѣлить числа людей, ищущихъ заработка на югѣ. Переходя къ вопросу о платѣ, она высказываетъ мнѣніе, что «возможно въ южныя мѣстности нанять рабочаго съ платою отъ 15 руб. и выше въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ и съ расходами нанимателя по желѣзной дорогѣ въ оба пути».

Грайворонская, Курской губ., уѣздная управа сообщаетъ свѣдѣнія лишь о крюковской волости, доставленныя ей мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Волость эта поставляетъ до 100 душъ рабочихъ, съ платою за полтора мѣсяца 15—25 руб., кромѣ проѣзда по желѣзной дорогѣ.

Тимская уѣздная земская управа, Курской же губ., говоритъ, что уѣздъ этотъ, «на случай требованія, можетъ выставить приблизи-

тельно отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ рабочихъ». Что касается заработной платы, то управа опредѣляетъ ее, «кромѣ проѣзда по желѣзной дорогѣ, за полтора мѣсяца, въ 115 руб. сер.», «полагая, вѣроятно, что нашъ югъ—та же Калифорнія», иронизируетъ по этому поводу, днѣпровская управа, въ докладѣ своемъ по рабочему вопросу.

Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, сущность отвѣтовъ, свидѣтельствующихъ, какъ мы видѣли, что даже такой въ сущности незначительный районъ, выдѣляетъ болѣе 18.000 рабочихъ, идущихъ ежегодно на югъ, въ надеждѣ найти счастье, но въ большинствѣ случаевъ ошибающихся въ разсчетахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и земскія управы, подобно землевладѣльцамъ, отличаются нашею общею слабостью: всѣ мы мастера кричать безъ конца, но какъ только кто-либо попроситъ насъ объяснить причину нашихъ воплей и подкрѣпить ихъ какими-либо доказательствами, то мы сейчасъ замолкаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ну мыслимо ли тутъ выработать какую-либо систему, ежели на самый обычный запросъ, изъ сотни земскихъ управъ отвѣчаютъ всего только десять. У насъ до сихъ поръ привыкли отвѣчать только на приказанія, а какіе это отвѣты—объяснять нечего. На первомъ планѣ—все обстоитъ благополучно, на второмъ—какъ вамъ будетъ угодно. Несомнѣнно, что нѣкоторыя земскія управы, удостоившія отвѣтомъ запросъ днѣпровскаго земства, приводя свои цифры, писали свои свѣдѣнія просто «отъ руки»,—такъ, какъ пишутъ волостные писаря требуемыя отъ нихъ статистическія данныя. Иначе, чѣмъ же можно объяснить хотя бы этотъ нелѣпый отвѣтъ тимской управы, опредѣлившей полутора-мѣсячную плату рабочему, «кромѣ проѣзда по желѣзной дорогѣ, въ 115 рублей», когда средняя годовая плата рабочему, по сборнику г. Короленко, въ Курской губерніи равняется всего только 55 рублямъ. Разумѣется, днѣпровская управа не могла вывести никакихъ заключеній изъ такихъ «данныхъ».

Въ 1886 году правительство обратило болѣе серьезное вниманіе на рабочій вопрасъ и издало договорный листъ. По обыкновенію, дѣло окончилось неудачею. Договорный листъ, какъ и слѣдовало ожидать, не привился и все осталось по-прежнему. Переяславская земская управа вздумала рѣшить вопросъ по-своему и въ циркулярахъ, разосланныхъ въ 1891 году другимъ земскимъ управамъ, говоритъ слѣдующее:

«Вопросъ объ урегулированіи отхожаго земледѣльческаго движенія, уже давно составляетъ предметъ особаго сужденія, какъ разныхъ правительственныхъ установленій, такъ и многихъ земствъ средней и южной полосы Россіи. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ этомъ и до настоящаго времени не достигнуто никакихъ положительныхъ результатовъ.

Въ прошломъ году, вопросъ этотъ, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, вновь былъ подвергнутъ обсужденію губернскихъ и уѣздныхъ земствъ Полтавской, Курской, Саратовской и Екатеринославской губерній, для указанія сими послѣдними соображеній о томъ, какія могли бы быть приняты мѣры со стороны земства и правительственныхъ установленій, къ упорядоченію движенія рабочихъ партій, отправляющихся на лѣтніе заработки въ степныя губерніи.

По собраннымъ сею управою свѣдѣніямъ, оказывается, что движеніе рабочихъ партій изъ переяславскаго уѣзда въ степныя губерніи изъ года въ годъ увеличивается и уже въ послѣднее время, какъ, напримѣръ, въ 1889 г. достигло довольно солидной цифры—до 6,000 человѣкъ. Въ то же время извѣстно, что многія сотни и даже тысячи людей изъ отправившихся на заработки, вслѣдствіе значительнаго наплыва рабочихъ, или по причинѣ неурожая въ степныхъ губерніяхъ, возвращаются оттуда оборванные и голодные, безъ копѣйки денегъ, утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ на это безцѣльное странствованіе и возможность заработка на мѣстѣ. Отсюда—важность урегулированія рабочаго движенія вообще и для переяславскаго уѣзда въ частности, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Обращаясь къ разрѣшенію настоящаго вопроса, управа находитъ единственно возможнымъ, къ устраненію этого нежелательнаго явленія, установленіе слѣдующаго порядка: во-первыхъ, полученіе и распубликованіе въ средѣ населенія свѣдѣній о видахъ на урожай въ степныхъ губерніяхъ и о количествѣ рабочихъ рукъ, которое могло бы найти себѣ тамъ примѣненіе и, во-вторыхъ, воспрещеніе волостямъ выдавать паспорты въ тѣхъ случаяхъ, когда, по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Новороссіи окажется неурожай».

Это самое простое и вѣрное средство. Переяславская земская управа однимъ махомъ думаетъ разрубить тотъ гордіевъ узелъ, надъ распутаніемъ котораго тщетно задумывается уже нѣсколько лѣтъ вся мыслящая Россія. Не выдавать паспорты—и дѣло въ шляпѣ. Къ сожалѣнію только, земство, такъ просто подошедшее къ вопросу, не объ-

ясняетъ, что оно будетъ дѣлать со всѣми тѣми, которые этимъ способомъ будутъ прикрѣплены, такъ сказать, къ дому. Найдетъ ли оно имъ какое-либо занятіе, или предложитъ сдѣлаться земскими пахлѣбниками. И что будетъ дѣлать вся Полтавская, замѣтьте, одна только Полтавская губернія, въ которой, несмотря на усиленную распашку земель, избытокъ взрослыхъ рабочихъ, не могущихъ примѣнить свой трудъ дома, простирается до колоссальной цифры въ 370,000 душъ *). Да, наконецъ, голоднаго рабочаго не задержитъ отказъ въ выдачѣ паспорта, онъ въ крайнемъ случаѣ уйдетъ и безъ билета. И вотъ тогда начнется усиленная охота за «бродягами» уѣздной полиціи, ихъ будутъ ловить, брать съ работы и отправлять домой по этапу, взыскивая дорожные расходы съ общества. Нечего сказать, хорошая перспектива и переяславское земство очевидно не вѣдаетъ, что творитъ. Что касается до предложенія другимъ управамъ сообщать и телеграфировать свѣдѣнія о видахъ на урожай, то объ этомъ мы можемъ сказать только то: примѣръ запроса днѣпровской земской управы къ своимъ коллегамъ лучше всего показываетъ, что владѣльцы по отношенію къ земствамъ, а земства по отношенію другъ къ другу отличаются полнѣйшимъ невниманіемъ. Кролевецкое уѣздное земское собраніе (Черниговской губ.), для урегулированія движенія рабочихъ въ южныя губерніи, поручило уѣздной управѣ снестись съ надлежащими учрежденіями (т.-е. съ земствами) этихъ губерній и просить ихъ объявить землевладѣльцамъ, чтобы свѣдѣнія о числѣ нужныхъ для ихъ хозяйствъ рабочихъ телеграммами сообщались кролевецкой уѣздной земской управѣ, которая озаботится о распространеніи этихъ свѣдѣній среди мѣстнаго населенія. Даже расходы на телеграммы земство принимало на свой счетъ. И что же, воспользовался кто-либо этимъ предложеніемъ? Ни одинъ владѣлецъ ни откликнулся на предложеніе кролевецкаго земства.

Во всѣхъ этихъ попыткахъ и предложеніяхъ, обращаетъ на себя вниманіе одна маленькая подробность, доказывающая, что большинство земствъ, предлагающихъ свои услуги, не особенно глубоко знакомы съ тѣмъ вопросомъ, за разрѣшеніе котораго такъ смѣло берутся. Это именно срокъ, къ которому они стараются подогнать полученіе ожидаемыхъ отъ земствъ южныхъ губерній свѣдѣній отно-

*) По даннымъ г. Короленко.

сительно урожая и, въ связи съ этимъ, большаго или меньшаго спроса,—разумѣется, въ общихъ чертахъ, на рабочія руки. Срокъ этотъ—первое мая. Предполагается, что на югѣ къ этому времени виды на урожай выясняются съ достаточной ясностью, хотя, какъ мы уже указали раньше и повторимъ еще разъ,—судить объ урожаѣ въ Новороссіи, подверженной болѣе, нежели какая-либо другая часть Россіи, милліону случайностей pro и contra, по тому состоянію полей, въ какомъ они находятся къ указанному времени, значитъ вполнѣ уподобляться тому дурню, который по хохлацкой поговоркѣ «думками богатіе». Мы увѣрены, что эти слова наши подтвердитъ всякій южнорусскій землевладѣлецъ. Но даже, еслибъ это было не такъ, т.-е. еслибы урожай могъ считаться вполнѣ установившимся,—для кого и кому объявляли бы полученныя данныя земскія управы? Разумѣется, рабочимъ, скажетъ читатель, путемъ разсылки въ волостныя и сельскія правленія точныхъ свѣдѣній. Такъ, нужно полагать, думаютъ и земства. Но на самомъ дѣлѣ вся суть въ томъ, что самое главное рабочее массовое движеніе рабочихъ изъ Полтавской, Черниговской и Кіевской губерній (гдѣ земства нѣтъ и о рабочемъ вопросѣ никто до сихъ поръ не говорилъ, на сколько намъ извѣстно, ни слова), являющихся главными поставщиками рабочихъ рукъ въ три степныя губерніи и въ Черноморье,—начинается далеко до 1-го мая. Три четверти выходящихъ вообще на югъ рабочихъ уходятъ изъ дому во второй половинѣ апрѣля *), спѣша не опоздать въ Каховку на никольскую, а отсюда, буде понадобится, въ Херсонъ на троицкую ярмарку, являющіяся двумя главнѣйшими рабочими рынками на югѣ. Представимъ себѣ, что какое-нибудь,—ну, хотя бы тоже переяславское земство, проектирующее насильное задержаніе рабочихъ дома, путемъ невыдачи паспортовъ, получило бы вдругъ (что тоже, при существую-

*) А изъ остальной четверти добрая половина, именно тѣ, которые, какъ мы указали выше, имѣютъ возможность пользоваться услугами желѣзныхъ дорогъ и спѣшатъ ко времени начала яровыхъ посѣвовъ, уходитъ на югъ еще въ концѣ февраля и началѣ марта, причемъ всѣ поголовно остаются на мѣстѣ до Покрова и ни одна душа не возвращается къ лѣту домой. Да иначе какой же бы смыслъ имѣло это путешествіе, на два мѣсяца очень скудно оплачиваемаго весенняго труда? Вѣдь главная цѣль такого рабочаго—заручиться мѣстомъ на лѣто, а на весенній заработокъ онъ смотритъ только какъ на средство покрыть дорожные расходы.

щихъ порядкахъ, является вещью очень сомнительною) всѣ просимыя имъ свѣдѣнія и немедленно разослало бы ихъ по волостямъ; кто же бы читалъ ихъ и сообразовался съ ними? Развѣ только мухи, да вѣчно полупьяные волостные писаря, такъ какъ тѣ, для кого эти свѣдѣнія предназначаются, давно были бы въ пути и, конечно, не возвратились бы обратно, чтобъ ознакомиться съ содержаніемъ земскихъ бюллетеней.

Здѣсь не лишне будетъ привести образчикъ тѣхъ вожделѣній, которыя преслѣдуются извѣстною частью землевладѣльцевъ, подъ вліяніемъ криковъ и жалобъ которыхъ, о сельскохозяйственномъ рабочемъ сложилось понятіе, какъ о какомъ-то каторжникѣ, разбойникѣ и ворѣ. Приводимъ этотъ эпизодъ въ томъ видѣ, какъ онъ появился на страницахъ южной прессы. «Въ послѣднемъ очередномъ елизаветградскомъ земскомъ собраніи, сообщалъ корреспондентъ этой газеты, вопросъ объ урегулированіи отношеній между работодателями и рабочими вызвалъ очень оживленныя и любопытныя сужденія. Говоримъ — любопытныя, потому что сужденія одного изъ гласныхъ точно продиктованы желаніемъ воскресить отжившее, давно сданное въ архивъ... Такъ гласный Диковъ, находя, что законъ 1882 г. о наймѣ рабочихъ слишкомъ мягокъ по отношенію къ нанимающимся и нисколько не гарантируетъ нанимателя отъ матеріальныхъ потерь, возставалъ противъ мягкости этихъ законовъ и требовалъ, во-первыхъ, чтобы издано было правило, по которому наниматель не долженъ держать рабочаго безъ билета. Иначе говоря, г. Диковъ своими билетами желаетъ затруднить передвиженіе рабочихъ. Затѣмъ г. Диковъ требуетъ, чтобы въ случаѣ самовольнаго ухода рабочаго, объ этомъ сообщалось въ то учрежденіе, которое выдало ему билетъ. Если же по истеченіи трехъ дней рабочій не возвратится къ хозяину, то ослушавшійся рабочій доставляется къ нанимателю по этапу и обязанъ за каждый прогульный день отслужить четыре дня и т. д. Послѣ этого г. Дикову остается, въ самомъ дѣлѣ, пожелать, чтобы рабочихъ, подъ сильнымъ конвоемъ выводили на работу и, въ случаѣ отказа рабочаго отъ работы, употреблять шпицрутены, а въ случаѣ надобности и штыки. Какъ и слѣдовало ожидать, соблазнительное предложеніе г. Дикова встрѣтило протестъ со стороны

*) „Одесскій Вѣстникъ“.

предсѣдателя херсонской губернской земской управы, который указалъ, что, напротивъ, рабочіе *ничѣмъ не гарантированы отъ злоупотребленій хозяевъ*, что ходатайствовать объ обязательности рабочихъ листовъ не слѣдуетъ еще потому, что правительство наше озабочено въ настоящее время облегченіемъ для населенія тягости паспортной системы, а г. Диковъ желаетъ заставить рабочаго не переступать порога своего собственнаго дома безъ билета. Далѣе предсѣдатель губернской управы указалъ на то важное обстоятельство, что рабочіе *не имѣютъ ни малѣйшей возможности выиграть процессъ*, потому что наниматель имѣетъ полную возможность переносить дѣло отъ судьи въ съѣздъ, а оттуда въ сенатъ; рабочій же лишенъ на это необходимыхъ средствъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если рабочій, не желая терять времени въ самую горячую пору, не дожидается суда и уходитъ на работу. Этотъ отвѣтъ умѣрилъ немного пылъ г. Дикова и его единомышленниковъ, выяснивъ имъ, по отношенію къ кому законъ 1882 г. о наймѣ рабочихъ является мягкимъ. Конечно, вожделѣнія г. Дикова остались бы только въ области мечтаній, его проектъ о драконовскихъ законахъ для рабочихъ остался бы въ сферѣ его собственныхъ соображеній, но нельзя не отмѣтить попытки г. Дикова, потому что она ярко характеризуетъ тенденцію, которая руководитъ многими землевладѣльцами».

Подводя итоги всему, что дѣлали и старались дѣлать различныя губернскія и уѣздныя земства по интересующему насъ вопросу, мы приходимъ къ очень печальному заключенію. За десять лѣтъ дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ, а все ограничилось одними болѣе или менѣе краснорѣчивыми разговорами. Правительство сдѣлало одну попытку къ урегулированію отношеній между работодателями и рабочими, изданіемъ рабочихъ книжекъ, которыя сразу не привились и притомъ у обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ *). Земства пере-

*) Рабочіе просили ихъ избавить отъ этихъ книжекъ, боясь и избѣгая вообще всякихъ письменныхъ договоровъ, которые для нихъ кончались почти всегда крайне печально, такъ какъ, вслѣдствіе ихъ безграмотности и непониманія различныхъ юридическихъ тонкостей, ихъ окручивали различными чудовищными обязательствами и неустойками самымъ лучшимъ образомъ. Владѣльцы тоже отнеслись къ книжкамъ совершенно индифферентно. Нѣкоторые завели было ихъ, но скоро забросили. Между прочимъ, намъ приходилось слышать отъ владѣльцевъ, будто рабочіе сильно злоупотребляли книжками слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ найма, взявши рубля два—три денегъ, они являлись въ

писывались, списывались, но такъ какъ во всемъ этомъ не было ни малѣйшей солидарности и каждое работало за свой счетъ, каждое своимъ умомъ хотѣло выдумать порохъ, то, конечно, ничего путнаго нельзя было и ожидать отъ этихъ своеобразныхъ «пробъ пера». Самое главное — точное изученіе этого вопроса на мѣстѣ, каждымъ у себя дома, совершенно игнорировалось, а всѣ умозаключенія и предложенія строились апріорно. Не мало способствовали этому сами хозяева, которые, не переставая вопить о своихъ попираемыхъ правахъ и о своемъ «угнетенномъ» положеніи, на просьбы своихъ земскихъ управъ дать болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, отдѣлывались молчаніемъ. Въ земскихъ собраніяхъ рисовались тенденціозныя и мрачныя, далекія отъ истины картины, какъ мы это видимъ по докладу елизаветградской земской управы, вырабатывались проекты вродѣ пресловутаго переяславскаго «насильнаго держанія» путемъ невыдачи паспортовъ, или же сообщались чисто-таки калифорнскія цѣны на трудъ, существующія только въ пылкой фантазіи дѣятелей тимскаго земства и поневолѣ заставлявшія лицъ заинтересованныхъ опустить руки. Посмотримъ, что говорили по этому поводу частные люди.

VIII.

Трудно сказать, кому слѣдуетъ отдать пальму первенства въ дѣлѣ составленія всевозможныхъ проектовъ объ урегулированіи рабочаго вопроса. Цѣлыми тысячами появлялись они каждую весну, чтобы

контору и заявляли, что утеряли книжку. Имъ выдавали новую, въ которую и записывались дальнѣйшіе заборы. Прослуживши мѣсяца два и выбравши постепенно все свое жалованье за прослуженное время, они бросали экономію и предъявляли къ владѣльцу иски, требуя будто бы неполученныя деньги и предъявляя въ судъ не вторую настоящую, а первую книжку, которая вовсе не была утеряна, а только припрятана. Были, будто бы, случаи, что по приговорамъ судей претензіи рабочихъ были признаваемы основательными и владѣльцамъ приходилось платиться вдвойнѣ. Мы нарочно два раза употребили слово „будто-бы“. Еслибы подобные случаи и имѣли дѣйствительно мѣсто, то вѣдь не такъ же уже просты владѣльцы, чтобы не найти изъ нихъ выхода. Для этого стоило только на выдаваемой вторично книжкѣ написать пару словъ, что это дубликатъ, выдаваемый вслѣдствіе потери первой книжки, которая должна считаться недѣйствительною. Что можетъ быть проще этого? Да наконецъ желали бы мы видѣть хозяина, который даетъ рабочему *впередъ* деньги (не считая рублевыхъ задатковъ), у котораго рабочій въ переборѣ?

осенью быть брошенными въ лету. Между ними попадались такіе, которые прямо заставляли подозрѣвать въ авторахъ кандидатовъ въ сумашедшій домъ. Объяснялось это тѣмъ, что за дѣло брались люди, буквально-таки не имѣвшіе понятія о немъ, знакомые съ рабочимъ вопросомъ только по тѣмъ поденщикамъ, которые въ городѣ пилятъ дрова и возятъ мусоръ. Но вопросъ оказался моднымъ и всѣ хватались за него. Разбирать всѣ эти изобрѣтенія «россійскихъ Ньютоновъ», было бы чисто сизифовой работой. Останавливаться на нихъ тоже не стóитъ, такъ какъ всѣ они сдѣлались добычею мышей, да и не заслуживали лучшей участи. Несмотря на всѣ неудачи, прожектеры не унываютъ и съ каждымъ годомъ ихъ полку прибываетъ. Сначала въ нихъ хотя не много, но все-таки вѣрили, все смотрѣли, съ какого востока придетъ спасеніе, потомъ надъ ними смѣялись, теперь просто не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Нѣсколько времени тому написалъ свой проектъ и бывшій управляющій лозово-севастопольской желѣзною дорогою, инженеръ Баталинъ. Этому посчастливилось больше, чѣмъ другимъ. Его проектъ «прогремѣлъ», на него обратили вниманіе въ административныхъ сферахъ, подхватила печать, начали обсуждать земства. Казалось, г. Баталинъ сказалъ новое слово, отыскалъ то «нѣчто», надъ разрѣшеніемъ котораго такъ долго и такъ тщетно бились всѣ и все. Люди, стоящіе ближе къ жизни, указывали тогда же на все несоотвѣтствіе мѣръ, предлагаемыхъ г. Баталинымъ, но ихъ не слушали. И что же? Прошелъ годъ, первое общее впечатлѣніе улеглось и уступило мѣсто критическому детальному обсужденію и оказалось, дѣйствительно, что всѣ кабинетныя измышленія г. Баталина не болѣе, какъ пустой пуфъ, очень красивый на бумагѣ, но въ которомъ забыто самое главное, какъ пѣли севастопольцы, «овраги».

Мы здѣсь не будемъ останавливаться подробно на этомъ проектѣ, благо, кажется, теперь онъ совершенно сданъ въ архивъ. Но напомнить въ нѣсколькихъ словахъ сущность его—не мѣшаетъ, хотя бы въ виду того шума, который онъ произвелъ при своемъ появленіи въ свѣтъ. Проектъ г. Баталина былъ основанъ на трехъ главныхъ началахъ: 1) надо признать желѣзно-дорожныя станціи главными пунктами найма рабочихъ; 2) станціонный персоналъ служащихъ долженъ принять на себя коммиссіонерскія обязанности, являясь нанимателями рабочихъ по требованію частныхъ лицъ и собирателями свѣдѣній о цѣнахъ на трудъ, въ районѣ ихъ станцій, и 3) учредить

въ Москвѣ, этомъ узлѣ всѣхъ телеграфныхъ проводовъ Россіи, правительственное бюро, куда стекались бы свѣдѣнія о цѣнахъ на различныя полевыя работы, изо всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ, и изъ котораго потомъ всѣ эти свѣдѣнія разсылались бы въ видѣ печатныхъ бюллетеней, по всѣмъ учрежденіямъ и на станціи желѣзныхъ дорогъ. Вотъ тѣ три кита, на которыхъ построилъ г. Баталинъ свое хрупкое зданіе урегулированія рабочаго вопроса. Возьмемъ основное положеніе этого проекта: прежде всего кажется нѣсколько страннымъ привлеченіе къ этому дѣлу агентовъ желѣзно-дорожной службы. Наша желѣзнодорожная администрація такъ плохо исполняетъ свои прямыя обязанности, что навязывать ей еще одно дѣло, совершенно ей чуждое, было бы просто однимъ лишь толченіемъ воды въ ступѣ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, ждать отъ начальника станціи особеннаго вниманія и усердія въ виду лишь того, что, если ему удастся успѣшно совершить операцію по найму рабочихъ, то онъ получитъ нѣсколько рублей коммиссіонныхъ, между тѣмъ какъ до окончательнаго разсчета съ нанимателемъ, ему придется вести цѣлую переписку и не мало потрудиться. Далѣе, проектъ г. Баталина имѣетъ въ виду рабочихъ, отправляющихся на поиски за работой по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Ну, а какъ же быть съ партіями тѣхъ рабочихъ, которые отправляются на поиски за работой по проселочнымъ дорогамъ? А такихъ гораздо больше; можно съ увѣренностью сказать, что 90% отхожихъ рабочихъ не ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, а идутъ пѣшкомъ. Рабочіе, свободные отъ найма, отправляющіеся искать работъ, и не помышляютъ о желѣзнодорожномъ передвиженіи, во-первыхъ потому, что это дорого стоитъ, а во-вторыхъ потому, что они отправляются безъ заранѣе намѣченныхъ пунктовъ, безъ увѣренности, что въ данномъ мѣстѣ они найдутъ работу. Каждая мѣстность тѣхъ южныхъ и юго-западныхъ губерній, которыя прибѣгаютъ къ пришлымъ рабочимъ, имѣетъ свои пункты, большею частью торговыя мѣстечки и села, куда на базары въ воскресные и праздничные дни стекаются рабочіе и наниматели. На этихъ базарахъ, въ лѣтнее рабочее время, рабочіе берутся зачастую на небольшіе сроки, самое большее на недѣлю, а черезъ недѣлю наниматель мѣняетъ рабочихъ,—потому ли, что они оказались для него непригодными, дорогими (цѣны тоже неустойчивы въ лѣтнее время и измѣняются часто, съ каждымъ наступающимъ базарнымъ днемъ), или же потому, что сами рабочіе оставляютъ его,

по тѣмъ или другимъ причинамъ. Такъ или иначе, но, повторяемъ, рабочіе, отправляющіеся въ поиски за работой, очень мало ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ и, такимъ образомъ, вопросъ о наймѣ рабочихъ черезъ посредство начальниковъ станцій, самъ собою падаетъ и является вопросомъ совершенно праздным, не имѣющимъ подъ собой реальной почвы. Мыслимо развѣ только участіе начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій въ дѣлѣ найма рабочихъ въ селахъ и деревняхъ, прилегающихъ къ станціи. Но для этого пришлось бы названному желѣзнодорожному агенту оставить свое дѣло и отправляться по этимъ селамъ и деревнямъ для найма рабочихъ и выполненія заказа, сдѣланнаго помѣщикомъ-нанимателемъ по телеграфу. Далѣе, допустимъ на минуту, что рабочіе вызваны на станцію по телеграфу, какъ это тоже предполагается въ проектѣ г. Баталина. Допустимъ, что данный начальникъ станціи получилъ нѣсколько заказовъ отъ землевладѣльцевъ, изъ коихъ видно, что въ общемъ ему понадобится, положимъ, 200—300 рабочихъ, которыхъ ему и удалось нанять, частью прибывшихъ на станцію, а частью посредствомъ вызова по телеграфу, положимъ, изъ Полтавской губерніи. Рабочіе не видѣли нанимателя, наниматель ихъ не видалъ; начальникъ станціи подписалъ съ ними контрактъ и отправилъ ихъ на мѣсто. И вотъ, прійдя на мѣсто работъ, они на другой день находятъ условія найма для себя не подходящими, или наниматель нашелъ самихъ рабочихъ непригодными. Что же тогда? Правда, проектъ г. Баталина трактуетъ о правѣ начальниковъ станцій сортировать рабочихъ, отдѣлять годныхъ отъ непригодныхъ. Но, спрашивается, что за экспертъ такой начальникъ станціи въ вопросахъ годности или непригодности даннаго рабочаго? Вѣдь этого вопроса не можетъ рѣшить самый опытный хозяинъ. Такихъ несообразностей въ проектѣ г. Баталина масса и нужно только удивляться, какъ это ему придали такъ много значенія, что онъ даже обсуждался въ вольно-экономическомъ обществѣ. Одна мысль, по мнѣнію многихъ, въ немъ только есть практически-полезная, это—мысль объ учрежденіи центральнаго бюро; но эту мысль проектируютъ и земства. Что касается насъ, то мы на дѣло смотримъ иначе. «Мы думаемъ, писали въ газетѣ «Приаз. Кр.», что даже проектъ земствъ очень труденъ къ осуществленію».

Въ собраніи Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, статистикъ херсонскаго земства, Бориневичъ, провелъ, по

поводу измышленій г. Баталина, обширную записку, въ которой тоже указывалъ на многія несообразности проекта. Между прочимъ, говоритъ онъ, у г. Баталина дѣло снабженія юга рабочими связано со станціями желѣзныхъ дорогъ, слѣдовательно совершенно упущены изъ вида мѣстности, лежащія далеко отъ желѣзной дороги (а такихъ мѣстностей, добавимъ отъ себя, особенно много именно въ губерніяхъ, посылающихъ на югъ избытокъ рабочихъ рукъ (Кіевская, Полтавская и Черниговская) и нуждающихся въ нихъ (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская). На-ряду съ этимъ, подвергается большему сомнѣнію даже при самомъ добросовѣстномъ желаніи со стороны начальниковъ станцій точно узнавать цѣны на рабочія руки, такъ какъ вблизи станціи онѣ могутъ быть одними, а верстъ за 30—40 совершенно другими. А ежедневныя колебанія, которыя могутъ породить всякія недоразумѣнія,—кто будетъ за нихъ отвѣчать? И не приметъ ли отъ этого «вопросъ» еще болѣе острую форму, отрицательная сторона которой раньше всего и прежде всего отразится на новоявленныхъ коммиссіонерахъ? Что касается до мысли сосредоточія рабочихъ бюллютеней въ Москвѣ, то неудачность этого плана врядъ ли требуетъ большихъ объясненій. Положимъ, въ Москву всѣ свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи, о цѣнахъ на рабочія руки, будутъ получаться по телеграфу своевременно и бюро будетъ постоянно au courant дѣла. Но отсюда эти данныя расползутся по волостнымъ правленіямъ черепахами, сначала по общей, потомъ по земской или сельской почтѣ, а кто знакомъ съ быстротой и удобствами этого способа передвиженія, тотъ знаетъ, что московскій бюллетень явится въ волостное правленіе, по крайней мѣрѣ черезъ двѣ недѣли со дня своего выѣзда. Несомнѣнно, что всѣ напечатанныя въ немъ данныя, за такой длинный антрактъ, примутъ другое, можетъ-быть совершенно противоположное, направленіе. Въ такомъ случаѣ самымъ желательнымъ явится, если по отношенію къ нему волостное начальство примѣнитъ свое любимое распоряженіе—«пріобщить къ дѣлу», т.-е. бросить подъ столъ, а ну если оно вывѣситъ его? И если рабочіе дѣйствительно будутъ сообразоваться въ своемъ движеніи съ этими запоздалыми данными, что тогда выйдетъ? Объ этомъ, право, стоитъ подумать. Въ pendant къ проекту г. Баталина, херсонцы выдвигали проектъ какого-то «своего» помѣщика г. Мержанова, который предлагалъ всю агентуру по дѣлу снабженія рабочими сосредоточивать въ мѣстныхъ земскихъ и поли-

цейскихъ органахъ. Выходило по пословицѣ: «тѣхъ же щей да пожиже влей». И проектъ г. Баталина, и проектъ г. Мержанова, и тысячи проектовъ другихъ лицъ по этому же самому вопросу, въ результатѣ сыграли одну и ту же роль, не внеся ничего новаго въ одинъ изъ наиболѣе «проклятыхъ вопросовъ" современнаго русскаго хозяйства и, только нашумѣвши, исчезли безъ слѣда, подобно шумихамъ.

IX.

Заговоривши о различныхъ предложенныхъ мѣрахъ, касающихся урегулированія рабочаго вопроса, мы, собственно говоря, уклонились отъ прямой цѣли нашей задачи—дать болѣе или менѣе точную картину настоящаго положенія пришлаго рабочаго въ Новороссіи и показать различныя перипетіи жизни «въ наймахъ». Постараемся дополнить то, что сказано нами раньше по этому поводу, причемъ просимъ читателей извинить насъ за нѣкоторую непослѣдовательность нашихъ очерковъ.

Итакъ, главный контингентъ пришлыхъ рабочихъ—это сроковые, нанимающіеся съ 9-го мая по 1-е октября и отчасти, въ незначительномъ количествѣ, до «Сэмэна» (1-го сентября) и до «Маковія» (1-го августа). Остающіеся на зиму нанимаются съ 1-го октября по 9-ое мая, хотя, разумѣется, зимнія работы требуютъ ограниченнаго числа рабочихъ и потребность эта выражается въ экономіяхъ въ 15—20% лѣтней цифры рабочихъ. На годъ сразу рабочихъ нанимается очень незначительное количество, (особенно съ 1-го октября, когда о будущемъ урожаѣ и связанныхъ съ нимъ цѣнахъ ровно ничего сказать нельзя), и то больше изъ числа людей, имѣющихъ какую-либо опредѣленную спеціальность, которая оплачивается по установившейся нормѣ, подвергаясь лишь незначительнымъ колебаніямъ. Но, лѣтъ двадцать тому назадъ, условія найма были во многихъ отношеніяхъ далеко различны отъ нынѣшнихъ. Тогда большую роль играли такъ-называемые «заборные». Дѣло въ томъ, что въ то время отсутствія такихъ путей сообщенія, какія имѣются теперь, рабочіе выходили всѣ изъ дому почти въ одно время, въ какое выходитъ и теперь огромное большинство, отправляющееся на ярмарки. Между тѣмъ, въ хозяйствахъ, особенно крупныхъ, съ открытіемъ сезона полевыхъ работъ ощущался сильный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. И вотъ, для по-

полненія этого недостатка, обыкновенно въ февралѣ мѣсяцѣ, въ нѣкоторыя губерніи, преимущественно въ Полтавскую, отправлялись прикащики различныхъ экономій, для привода заборныхъ. Иногда совершали свои путешествія и «панычи»—не столько съ хозяйственными цѣлями, сколько изъ желанія пожуировать «на лонѣ природы» и погулять на «досвиткахъ и вечерыцяхъ», которыя всегда носятъ для молодежи такой заманчивый характеръ. Тутъ уже при наймѣ господствовали совершенно другія основанія и, ежели теперь на рабочихъ рынкахъ Новороссіи главную роль при установленіи платы играетъ всесильный законъ спроса и предложенія, то для заборныхъ онъ имѣлъ очень немного значенія. Здѣсь вся суть заключалась въ экономическомъ положеніи нанимающагося или, вѣрнѣе сказать, нанимаемаго сравнительно часто противъ собственнаго желанія, все остальное было вещью второстепенною. Пріѣхавшій прикащикъ прежде всего старался войти въ дружескія сношенія со старшиною, писаремъ и, первымъ дѣломъ, «подмазывалъ начальство». Тогда это начальство открывало передъ нимъ «книгу бытія» деревенскаго жителя и, сообразуясь съ показаніями этой книги, намѣчались главнымъ образомъ тѣ Петры и Иваны, которые стояли въ графѣ самыхъ неисправныхъ недоимщиковъ. Съ этими всегда легче было ладить, особенно на счетъ цѣны. Если такой Петро или Иванъ выказывали поползновеніе артачиться, а иногда даже вовсе не изъявляли желанія идти на заработки, то тутъ появлялось на сцену благодѣтельное начальство и начинало грозить и просить, напирая преимущественно на безнадежность погашенія недоимки путемъ домашнихъ заработковъ. Такимъ образомъ, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, подбиралась всегда нужная партія въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и притомъ, замѣтьте, нанятыхъ всегда по минимальнымъ цѣнамъ. При наймѣ заборныхъ совершались письменныя условія и договоры (чего при обыкновенномъ, господствующемъ теперь наймѣ почти нѣтъ), что отчасти обусловливалось выдачею довольно крупныхъ задатковъ. Разумѣется, наниматели охотно отдѣлывались бы обычнымъ рублемъ, но тутъ приходилось уже торговаться не только съ рабочими, но и съ начальствомъ, которое просило давать больше денегъ впередъ, преслѣдуя свою цѣль, т.-е. зачетъ извѣстной части задаточной суммы въ погашеніе недоимокъ и различныхъ платежей. Со своей стороны, волостное начальство обѣщало смотрѣть за заборными до ихъ выхода. Въ концѣ концовъ эти сдѣлки, несмотря на кажущуюся вы-

году, т.-е. болѣе дешевую плату, оказывались самыми невыгодными. Часто не всѣ заборные приходили на мѣсто, нѣкоторые преспокойно оставались дома,—оставались потому, что просто не могли выбраться по различнымъ причинамъ, большею частью вполнѣ уважительнаго свойства. Полученные ими задатки пропадали, хотя экономіи предъявляли иски и получали исполнительные листы, но «съ голаго, какъ со святого». Нѣкоторые являлись и, попадая подъ урожайный годъ и видя, что другіе получаютъ плату, чуть ли не въ два раза большую, бросали владѣльцевъ, уходили дальше, полиція ловила ихъ какъ безпаспортныхъ (тогда еще не было кажется закона, который запрещаетъ удерживать хозяину паспортъ уходящаго рабочаго) и водворяла на мѣсто, но они снова уходили,—и подобныя исторіи повторялись сплошь и рядомъ, изъ года въ годъ, къ обоюдной невыгодѣ обѣихъ сторонъ. Въ настоящее время обычай нанимать «заборныхъ» почти совершенно исчезъ въ Новороссіи—и къ лучшему. Но во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ хозяйства обходятся мѣстными рабочими руками, въ большомъ ходу нѣчто вродѣ этого—наемка рабочихъ съ зимы на лѣтнія работы, съ опредѣленіемъ впередъ платы и съ выдачею задатковъ. Мы внимательно слѣдили за отвѣтами хозяевъ—корреспондентовъ департамента земледѣлія и сельской промышленности, напечатанными разновременно въ сборникахъ этого департамента и видѣли, что вездѣ, за самыми малыми исключеніями, практикуется вышеуказанный способъ найма. А на ряду съ этимъ, раздаются безконечныя жалобы на неаккуратное исполненіе рабочими принятыхъ зимою обязательствъ. Старая какъ міръ исторія. Когда зима, съ ея голодухою, придавитъ крестьянина, то онъ соглашается на всѣ тѣ «божескія» условія будущаго отработка, которыя диктуетъ ему хозяинъ, — перспектива полученія задатка въ нѣсколько рублей оттѣсняетъ все остальное на второй планъ. Но вотъ прошла зима, прошла нужда, и рабочій видитъ, что его сосѣдъ, не запродавшій свой трудъ съ зимы, получаетъ за такой же трудъ вдвое больше. Можно ли его безусловно винить, если онъ дѣлаетъ попытку освободиться отъ такой кабалы, въ которую онъ попалъ въ минуту вопіющей нужды,—если онъ видитъ, что сосѣдъ зарабатываетъ столько, что на слѣдующее лѣто снова можетъ продать свой трудъ тому, кто ему дастъ дороже, а ему опять придется обращаться за помощью къ благодѣтелямъ? Пусть осуждаетъ, кто можетъ.

Система найма на лѣтнія работы съ зимы, съ выдачею задатковъ и осо-

бенно съ назначеніемъ произвольной платы за лѣтнія работы, должна быть признана совершенно несостоятельною. Пока она будетъ существовать, будутъ существовать и тѣ безчисленныя, болѣе или менѣе крупныя недоразумѣнія, которыя происходятъ благодаря ей теперь. Намъ кажется весьма страннымъ предложеніе г. Финка, который высказалъ такую святую истину, что въ отношеніяхъ хозяина и рабочихъ первымъ правиломъ слѣдуетъ поставить принципъ: primo non nocere. Г. Финкъ предлагаетъ, какъ радикальную мѣру, возстановленіе наемки заборныхъ, на нѣсколько, впрочемъ, иныхъ основаніяхъ. Роль экономическихъ прикащиковъ, какъ ему кажется, съ большимъ успѣхомъ могутъ исполнить агрономическіе смотрители, введенные, впрочемъ, еще въ очень немногихъ губерніяхъ. Нужно землевладѣльцамъ войти въ соглашеніе съ земскою управою и заблаговременно сообщить ей, сколько каждой экономіи нужно рабочихъ, причемъ приложить необходимые задатки. Заручившись такими, такъ сказать, заказами, управа командируетъ въ ту или другую мѣстность агрономическаго смотрителя, или другого своего агента и онъ на мѣстѣ найметъ нужное число рабочихъ и доставитъ ихъ въ экономіи, сдѣлавъ съ рабочими формальныя условія, даже за круговою ихъ другъ за друга порукою. Агрономическіе смотрители, видите ли, съ осени до самой весны совершенно свободны и въ это время могутъ быть употреблены, какъ агенты по доставкѣ рабочихъ. Что же касается расходовъ на разъѣзды ихъ, то они такъ малы, въ сравненіи съ тою пользою (?), какая принесется, что о нихъ не стоитъ и говорить. Г. Финкъ, предлагающій эту мѣру,—говоритъ самъ, что его идея ничего новаго не представляетъ. Это совершенно справедливо, такъ же, какъ и то, что негодность и полнѣйшая несостоятельность ея давно уже доказана путемъ опыта и практики.

Если типъ заборнаго рабочаго исчезъ уже довольно давно, то въ настоящее время, на нашихъ глазахъ, исчезаетъ типъ рабочаго, приходящаго на югъ исключительно «на поденщину». Поденщина отходитъ въ область преданія въ Новороссіи, главнымъ образомъ въ Тавріи, но она еще держится въ Черноморьѣ, преимущественно въ Кубанской области, гдѣ хлѣбопашество за послѣднее пятилѣтіе развилось необычайно. Но прежде всего надо познакомить читателя, что подразумѣвается подъ словомъ «поденщина». Это вовсе не значитъ, если производить понятіе непосредственно отъ прямаго значенія слова,—поденная работа. Нѣтъ, это, вѣрнѣе сказать, издѣльная работа. Въ то

время, какъ контингентъ сроковыхъ и годовыхъ рабочихъ пополняется всѣми возрастами, отъ 13-ти до 60-лѣтняго, артели, собирающіяся идти на поденщину, составляются исключительно изъ людей взрослыхъ—«косарей» и притомъ приблизительно одинаковой силы. Огромное большинство этихъ артелей состояло изъ малороссовъ, преимущественно изъ однодеревенцевъ, собиравшихся въ одну компанію еще дома. Такая партія, отъ шести до двадцати душъ, обязательно обзаводилась повозкою, харчей бралось гораздо больше, нежели берется ихъ идущими стать на срокъ. Трогались большею частью такъ, чтобы попасть на каховскую ярмарку, гдѣ концентрируются слухи о положеніи урожая въ большей половинѣ Новороссіи и Черноморья. Меньшинство подходило позже, во второй половинѣ мая и даже въ іюнѣ—къ уборкѣ хлѣба. Ежели весна случалась ранняя и дружная, при благопріятныхъ условіяхъ, то артели, пришедшія на «поденщину», находили себѣ дѣло прямо съ ярмарки, такъ какъ, при вышеуказанныхъ условіяхъ, травы въ Тавріи вызрѣваютъ рано и сѣнокосъ начинается уже въ первыхъ числахъ мая. Собравшіеся владѣльцы договаривали артели тутъ же въ Каховкѣ, «дѣлали цѣну» и тѣ отправлялись на уборку травы прямо отсюда. Мы помнимъ, что въ такіе годы полнаго урожая, какой былъ въ 1888 году, всѣ артели поденщиковъ, поспѣвшія къ ярмаркѣ, были разобраны въ самое короткое время, по небывало высокимъ цѣнамъ,—платили до шестнадцати рублей за уборку круга (10.000 кв. саженъ, т.-е. немного больше 4 десятинъ) травы. Мало этого, когда договоренныя уже партіи, получивъ задатки и отдавши по нѣсколько паспортовъ, вытянулись по крымской дорогѣ, то ихъ на каждомъ шагу останавливали съ разными заманчивыми предложеніями, предлагая болѣе высокую плату, отличныя харчи и убѣждая плюнуть на принятыя уже обязательства. Соблазнъ былъ великъ и многія артели не устояли. Теперь, ежели насъ посѣтитъ еще болѣе колоссальный урожай, нежели былъ тогда, подобная исторія не повторится. И главною причиной этого является небывалое распространеніе жатвенныхъ и косильныхъ машинъ, послужившихъ рычагомъ не только урегулированія платы за трудъ, которая не сходитъ теперь почти съ установившейся нормы, но и согнавшихъ, въ какія-нибудь пять лѣтъ почти совершенно громадныя прежде артели поденщиковъ съ лица Тавріи. Отдѣльныя небольшія партіи ихъ еще находятъ работу въ пригорной полосѣ

Крыма, гдѣ волнообразная, каменистая мѣстность не позволяетъ правильно работать машинами, но это лишь жалкіе остатки того, что было; что же касается степной части, то увидѣть тамъ теперь ниву хлѣба или полосу сѣнокоса, убранныя ручною работой — косою или серпомъ, составляетъ такую же рѣдкость, какую составляла десять лѣтъ тому назадъ въ этихъ же степяхъ жетвенная машина. Исторія распространенія этихъ машинъ настолько интересна и поучительна и притомъ настолько тѣсно и непосредственно связана съ рабочимъ вопросомъ, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Вѣроятно всѣ наши хозяева знакомы съ тою эпохой увлеченія машиннымъ трудомъ, которая наступила въ Россіи почти сейчасъ же послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Одни пережили ее лично, другіе знаютъ по талантливымъ очеркамъ, посвященнымъ этому времени авторомъ «Оскудѣнія» Сергѣемъ Атавою и другими. Русскіе баре, выросшіе на даровомъ трудѣ, знакомые съ хозяйствомъ настолько, насколько посвящали ихъ въ этотъ предметъ разные бурмистры и управляющіе, въ огромномъ большинствѣ «ржанаго отъ ячменнаго не могшіе отличить колоса», потерявши даровыя рабочія руки, вздумали замѣнить ихъ англійскими машинами. Сколько было тутъ увлеченій и сколько горькихъ разочарованій, объ этомъ повторять теперь ни приходится. По добродушію и непрактичности славянской натуры предполагалось, что машины будутъ сами производить всѣ работы и вполнѣ замѣнятъ собою «зазнавшихся хамовъ». Финалъ этой исторіи произошелъ гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Черезъ годъ всѣ хитрыя изобрѣтенія англійской индустріи уже валялись подъ сараями и у кузницъ, въ самомъ жалкомъ, искалѣченномъ видѣ, а потраченныя на нихъ огромныя деньги, сразу же и плотно легли первымъ долгомъ на многочисленныя Осиновки и Гавриловки. Пришлось снова обратиться къ роднымъ косѣ и серпу, которыми съ поконъ вѣка орудовалъ «зазнавшійся хамъ», а относительно машинъ, какъ быстро восторгались вначалѣ ихъ эфемерной пользою, такъ быстро же рѣшили, что англичане никуда не годятся и машины свои выдумываютъ просто съ цѣлью дурить добрыхъ людей. Никто не хотѣлъ догадаться, что машины хороши только въ опытныхъ рукахъ и что нельзя дать комбинированную жнею какого-нибудь Маккормика или Андріаса доморощенному кузнецу Вавилѣ,

знакомому только съ молоткомъ и буравомъ. Такъ было въ Россіи и, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ условія хозяйства и взгляды на него совершенно измѣнились, подъ вліяніемъ ли перваго массоваго опыта, окончившагося полнѣйшею неудачей, или въ силу другихъ причинъ, только распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ тамъ прогрессируетъ и въ настоящее время черепашьими шагами. Совсѣмъ не такъ рѣшенъ былъ этотъ вопросъ въ Новороссіи. Въ то время, какъ во внутреннія губерніи прибывали цѣлые транспорты различныхъ машинъ, Новороссія совершенно не нуждалась въ нихъ. Хлѣбопашествомъ она почти совершенно не занималась, продавала свою шерсть и продукты скотоводства, а въ силу почти незнанія крѣпостнаго права, и понятія ея о «зазнавшемся хамѣ» были очень слабы, да и самое это слово вовсе не являлось въ свободолюбивыхъ степяхъ такимъ жупеломъ, какимъ считали его въ первое время послѣ воли россійскіе дворяне. Но вотъ пробѣжала къ морю желѣзная дорога и посѣвы, виднѣвшіеся раньше кое-гдѣ ничтожными лоскутками, вдругъ начали выростать въ громадныя площади и затѣмъ, какъ мы уже говорили выше стали принимать грандіозные размѣры. Несмотря на десятки тысячъ являвшихся рабочихъ, многія нивы перестаивали и немалая часть урожая осыпалась и погибала совершенно непроизводительно. Съ другой стороны, въ тѣ времена (до 1889 года включительно) плата за уборку травы и хлѣба стояла, дѣйствительно, при урожаѣ громадная, такъ какъ хозяева не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы не перепустить свой хлѣбъ. Особенно сильно это сказывалось въ Крыму.

Въ 1884 году намъ самимъ приходилось платить по 16—17 рублей за уборку десятины пшеницы,—плата, которая кажется теперь анахронизмомъ и при которой каждый рабочій получалъ 4—5 рублей въ день. При этомъ еще нужно было зорко слѣдить, чтобы подъѣхавшій къ табору посторонній человѣкъ не сбилъ вашу артель и покоряться безусловно всѣмъ требованіямъ послѣдней. Положеніе было дѣйствительно тяжелое и приходилось искать какого-нибудь выхода; этотъ выходъ былъ найденъ въ жатвенной машинѣ, сдѣлавшейся теперь знаменитою на всемъ югѣ подъ названіемъ «лобогрѣйки». Изобрѣлъ ее, какъ говорятъ одни, или передѣлалъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, какъ утверждаютъ другіе, нѣмецъ-колонистъ Леппъ. Главнымъ правиломъ при устройствѣ этой машины было принято—прочность, удобство и, что самое важное, несложность устрой-

ства,—несложность, доведенная до такого совершенства, что при ней являлась возможность вполнѣ ознакомиться съ машиною въ одинъ день всякому Хомѣ и Яремѣ, и починить ее, имѣя нѣкоторыя запасныя части, могъ каждый деревенскій кузнецъ. Жатка Леппа сначала пошла въ ходъ очень туго. Южнорусскіе помѣщики, бросившіеся на пшеничное хозяйство, отнеслись къ ней сразу же скептически и продолжали возиться съ заграничными новинками, стоившими въ это время, благодаря плохому курсу и повышенной пошлинѣ, очень дорого. Особеннымъ успѣхомъ работавшіе этими машинами похвалиться не могли, но такова ужь, очевидно, сила привычки. Первыми покупателями и распространителями лепповской жатки явились нѣмцы-колонисты, но извѣстность ея все-таки была незначительна въ Тавріи. Въ 1884 году, когда искать рабочихъ, по случаю хорошаго урожая, было особенно трудно и платить имъ приходилось особенно дорого, мы, въ видѣ опыта, пріобрѣли первую лепповскую жатку. Нужно замѣтить, что въ округѣ, гдѣ мы вели хозяйство (сѣверная часть симферопольскаго уѣзда), до тѣхъ поръ ровно ни о какихъ сельскохозяйственныхъ машинахъ не имѣли понятія, а хлѣбопашество только что начинало тамъ развиваться, не превышая десятой части тѣхъ размѣровъ, до которыхъ оно дошло тамъ теперь. Привезенная нами жатка вызвала цѣлую сенсацію и сосѣди пріѣзжали смотрѣть на ея работу со всѣхъ сторонъ. И было на что. Сверхъ всякихъ ожиданій, установленная машина, послѣ нѣкоторыхъ несуразностей, пошла отлично и, несмотря на то, что работать ей приходилось на крайне неровно обработанной почвѣ—карасабанѣ, т.-е впервые поднятой вѣковѣчной цѣлинѣ, которую въ то время выворачивали огромными пластами допотопные татарскіе деревянные плуги—сабаны, съ пушку величиною, (тоже теперь сданные повсемѣстно въ архивъ), стригла густой, высокій хлѣбъ ровно и поломки ограничивались всегда имѣвшимися въ запасѣ чугунными пальцами, предохраняющими поля, да еще кое-какими, иногда очень досадными мелочами, происходившими отъ неопытности. Но и при всемъ этомъ, результаты работы были настолько осязательно выгодны, что даже самые закоренѣлые скептики, вообще отрицавшіе всякія новшества въ хозяйствѣ, не могли не признать ихъ. При тогдашней медленной воловьей работѣ, при плохой обработкѣ почвы, что тоже служитъ не маловажнымъ тормазомъ, мы нашею жаткою, при четырехъ парахъ перемѣнныхъ воловъ

и при десяти человѣкахъ, убирали въ день свободно четыре десятины отличнаго хлѣба. Считая своихъ сроковыхъ рабочихъ, нанятыхъ съ 9-го мая по 1-е октября за 80—90 рублей, даже по полтора рубля въ день на это горячее время, считая работу воловъ, расходъ на ремонтъ, смазку и погашеніе затраченнаго капитала, выходило, что уборка десятины при помощи машины не превышала шести рублей. Математически подведенные итоги не оставляли почвы ни для какихъ возраженій. А, между тѣмъ, тутъ же рядомъ убирали нашъ же хлѣбъ поденщики, получавшіе по пятнадцати рублей отъ десятины и работа машины была чище работы ихъ; у нихъ оставалось порядочно срѣзанныхъ колосьевъ на нивѣ неподгромаженными, между тѣмъ какъ машина аккуратно подбирала все, что нагинали крылья ея на ея платформу. Пріѣзжавшіе подивиться на это чудо татары-землевладѣльцы и земледѣльцы до того поражались видѣннымъ, что тутъ же безапелляціонно рѣшали, что безъ участія шайтана дѣло не обходится. Впрочемъ этотъ, очень симпатичный, но стоящій на примитивной ступени развитія народъ, склоненъ во всемъ, недоступномъ его пониманію, видѣть участіе шайтана. Какъ бы то ни было, жатка дала такіе неожиданно хорошіе результаты, что мы быстро перешли на машинный трудъ. До 1888-го года уборка хлѣба шла у насъ параллельно машинами и наемными отъ десятины рабочими. Съ 1888-го года по настоящее время, весь экономическій посѣвъ, превышающій ежегодно четыреста десятинъ, убирается исключительно своими жатками системы Леппа. Какъ ни будетъ дешева ручная уборка хлѣба, напримѣръ въ плохой годъ, съ машиною она конкуррировать не можетъ, такъ какъ послѣдняя все-таки выгоднѣе. Въ 1887 году убирали у насъ хлѣбъ (плохой урожай) поденщики по два рубля за десятину, чего ужъ кажется дешевле, а, между тѣмъ, уборка десятины машиною стоила тутъ же рядомъ дешевле рубля, потому что людей, кладущихъ въ слѣдъ копны, требовалось самое незначительное количество и сроковые были сообразно урожаю дешевы. Первая машина, купленная нами, была все-таки немного топорна и тяжеловата, стоила она 220 рублей и работала вѣрою и правдою пять лѣтъ. Это вообще предѣльный возрастъ для жатки при хорошей работѣ и хорошемъ содержаніи, непремѣнно въ сухомъ мѣстѣ, а затѣмъ она требуетъ капитальнаго ремонта, или же идетъ въ ломъ, въ десять разъ окупивши за это время свою стоимость.

Подробно описывать конструкцію жатки системы Леппа мы здѣсь не будемъ, хотя замѣтимъ, что проще и практичнѣе ничего нельзя выдумать. Скажемъ также, почему она получила столь популярное названіе «лобогрѣйки». Въ отличіе отъ заграничныхъ жатвенныхъ машинъ, гдѣ валки срѣзаннаго ножами хлѣба собираются на платформѣ и сбрасываются съ нея механически вращающимися граблями (которыя тоже, къ слову сказать, вѣчно ломаются), Леппъ, на мѣсто этихъ грабель, усадилъ на задкѣ своей жатки человѣка. Помѣщаясь на особомъ чугунномъ сидѣньѣ, онъ все время работаетъ короткими вилками, собирая на платформѣ валокъ и сбрасывая его въ опредѣленные промежутки. Это самая трудная обязанность, а при хорошемъ хлѣбѣ, особенно убираемомъ немного надзелень ячменѣ и житѣ, одинъ человѣкъ не долго выдержитъ безъ отдыха, мышцы устаютъ и весь онъ дѣлается мокрымъ отъ катящагося градомъ пота. Отсюда и названіе—«лобогрѣйка». Мы сами лично не мало работали на лепповскихъ жнеяхъ и находимъ, что остроумнѣе окрестить ее, какъ окрестили хохлы, невозможно. Впрочемъ мѣткость хохлацкихъ прозвищъ давно уже вошла въ поговорку.

И вотъ, не прошло еще и десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ привезенная въ крымскую степь лобогрѣйка возбуждала всеобщее удивленіе и служила своего рода злобою дня, а посмотрите, какое широкое, вѣрнѣе сказать—небывало широкое распространеніе получило дѣтище покойнаго Леппа на югѣ вообще и въ Таврической губерніи въ особенности.

Леппъ не бралъ привиллегіи на свое изобрѣтеніе, говоря, что это все равно ни къ чему не поведетъ, разъ дѣло пойдетъ, то новые заводчики всегда съумѣютъ сдѣлать кое-какія незначительныя измѣненія и обойти его право. Предположеніе его сбылось: огромное, росшее въ геометрической прогрессіи, требованіе на лобогрѣйки, вызвало въ жизни множество новыхъ заводовъ и возникшая конкурренція заставила прежде всего сбавить цѣну, которая опустились до 160 руб. и, остановившись на основномъ типѣ, стараться всѣми способами перещеголять другъ друга различными усовершенствованіями и улучшеніями. И дѣйствительно, выпускаемая теперь изъ заводовъ лобогрѣйка такъ же мало походитъ на первоначальную, какъ плугъ Сакка походитъ на татарскій сабанъ. Она изящна, всѣ части сдѣланы лучше и прочнѣе, рычаги, регулирующіе подъемъ и опусканіе, сдѣланы очень

удобно, машина много легче на ходу. Лобогрѣйки начали распространяться съ поражающею быстротой. Чтобы судить о степени ихъ распространенности, достаточно сказать, что въ Новороссіи въ настоящее время существуетъ болѣе двадцати чугунно-литейныхъ заводовъ, занятыхъ главнымъ образомъ, въ теченіе круглаго года, производствомъ лепповскихъ жатокъ. Въ общемъ они выпускаютъ въ годъ не менѣе десяти тысячъ машинъ и огромное предложеніе это не всегда въ состояніи покрыть еще большій спросъ. Въ 1888 году, уже въ маѣ мѣсяцѣ, всѣ безусловно жатки, имѣвшіяся на заводахъ и въ многочисленныхъ складахъ, находящихся почти на всякомъ вокзалѣ, были разобраны на расхватъ и заводы были завалены срочными заказами до такой степени, что опоздавшимъ должны были отказывать. Почти всѣ заводы (за исключеніемъ Леппа, который давно уже сталъ милліонеромъ и удержалъ одну и ту же цѣну, несмотря на соблазнъ,) подняли цѣны на жатки на 25%, а ихъ коммиссіонеры-еврейчики, орудующіе на вокзалахъ, не теряли случая сдѣлать хорошій гешефтъ и драли съ покупателя въ свою пользу еще лишнихъ пятнадцать-двадцать рублей на каждой машинѣ. И все-таки многіе остались безъ машинъ, не смотря на то, что ловкіе люди, пользуясь моментомъ, скупали въ экономіяхъ старыя, уже забракованныя, съ потертыми зубьями, съ размоловшимися подшипниками жатки и, подкрасивъ всю эту рухлядь, сбывали за хорошую цѣну. Въ прошедшемъ году, давшемъ довольно хорошій урожай, повторилась та-же самая исторія, и въ половинѣ іюня, на наши запросы, намъ предлагали на крымскихъ вокзалахъ единственные, оставшіеся изъ громадныхъ запасовъ экземпляры лобогрѣекъ, уже по двѣсти рублей вмѣсто ста шестидесяти, по какой цѣнѣ онѣ продавались всего двѣ недѣли тому назадъ. Сколько всѣхъ лобогрѣекъ работаетъ теперь въ степяхъ Новороссіи, это трудно сказать, но, не считая ростовскихъ, одесскихъ, бессарабскихъ заводовъ, принявшихся тоже за выдѣлку этихъ машинъ, количество лобогрѣекъ, выпущенныхъ заводами Екатеринославской и Таврической губерній, (гдѣ началось и особенно развилось ихъ производство), можно смѣло считать въ восемдесятъ тысячъ экземпляровъ и половина этой огромной цифры ушло въ степи Таврической губерніи. Насъ могутъ обвинить въ преувеличеніи, но мы взяли названную цифру очень осторожно и скорѣе склонны думать, что уменьшили дѣйствительно существующую. Достаточно сказать, что до настоящаго года только пять заводовъ: Леп-

па, Нейфельда, Копа, Франца и Шредера и Гильденбрандта, о дѣятельности которыхъ мы могли получить точныя данныя, выпустили болѣе сорока тысячъ жатокъ. Но вѣдь помимо этихъ, работаетъ безпрерывно у насъ еще болѣе десяти заводовъ, въ числѣ которыхъ имѣются такіе солидные, какъ Джона Гріевза, Классена, Тисена, Фризена и другихъ, производящіе огромные обороты.

Сорокъ тысячъ лобогрѣекъ въ Таврической губерніи! Трудно представить себѣ ту сумму работы, которую выполняютъ эти машины и то количество рабочихъ рукъ, которое онѣ замѣняютъ. Можно смѣло сказать, что не будь этихъ лобогрѣекъ, намъ, при нашихъ теперешнихъ колоссальныхъ запашкахъ, не хватило бы для уборки хлѣба вдесятеро большаго количества рабочихъ, нежели то, которое приходитъ теперь. Отнимите отъ насъ завтра всѣ лобогрѣйки—и три четверти посѣвовъ погибнутъ на корню. Лобогрѣйка уже пробирается въ Полтавскую, Харьковскую и другія среднія губерніи, завоевываетъ права гражданства въ Черноморьѣ, но нигдѣ она не вошла такъ во всеобщее употребленіе, какъ въ Таврической губерніи. Здѣсь лепповская жатка сдѣлалась обязательною принадлежностью каждаго хозяйства, начиная съ самаго крупнаго лэндлордскаго и кончая самымъ небольшимъ крестьянскимъ. Увидѣть гдѣ-нибудь (горную часть Крыма мы выключаемъ) хлѣбъ, убираемый косою—величайшая рѣдкость. Съ помощью машины, крестьянинъ со своею семьею легко собираетъ сорокъ-пятьдесятъ, а то и сто десятинъ посѣва между тѣмъ какъ прежде ему пришлось бы почти всю эту работу производить руками поденщиковъ. Даже татары, вообще скептически относящіяся ко всякимъ новшествамъ, забыли уже привычку искать во всемъ непонятномъ имъ шайтана и, при малѣйшей возможности, покупаютъ, не останавливаясь даже передъ складчиною съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей жатку, если покупка не подъ силу одному, покупаютъ компаніею. Какъ это ни странно, дольше всѣхъ относились недоброжелательно къ лобогрѣйкамъ крупные владѣльцы, продолжавшіе по привычкѣ мучиться съ различными комбинированными и до невозможности сложными произведеніями иностранцевъ. Но вотъ, постоянно совершенствуя лобогрѣйку, начали устраивать ее такъ, что она съ одинаковымъ успѣхомъ могла косить и хлѣбъ и траву. Путемъ опыта дошли, что степной сѣнокосъ убирать лобогрѣйками гораздо выгоднѣе, чѣмъ заграничными косилками, такъ-какъ первыя оставляютъ стерню

немного выше и, что самое главное, онѣ сбрасываютъ траву уже готовыми валками, такъ что за ними не нужно сплошь пускать конныхъ грабель, которыя сильно разрѣжаютъ траву, вырывая зубьями сухіе корни ея.

Это открытіе побѣдило послѣднихъ сторонниковъ англійскихъ машинъ и онѣ безповоротно уступили мѣсто лобогрѣйкамъ. Даже дольше всѣхъ удержавшіяся сѣнокосилки Маккормика были запрятаны въ сараи и ихъ теперь вытаскиваютъ оттуда только тогда, когда въ особенно хорошіе годы нужно работать на «подахъ», т.-е. заливныхъ мѣстахъ, гдѣ, передъ выростающею почти въ ростъ человѣка, густою травою пасуетъ лобогрѣйка, всецѣло отвоевавшая степь. Съ этого же времени, т.-е. устройства двухпаратной лобогрѣйки, произошелъ тотъ переворотъ, благодаря которому машины теперь совершенно вытѣснили издѣльнаго рабочаго (опять-таки считаемъ долгомъ оговориться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ предгорья Крыма, которыя, впрочемъ, въ общемъ представляютъ каплю въ морѣ) въ Таврической и отчасти Херсонской губерніяхъ. Еще года два-три тому назадъ, хлѣбъ убирался вездѣ въ имѣніяхъ только собственными машинами и, хотя приходящія на поденщину артели находили все менѣе и менѣе работы «на жнивахъ», но имъ оставалась еще большая часть сѣнокосовъ.

Огромныхъ сѣнокосовъ владѣльцы не могли убирать, несмотря на громадный инвентарь, исключительно при помощи своихъ машинъ и своихъ сроковыхъ рабочихъ. Пришлые косари всегда находили дѣло «отъ круга». Съ ними конкуррировали, но сравнительно въ незначительной степени, молокане нѣкоторыхъ селъ бердянскаго уѣзда, у которыхъ развился оригинальный и не безвыгодный промыселъ. Имѣя очень небольшіе надѣлы, они пріобрѣтали маккормиковскія косилки, спеціально для заработковъ, шли съ ними къ владѣльцамъ и брались у нихъ тоже убирать траву отъ круга. Иногда, какъ напримѣръ въ 1888-омъ году, это занятіе давало очень хорошіе барыши, такъ какъ плата держалась еще высокая; промышлявшихъ такимъ образомъ было не особенно много, въ виду дороговизны маккормиковскихъ косилокъ и пригодности ихъ только къ уборкѣ травы — для хлѣба онѣ совершенно не годились. Но вотъ съ прошлаго года, по дорожкѣ протоптанной молоканами, хлынули мѣстные крестьяне уже со своими лобогрѣйками, хлынули такою густою толпой, что сразу оттѣснили молоканъ, сбили цѣну за уборку до minimum'а и окончательно убили кон-

курренцію артелей поденщиковъ. Дѣло въ томъ, что у крестьянина почти совершенно нѣтъ сѣнокосовъ, онъ все обратилъ въ пашню, но у всякаго есть лобогрѣйка, а то и двѣ, которыя теперь такъ устроены, что косятъ траву самымъ наилучшимъ образомъ. У него есть, лошади, есть семья и есть время, которое при уборкѣ травы — въ маѣ мѣсяцѣ—совершенно свободно. Почему же не заработать нѣсколько рублей? И вотъ онъ отправляется къ сосѣду крупному помѣщику, съ предложеніемъ своихъ услугъ, а за нимъ отправляются и его однодворцы, ибо машины теперь у всѣхъ есть, а разсуждаютъ всѣ одинаково. Помѣщикъ съ удовольствіемъ соглашается, такъ какъ во-первыхъ, цѣна въ этомъ случаѣ гораздо болѣе дешевая, во-вторыхъ, какъ тамъ не говорите, машинный трудъ ровнѣе, быстрѣе и вѣрнѣе ручнаго и при немъ не приходится имѣть той массы хлопотъ, которыя — неразрывно связаны съ наемкою многихъ артелей поденщиковъ. Съ одной стороны упраздняется совершенно контроль за временемъ работы самая непріятная вещь, и остается только провѣрка качества работы, которая при машинахъ, впрочемъ, очень несложна, съ другой—не чувствуется вся тяжесть положенія, когда за плечами безсмѣнно стоитъ надсмотрщикъ, ежеминутно подгоняющій и отмѣчающій чуть ли ни каждую минуту «прогула». Затѣмъ, мѣстные крестьяне съ машинами всегда договариваются на своихъ харчахъ, сами доставляютъ себѣ на таборъ нужную воду, топливо и т. п., а все это очень выгодно для хозяина, которому, при ручной работѣ артельщиковъ, приходилось брать заботы обо всемъ этомъ на себя; къ тому же значительно упрощаются разсчеты и исчезаютъ всякія недоразумѣнія относительно штрафовъ, вычетовъ и т. д. Окончивъ сѣнокосъ, крестьяне не всѣ, а часть конечно, предлагаютъ свои услуги и на хлѣбъ. Мѣстный крестьянинъ *никогда* не ходилъ прежде искать работы съ косою, *но теперь, обзаведшись машиною, онъ не сидитъ дома*. Это движеніе серьезно началось всего только въ позапрошломъ году, а уже въ прошломъ оно достигло такихъ размѣровъ, что, несмотря на хорошій урожай, предложеніе труда мѣстными крестьянами мѣстами вдвое покрывало спросъ на него. Мы сами были свидѣтелями, какъ въ заранѣе назначанный для сбора день, въ Успенской экономіи С. Б. Фальцъ-Фейнъ, собралось 700 крестьянскихъ машинъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ и половина ихъ ушла ни съ чѣмъ, такъ какъ было нанято всего только 350. Во всѣхъ же имѣніяхъ г-жи Фальцъ-Фейнъ

работало въ прошломъ году на сѣнокосѣ 1,100 машинъ, изъ которыхъ собственно принадлежащихъ экономіи было не болѣе сотни, да и то почти только маккормиковскихъ, пущенныхъ въ «подахъ», а остальную тысячу представляли нанятыя крестьянскія лобогрѣйки *). Весь сѣнокосъ г-жи Фальцъ-Фейнъ, представляющій площадь въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, до послѣдняго кустика былъ убранъ исключительно машинами. Высчитайте, какому огромному количеству косарей могла дать заработокъ эта работа. Но косарей уже нѣтъ, ходившіе прежде въ степи послѣ каховской ярмарки многочисленныя артели поденщиковъ, имѣвшихъ главнымъ образомъ въ виду уборку травы отъ круга и хлѣба отъ десятины, теперь словно вѣтромъ сдуло и бродятъ уныло одни только не пристроившіеся одиночки. А главная масса, не ожидая здѣсь ничего хорошаго, не соблазняясь роскошнымъ видомъ полей, спѣшитъ дальше въ Черноморье, зная по опыту, что нечего прельщаться хорошимъ урожаемъ, что тотъ, кому не удалось стать въ срокъ, можетъ умереть съ голоду, не находя прежней работы среди этихъ богатыхъ полей. Лобогрѣйка съѣла въ Таврической губерніи за самое короткое время косаря, приходившаго на поденщину, урегулировала плату сроковому рабочему и заставила его смирно сидѣть на мѣстѣ. Въ послѣднемъ отношеніи она оказалась въ тысячу разъ сильнѣе всѣхъ тѣхъ мѣръ, имъ же нѣсть числа, которыя предлагались и предлагаются для предотвращенія недоразумѣній между хозяевами и рабочими и рабочихъ бунтовъ. Предложеніе труда мѣстными крестьянами, обусловленное исключительно только небывалымъ распространеніемъ среди нихъ машинъ, уничтожило спросъ на трудъ поденщиковъ, въ то время какъ распространеніе машинъ вообще, уменьшило спросъ на трудъ пришлыхъ сроковыхъ рабочихъ, не смотря на прогрессирующее до сихъ поръ увеличеніе запашки, вызвало къ жизни обширное примѣненіе труда дѣтей и подростковъ въ ущербъ взрослому элементу и *понизило заработную плату*. Вотъ формула, примѣнимая теперь въ полномъ своемъ объемѣ ко всей «хлѣбородной» Таврической губерніи **), той самой Тавріи, которая еще такъ недавно называлась рабочими вполнѣ справедливо «золотымъ дномъ».

---

*) При установившейся платѣ на нанятыя крестьянскія машины, г. Фальцъ-Фейнъ считалъ даже невыгоднымъ пускать въ дѣло всѣ экономическія лобогрѣйки.

**) Да и ко всей Новороссіи вообще.

Могъ-ли бы, спрашивается, конкуррировать издѣльный рабочій съ лобогрѣйкою, ежели бы еще оставалось поле для такой конкурренціи, при той платѣ, которую понизили машины до minimum'а, причемъ minimum этотъ черезъ годъ-два уже пожалуй окажется недостижимымъ maximum'омъ. Въ прошедшемъ году машинами убирали траву въ днѣпровскомъ уѣздѣ менѣе, чѣмъ по рублю за десятину (4 рубля за кругъ), на своихъ харчахъ. Наемныя лобогрѣйки жали хлѣбъ (замѣтьте, очень хорошій, густой и высокій) всего только по два рубля и по два съ полтиною отъ десятины съ кладкою въ копны, а съ вязкою въ снопы по три съ полтиною. Но и это находятъ еще дорогимъ. Въ разговорѣ съ наиболѣе крупными владѣльцами названнаго уѣзда, намъ приходилось слышать во время молотьбы, что въ будущемъ году плата за уборку десятины хлѣба понизится вѣроятно до полутора рублей, а послѣ дойдетъ и до рубля. Въ прошломъ году, чтобъ обезпечить себя на лѣто наемными машинами, подряжавшимся съ зимы крестьянамъ давали задатки, но теперь это думаютъ бросить, безпокоиться нечего, такъ какъ предложеніе машиннаго труда слишкомъ велико и много превышаетъ спросъ. Крестьянину, имѣющему машину, очень выгодно получать отъ десятины хлѣба даже два рубля; при перемѣнныхъ лошадяхъ, онъ своею лобогрѣйкою сниметъ въ день десятинъ шесть, а семья его, съ помощью, пожалуй, одного-двухъ батраковъ, уберетъ все это вслѣдъ въ копны. Но посчитайте, сколько при такой платѣ придется косарю, если при томъ хлѣбѣ, какой былъ въ прошедшемъ году, считать, что десятину совсѣмъ въ день уберутъ четыре человѣка. Итого—полтинникъ-шесть гривенъ поденнаго заработка, за чисто-каторжный трудъ въ самое тяжелое время (и дѣйствительно-платили парѣ, т.-е. косарю и громадильщику по 90 коп. въ день). Вычтите отсюда еще стоимость харчей,— что же останется въ результатѣ?

Страшная непропорціональность издѣльной платы въ мѣстахъ, гдѣ машинный трудъ совершенно вытѣснилъ ручной и тамъ, гдѣ послѣдній еще удержался, благодаря нѣкоторымъ топографическимъ и другимъ условіямъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія: въ днѣпровскомъ уѣздѣ, гдѣ машина взяла все, за уборку десятины хлѣба платили всего два рубля, а въ феодосійскомъ и симферопольскомъ (предгорной части), гдѣ еще преобладаетъ ручной трудъ, плата за уборку десятины такого же хлѣба доходила до вось-

ми-десяти рублей. Но днѣпровчане и крестьяне другихъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи, промышляющіе машинами, не дремлютъ: не найдя работы дома, оставшись безъ дѣла вслѣдствіе сильной конкурренціи уже между собою, они пробрались въ Крымъ. И лобогрѣйки ихъ прошедшимъ лѣтомъ трещали на поляхъ перекопскаго и евпаторійскаго уѣздовъ, причемъ здѣсь они даже выгадывали рублемъ на десятинѣ больше. Пройдетъ еще два года и лобогрѣйки несомнѣнно появятся въ трущобахъ предгорья Крыма, вытѣсняя оттуда немногія, находящія еще тамъ работу, артели поденщиковъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, когда, благодаря дождямъ, картина ожидаемаго урожая рѣзко измѣнилась къ лучшему, а сроковые рабочіе были уже наняты, намъ пришлось посѣтить самый центръ крупновладѣльческаго хозяйства Таврической губерніи, уѣздъ, гдѣ прежде рабочіе «бунты» составляли обычное явленіе. Теперь же было все сравнительно довольно тихо и владѣльцы эту тишину приписывали главнымъ образомъ вліянію лобогрѣекъ. «Прежде, приходилось намъ слышать почти на каждомъ шагу, когда рабочій находилъ, что плата, получаемая имъ за срокъ мала, онъ всегда искалъ случая уйти, разсчитывая навѣрнякъ на поденщину, которая иногда въ мѣсяцъ приносила дѣйствительно ему больше, нежели онъ получилъ бы за четыре съ половиною мѣсяца работы, въ сроку. Теперь онъ сидитъ смирнѣе, видя, что поденщины, какъ выгоднаго заработка, болѣе не существуетъ и кое-гдѣ толкущіеся косари вырабатываютъ въ день на пару 80 — 90 копѣекъ. Перспектива не особенно соблазнительная и никого она не манитъ».

Итакъ, поденщина въ Таврической губерніи, благодаря машинамъ спѣла свою пѣсенку и сохранилась только въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ предгорья, да и то не надолго. Но мы помнимъ еще, какъ лѣтъ пять-шесть всего тому назадъ, количество приходящихъ на поденщину артелей было громадно. Мы уже упомянули выше объ артеляхъ, приходившихъ изъ Малороссіи. По большей части онѣ оставались здѣсь только до конца іюля, такъ какъ почти всегда члены артели были люди семейные, имѣвшіе свое хозяйство и къ августу спѣшившіе домой на уборку своего хлѣба. Иногда, прельщенная высокими цѣнами въ особенно урожайные годы, часть ихъ оставалась поденно или помѣсячно (рублей по 25—30 въ мѣсяцъ) на молотьбу.

Но главный заработокъ ихъ составляли все-таки жнива и отчасти сѣнокосъ, хотя послѣдній давалъ гораздо меньше. Въ жнивахъ каждый часъ дорогъ и хохлы работали почти безъ отдыха, не бросая дѣла и ночью, если нужно было особенно спѣшить съ перестоявшею пшеницею или ячменемъ. Въ Крыму хлѣба вызрѣваютъ не одновременно, раньше всего въ перекопскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ симферопольскомъ и послѣ уже въ ѳеодосійскомъ. Это объясняется различіемъ почвенныхъ и климатическихъ условій и, сообразуясь съ этимъ, хохлы подвигались постепенно въ указанномъ направленіи. О платѣ, стоявшей въ особенно хорошіе годы, мы говорили уже выше. Въ годы средняго урожая, обыкновенно за уборку (скосить и сложить въ копны) десятины хлѣба платили 6—7 рублей, столько же за кругъ травы. Въ плохіе годы приходилось разумѣется много хуже, особенно когда сѣнокосы погибали и артелямъ поденщиковъ приходилось ожидать времени жнивъ, проѣдая харчи безъ работы, или, въ лучшемъ случаѣ, собирая гдѣ-нибудь по степи или на «джуртахъ» камни, за четвертакъ въ день. Но все таки, за исключеніемъ самыхъ скверныхъ годовъ, каждый членъ дружной, хорошей артели вырабатывалъ всегда не меньше, а зачастую и больше за двухмѣсячную свою работу, нежели сроковый получалъ за четыре съ половиною мѣсяца (9 мая — 1 октября). Maximum платы сроковому за послѣднее десятилѣтіе — 90 рублей (1888 годъ), а въ этомъ же году, многія артели заработали по 1 августа болѣе ста рублей на брата. Такая же приблизительно пропорція была и въ остальные годы. Хотя съ другой стороны нужно замѣтить, что трудъ такой артели далеко не чета труду сроковаго. Послѣдній работаетъ съ прохвалою: то пашетъ, то возитъ сѣно, то снова перепахиваетъ, а артель знаетъ только одну работу, самую тяжелую. Всѣ члены малорусскихъ артелей работали на равныхъ правахъ, заработанныя деньги по получкѣ дѣлились поровну и большею частью сейчасъ отсылались по почтѣ домой. Честность во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ такихъ артелей была выдающаяся. За все время намъ пришлось только одинъ разъ слышать о случаѣ, происшедшемъ въ Карасубазарѣ; въ одной изъ явившихся сюда артелей кіевцевъ, ночью, во время, сна, у атамана, т.-е. главнаго члена товарищества, были вырѣзаны хранившіеся защитыми въ сорочку деньги, болѣе ста рублей. Подозрѣніе пало на одного изъ членовъ артели и, путемъ допросовъ, его довели до полнаго сознанія. Онъ во всемъ покаялся и указалъ мѣсто, гдѣ зарылъ

украденный «гаманэць». Деньги выкопали, а вора наказали тѣмъ, что лишили его слѣдуемой ему части, бывшей въ украденныхъ имъ деньгахъ, принадлежавшихъ всей артели и прогнали его, на всѣ четыре стороны, не доводя дѣла до полиціи. Не знаемъ, рѣшился ли онъ послѣ этого вернуться домой, гдѣ его положеніе явилось бы крайне незавидным.

Большинство работъ происходило на хозяйскихъ харчахъ, причемъ на кругъ или десятину «отсыпалось» опредѣленное въ договорѣ количество муки, пшена, сала и хлѣба. На кругъ травы обыкновенно выдавалось 20 фун. пшеничной муки, 10 фун. пшена, 4 фун. свинаго или бараньяго сала и до пуда хлѣба. На десятину хлѣба—въ половину всего меньше. Эта норма часто варьировала смотря по мѣстнымъ условіямъ, одного чего-нибудь добавлялось, другого убавлялось. Разсчетливые хохлы обыкновенно не съѣдали всего, но умудрялись загонять изъ отпускаемыхъ харчей экономію про черный день. Очень незначительное сравнительно количество встрѣчалось великорусскихъ артелей, пришлыхъ изъ Курской и Орловской губерній и «литвинцовъ» изъ сѣверной части Черниговской губерніи. Чаще собирались здѣсь же на мѣстѣ, особенно въ годы, когда спросъ на рабочія руки сильно подымался, артели такъ называемыхъ «бурлаковъ». Съ этими имѣть дѣло зачастую было положительно несчастіемъ и къ ихъ услугамъ хозяева, которымъ бурлаки не мало портили крови, обращались (и обращаются) только тогда, когда не было никакого выбора. Но прежде нужно познакомить читателя съ тѣмъ типомъ, который получилъ на югѣ характерную кличку «бурлакъ» (или, какъ говорятъ хохлы,—бурлака: «цэ старинный бурлака»).

Въ Крыму, благодаря исключительнымъ условіямъ этого разнообразнаго и богато одареннаго природою края, образовался особенный классъ рабочихъ, которыхъ мѣстное населеніе окрестило кличкою «бурлаковъ». Бурлакъ—это просто человѣкъ, отбившійся отъ родины, отъ дома, отъ семьи, составившій себѣ совершенно новую жизнь, съ крайне оригинальными взглядами, слѣдующій принципу, гласящему, что «отечества для сердца нѣтъ». Среди бурлаковъ, которыхъ ютится въ Крыму не одна тысяча, вы найдете представителей всѣхъ малорусскихъ и великорусскихъ губерній. Сидѣть долго на одномъ мѣстѣ или заниматься одною работою бурлакъ не можетъ; оцыганившаяся натура не позволяетъ ему нигдѣ ужиться, а вѣчно тянетъ его куда-то. Сегодня онъ сидитъ

въ утлой лодкѣ и, среди расходившейся зыби Азовскаго моря, ловко и смѣло вытаскиваетъ безконечную снасть, съ нависшими на острыхъ крючьяхъ бѣлугами и осетрами. Сообразно этому и званіе ему для сегодняшняго дня «рыбалка». Завтра онъ бьетъ плантажи подъ виноградники, гдѣ-нибудь въ чудномъ уголкѣ вблизи Ялты или Алушты. Послѣзавтра—коситъ хлѣбъ въ безграничной степи, а еще черезъ недѣлю—ломаетъ соль на соляномъ озерѣ и возитъ тачки по разъѣдающей кожу рапѣ. Пройдетъ мѣсяцъ—и встрѣчаете вы того же бурлака на совершенно противоположномъ концѣ, гдѣ-нибудь въ Севастополѣ, весело таскающаго на своихъ богатырскихъ плечахъ въ трюмъ англійскаго парохода тяжелые мѣшки съ пшеницею. Настоящему бурлаку весь Крымъ извѣстенъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ большинствѣ случаевъ, у него есть дома и земля, и семья, но онъ давно уже порвалъ съ нею всѣ связи, ограничиваясь только изрѣдка посылкою нѣсколькихъ рублей, да и то больше для того, чтобы не задерживали высылку новаго паспорта. Поговорите съ нимъ о его домѣ, родинѣ, и обо всемъ этомъ онъ будетъ неохотно отвѣчать вамъ, какъ о чемъ-то непріятномъ, давно забытомъ. Онъ и не думаетъ даже когда-либо возвращаться туда, относясь иронически къ крестьянской, «хозяйственной» жизни, съ ея посконною рубахою и вѣчнымъ memento mori по части податей и повинностей, въ лицѣ волостнаго старшины и становаго пристава. «Разложатъ тебя да выпорютъ, только всего и добра», насмѣшливо говоритъ бурлакъ, вспоминая о домѣ. Этотъ домъ его меньше всего интересуетъ и онъ самъ себя называетъ отрѣзаннымъ ломтемъ. То ли дѣло жизнь здѣсь, гдѣ чувствуешь себя свободнымъ человѣкомъ, гдѣ, разъ паспортъ за пазухою, никакое начальство тебя не тронетъ и, сколько ни заработаешь денегъ,— никто не тянетъ лапы и не кричитъ: «подай сюда». Хотя, въ сущности говоря, результаты получаются одни и тѣ же, такъ какъ бурлакъ никогда не сберегаетъ ни гроша и, имѣя часто въ рукахъ большія деньги, такъ же легко спускаетъ ихъ, какъ трудно добываетъ. А заработки бурлака, особенно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда все было гораздо лучше, дорогой рыбы ловилось больше, виноградники сажались шире, машины не давили рабочаго въ степи и крымская соль еще «гремѣла», были дѣйствительно хоть куда. Три-пять рублей заработка въ день, было обычною нормой. Но если бурлакъ много зарабатывалъ, то за то не было на работу такого золотаго человѣка,

какъ онъ. Гдѣ нужно было устроить что-нибудь особенное, сопряженное съ рискомъ для жизни, что-нибудь особенно удалое, молодецкое, тамъ бурлакъ былъ незамѣнимъ. Въ тяжелой работѣ онъ, по выраженію хохловъ, которые относятся къ бурлакамъ съ почтеніемъ, связаннымъ на половину со страхомъ, ибо бурлаки смѣются надъ ними и подчасъ не прочь и поколотить ихъ,—«робыть, якъ скаженный». И все до перваго кабака. Кабакъ и бурлакъ неразлучны и неразрывны. Добравшись до города, бурлакъ прежде всего «справляетъ одежу», франтовскіе сапоги, кумачевую сорочку, плисовые шаровары, жилетъ, картузъ и платокъ на шею. При случаѣ онъ даже не прочь пустить пыль въ глаза, навѣсивши на жилетъ серебряную цѣпочку, на концѣ которой, ловко запрятанной въ карманъ, болтается вмѣсто часовъ ключикъ. Затѣмъ слѣдуетъ обязательный визитъ въ кабакъ. Кабатчики особенно любятъ бурлаковъ, какъ людей не дорожащихъ деньгами, ставящихъ на конъ все ребромъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно обилуютъ бурлаками, кабаки обыкновенно располагаются цѣлыми рядами, гнѣздятся одинъ на другомъ. Достаточно привести такой примѣръ, что въ восьмидесятыхъ годахъ, когда подводились кѣмъ-то итоги нашего богатства кабаками, то оказалось, что въ Харьковѣ, съ его стотысячнымъ населеніемъ, ихъ всего только было полтораста, въ незначительномъ Симферополѣ около двухсотъ, въ совсѣмъ уже жалкомъ Карасубазарѣ цѣлыхъ шестдесятъ. Во всѣхъ остальныхъ крымскихъ городахъ господствовала такая же пропорція. Отъ пришедшихъ на заработки хохловъ шинкарямъ нажива очень плохая, такъ какъ эти страшно дорожатъ каждою заработанною копѣйкою и въ рѣдкихъ случаяхъ позволяютъ себѣ выпить компаніею кварту водки. Пьянствующаго хохла вы если увидите, то можете считать это за великую рѣдкость; если хохолъ на-веселѣ въ праздникъ или базарный день, когда производится преимущественно наемка, то значитъ его угостилъ кто-нибудь, или «намагорычилъ» хозяинъ. Своихъ денегъ хохолъ ни за что не пропьетъ, если не считаетъ тѣхъ, которые уже числятся кандидатами въ бурлаки. Даже при самыхъ хорошихъ заработкахъ хохолъ, остановясь на выгонѣ, достаетъ свои наполовину процвѣтшіе сухари и жуетъ ихъ, скупясь купить фунтъ мяса или баранины. Его идеалъ—принести какъ можно больше денегъ домой.

Совсѣмъ не то бурлакъ. Ѣстъ онъ всегда хорошо и, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ печальныхъ моментовъ, когда ему даже нечѣмъ похмѣлить-

ся, никогда не отказываетъ себѣ въ улучшенной пищѣ. Во время разгула щедрость его и проявленіе широкой натуры не знаютъ границъ. «Покуривши» въ одномъ кабакѣ, онъ отправляется въ другой, отсюда переходитъ въ третій и такъ далѣе, угощая во всю всѣхъ кабацкихъ завсегдатаевъ, любителей выпить на даровщинку, которыхъ всегда довольно. Въ концѣ концовъ около бурлака образуется цѣлая свита, надъ которою онъ и потѣшается. Разумѣется, всѣ эти путешествія съ музыкою и танцами изъ кабака въ кабакъ продолжаются не долго. Черезъ день деньгамъ конецъ, наполовину онѣ пропиты, раздарены разнымъ пьянымъ дульцинеямъ, наполовину выкрадены и въ руки кабатчика переходитъ вся новая одежда. А еще черезъ день—вчерашній герой кабака, около котораго такъ все увивалось, ободранный и въ лохмотьяхъ, брошенный своими дамами, а подчасъ еще и исколоченный пившими на его же счетъ кавалерами, поджидаетъ въ свою очередь, не поднесетъ ли судьба какого-либо другого такого же молодца, около котораго можно было бы опохмѣлиться. И вотъ, покутивши во всю, «накуривши», какъ они сами характерно говорятъ и пропившись до послѣдней нитки, бурлакъ снова исчезаетъ на мѣсяцъ-два и работаетъ гдѣ-нибудь «якъ проклятый». А затѣмъ снова повторяется такая же самая исторія, съ тѣмъ-же финаломъ. Вотъ эта-то ширь разгула и внушаетъ трусливому, экономному и трясущемуся надъ каждымъ грошомъ хохлу, чувство удивленія, смѣшаннаго со страхомъ. А бурлаки издѣваются надъ хохлами, называя ихъ не иначе, какъ съ эпитетомъ «безмозглые», дразня полтавцевъ отдѣльно «галушкою», которою будто бы подавился Мазепа, а кіевцевъ «труболетами», въ честь исторической Лысой горы. Бывали случаи, что собравшись гдѣ-либо на базарѣ въ урожайный годъ, бурлацкія артели «устанавливали цѣну» на издѣльную работу, т.-е. постановляли строгій приказъ не брать дешевле такой-то платы, ну хотя бы за уборку десятины хлѣба. И хохлы безпрекословно слушались ихъ, часто противъ своего желанія, тутъ же потихоньку жалуясь хозяевамъ, что они съ удовольствіемъ согласились бы на ихъ условія, ежели бы не боялись, что «отці отчаянной жисти котолупы» намнутъ имъ за измѣну бока.

Мы часто наблюдали бурлацкій разгулъ въ Карасубазарѣ, благо въѣздная площадь этого полузабытаго Богомъ и людьми городка оцѣплена сплошнымъ кольцомъ кабаковъ и наблюденія эти производить очень удобно. Мы видѣли, какъ бурлаки, пришедшіе въ городъ

съ полсотнею и больше рублей въ карманѣ, черезъ два-три дня валялись среди площади чуть не голые. Слышали, какъ въ кабакахъ стонъ стоялъ отъ бурлацкаго разгула. Въ такихъ случаяхъ, когда бурлакъ подваливаетъ массою, что связано съ извѣстнымъ временемъ, даже мѣстная полиція держится въ сторонѣ, или въ лицѣ своихъ допотопныхъ полисмэновъ, которые до послѣдняго времени существовали въ Карасубазарѣ, тоже не вылазитъ изъ кабаковъ, напиваясь на бурлацкій счетъ и радуясь посланной судьбою благодати. И чего только не придумаетъ разыгравшаяся бурлацкая фантазія; намъ приходилось, напримѣръ, видѣть такую торжественную процессію: по улицѣ ѣдутъ врядъ три извощичьихъ экипажа, въ среднемъ, преважно развалясь на подушкахъ, возсѣдаетъ пьяный бурлакъ, въ переднемъ лежитъ его шапка, въ заднемъ его трубка, тоже на подушкахъ. Дальше этого уже идти, кажется, некуда. Что за бѣда, если завтра же этого важнаго господина, когда у него выскочитъ послѣдній грошъ, вытолкаютъ въ шею и не пустятъ на порогъ того самаго кабака, который такъ радушно и гостепріимно отворяетъ передъ нимъ двери сегодня. Его девизъ: «хоть день да нашъ»—и онъ всегда остается безусловно вѣренъ этому девизу.

Намъ приходилось имѣть дѣла съ артелями бурлаковъ и, сознаемся откровенно, прибѣгали мы къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда другихъ артелей рабочихъ, особенно аккуратныхъ хохловъ, нельзя было найти. Объяснялось это не тѣмъ, что работа первыхъ была плоха или небрежна, совершенно напротивъ: въ этомъ отношеніи, кромѣ хорошаго сказать о нихъ ничего нельзя было (мы ихъ нанимали на уборку травы и хлѣба); но, Боже мой, сколько приходилось перемучиться и испортить крови, пока удавалось наконецъ поставить ихъ на эту работу. Обыкновенно бурлаки являлись въ дребезги пропившимися и, не смотря на то, что собирались они идти косить, почти ни у кого не было ни косъ, ни мантачекъ, ни молотковъ, ни бабокъ, однимъ словомъ ничего того, что нужно для косаря. И вотъ, сошедшись въ цѣнѣ, нужно было справлять имъ всю эту «амуницію», въ счетъ будущихъ ихъ заработковъ, ни въ какомъ случаѣ не выдавая денегъ на покупки имъ на руки, а посылая своего человѣка. Потомъ шли обычные и неизбѣжные могарычи, т. е. угощеніе нанятыхъ водкою и выдавались небольшіе задатки, которые тотчасъ же цѣликомъ пропивались. Зачастую, когда все было готово

и нужно было уже ѣхать домой, половины артели не оказывалось налицо, она уже «курила» гдѣ-нибудь въ кабакѣ, забывши все на свѣтѣ. Посылать прикащика или кучера торопить ихъ было безполезно, его или напаивали, или, если онъ не пилъ, съ руганью выгоняли вонъ, посылая по адресу хозяина тысячи самыхъ ѣдкихъ пожеланій. Проходилъ часъ-два въ безплодномъ и мучительномъ ожиданіи, тогда, остальные, оставшіеся бурлаки шли увѣщевать своихъ запившихъ товарищей, съ цѣлью привести ихъ и черезъ полчаса сами валялись подъ кабацкими скамьями. При недосмотрѣ пропивались только что купленныя косы и такая исторія тянулась дня два-три. А между тѣмъ хлѣбъ перезрѣвалъ, осыпался и легко понять, что чувствовало въ это время хозяйское сердце. Понятно станетъ послѣ всего вышесказаннаго, почему хозяева такъ избѣгали и избѣгаютъ бурлаковъ. Что толку въ хорошей работѣ, если довести людей до этой работы можно не рѣдко только съ величайшими усиліями и потерями и, притомъ, никто не можетъ поручиться, что въ первое же воскресенье или праздничный день, вся артель цѣликомъ не сбѣжитъ въ ближайшій кабакъ и не застрянетъ тамъ безвыходно до тѣхъ поръ, пока ее оттуда не выгонятъ?

Впрочемъ степная работа—не главное занятіе бурлака, онъ смотритъ на нее только какъ на необходимость, такъ какъ въ это время года другого дѣла нѣтъ. И артели онъ составляетъ на это такъ же случайно и быстро, изъ людей «своего званія». Главное занятіе настоящаго бурлака, его царство, было на соляныхъ промыслахъ, гдѣ онъ подчасъ зарабатывалъ по сотнѣ рублей въ мѣсяцъ. Было на что пожить, погулять, хотя и работу въ соленой, разъѣдающей тѣло водѣ, по справедливости можно назвать адскою. Но теперь прошли тѣ золотыя времена, крымскіе соляные промыслы, приносившіе прежде милліоны и дававшіе крупный заработокъ тысячамъ рабочихъ, подбитые своими болѣе счастливыми конкуррентами, еле влачатъ свое жалкое существованіе. Пали рыбные промыслы, не то раздолье ужъ «рыбалкамъ», сбили цѣну на плантажныя работы, куда забрался уже и обыкновенный рабочій—не бурлакъ, лобогрѣйка захватила въ полную свою власть жнива и сѣнокосы. И все это случилось въ теченіе какого-нибудь послѣдняго десятилѣтія. Нѣтъ уже тѣхъ бѣшеныхъ денегъ у бурлака, которыя онъ такъ щедро и безалаберно разбрасывалъ раньше. Но характеръ его не перемѣнился, остался неизмѣннымъ его девизъ: «хоть

день да нашъ». И, если вы будете въ Керчи во время сезона рыбной ловли, гдѣ-нибудь въ Таганашѣ или Армянскѣ во время выволочки соли изъ сосѣднихъ озеръ, на южномъ берегу Крыма зимою, то вездѣ вы встрѣтите того же неунывающаго бурлака, съ его каторжнымъ трудомъ и безшабашнымъ разгуломъ.

Заканчивая очеркъ колоссальнаго распространенія лобогрѣекъ въ Новороссіи и ту фатальную роль, которую онѣ сыграли прежде всего въ сильномъ пониженіи заработной платы, а затѣмъ и въ значительномъ уменьшеніи спроса на рабочія руки вообще, съ совершеннымъ почти уничтоженіемъ требованія на трудъ артелей, являвшихся на поденщину, мы должны отмѣтить отношеніе рабочихъ къ машинамъ. Теперь все это какъ-то примелькалось и приглядѣлось, но на первыхъ порахъ это отношеніе было крайне враждебное. Часто работавшіе рядомъ рабочіе втыкали потихоньку въ хлѣбъ колъ, клали камень и, нужно было видѣть всеобщую радость, когда машина ломалась. При грузкѣ машинъ на вокзалахъ выходили нерѣдко непріятныя сцены, но серьезныхъ недоразумѣній не было и нужно искренно удивляться этому, при томъ враждебномъ духѣ, который царилъ среди рабочихъ противъ машинъ и тѣхъ, кто этими машинами работалъ. Мы помнимъ, что вначалѣ среди рабочихъ ходили упорные слухи, которымъ они безусловно вѣрили, что дескать на машины наложатъ такой большой «фискъ», что цѣна ихъ сдѣлается недоступною, а послѣ и вовсе запретятъ ихъ, чтобы онѣ не отбивали куска хлѣба у бѣднаго человѣка, идущаго за этимъ кускомъ тысячу верстъ. Говорили годъ — два, а затѣмъ и самые убѣжденные извѣрились въ своихъ надеждахъ. Жизнь давала явныя доказательства совершенно противоположнаго, машина побѣждала человѣка и наконецъ осилила его совсѣмъ. Теперь уже отъ прежняго фантазированія о «фискѣ» и т. п. не осталось и слѣда, все и всѣ привыкли къ лобогрѣйкѣ какъ къ чему-то такому, безъ чего нельзя и вообразить себѣ существованія самаго незначительнаго южнорусскаго хозяйства. Улеглось ли озлобленіе? Наврядъ ли и, хотя оно не проявляется теперь въ рѣзкихъ формахъ, но Богъ его знаетъ, всегда ли будетъ такъ тихо и гладко. Не нужно, впрочемъ, забывать, что ненависть къ машинамъ, даже при отсутствіи въ наличности того условія, которое мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, т.-е. когда онѣ не вытѣсняли такъ сильно и безвозвратно ручной трудъ, проявлялась при введеніи ихъ не у насъ только. Бодримеръ разсказы-

ваетъ, что въ Бретани крестьяне разбили въ дребезги первую привезенную туда паровую молотилку. И за границею точно такъ же, какъ и у насъ, впослѣдствіи долго любимою забавой рабочихъ было бросаніе втихомолку съ вязкою хлѣба въ молотилочный барабанъ какого-нибудь твердаго предмета; и послѣдній исковеркивалъ внутренность молотилки, которая сама по себѣ, съ точки зрѣнія заработной платы, является для рабочаго машиною совершенно безобидною.

X.

Поговоримъ теперь о пришлыхъ сроковыхъ (включая въ это понятіе и годовыхъ, т.-е. вообще рабочихъ, нанимающихся на опредѣленные сроки) рабочихъ, которые еще въ огромномъ количествѣ находятъ спросъ на свой трудъ въ Новороссіи. Дѣло въ томъ, что машины убили рабочаго, приходившаго на издѣльную работу, главнымъ образомъ на сѣнокосъ и жнива, но на сроковыхъ онѣ отразились нѣсколько иначе. Вѣдь машина сама не работаетъ, около нея все-таки нужны люди, а контингентъ этихъ людей пополняется почти исключительно пришлыми рабочими. Мѣстный крестьянинъ идетъ на помѣщичье поле со своею лобогрѣйкою, но въ батракахъ вы его почти не встрѣтите. Главное вліяніе, не одной уже лобогрѣйки только, но въ связи съ ней и другихъ машинъ, особенно безчисленныхъ молотилокъ, сказалось (о пониженіи заработной платы мы уже говорили) въ прогрессивномъ увеличеніи спроса на трудъ подростковъ, дѣтей и пропорціональное уменьшеніе—на трудъ взрослыхъ рабочихъ. Прежде, когда не было машинъ на рынкѣ и въ экономіи цѣнился только «полный» рабочій, женщины брались въ самомъ незначительномъ количествѣ, въ качествѣ кухарокъ, а мальчики приставлялись только чабанчуками къ стадамъ овецъ, телятниками и свинарями. На настоящую степную работу все это не годилось и, если бы двадцать лѣтъ тому назадъ кому-нибудь изъ помѣщиковъ сказали, что скоро всѣ главнѣйшія полевыя работы будутъ производиться на половину дѣтьми въ возрастѣ отъ тринадцати до восемнадцати лѣтъ, то онъ бы только расхохотался. Между тѣмъ это такъ. Процентъ полурабочихъ, дивчатъ (тоже считающихся полурабочими, причемъ мѣстами дивчата получаютъ денежле настоящихъ полурабочихъ, мѣстами ихъ сравниваютъ въ цѣнѣ) и дѣтишекъ отъ тринадцатилѣтняго возраста, почти вездѣ равняется 50°/₀

общаго числа рабочихъ, повышаясь мѣстами до 75% и даже больше. Приведемъ примѣръ изъ собственнаго опыта. Когда у насъ не было ни одной машины, контингентъ рабочихъ пополнялся *исключительно* взрослыми рабочими. Когда машинное хозяйство установилось и опредѣлилось вполнѣ, изъ тридцати душъ, нанимавшихся постоянно въ Каховкѣ съ 9-го мая по 1-е октября, взрослыхъ «полныхъ» рабочихъ было обыкновенно не болѣе 6—8 человѣкъ, а остальное количество, т.-е. 70%, приходилось на долю полурабочихъ, дивчатъ и хлопчаковъ. Съ этимъ числомъ людей мы производили всѣ лѣтнія экономическія работы, за исключеніемъ только косьбы сѣна, а работы эти заключались въ слѣдующемъ: вспашка и вторичная перепашка (двоеніе) чернаго пара подъ озимую пшеницу—десятинъ около двухсотъ; уборка въ скирды сѣна съ трехсотъ десятинъ степнаго сѣнокоса (въ хорошій годъ около 20.000 пудовъ), уборка всего хлѣба, болѣе четырехсотъ десятинъ, молотьба его и производство части озимаго посѣва, котораго обыкновенно успѣвали сдѣлать къ Покрову, въ силу мѣстныхъ условій, не болѣе половины или трехъ четвертей (десятинъ 100—150). Въ особенно рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно было спѣшить, принанималось на время молотьбы (которая кончалась почти всегда въ концѣ августа или началѣ сентября) нѣсколько поденщиковъ, не болѣе 5 — 6 душъ. Мы позволимъ себѣ предложить вопросъ любому хозяину средней полосы Россіи, какую часть только-что приведенной нами лѣтней работы, при такомъ количествѣ рабочихъ рукъ (не забывайте 70% полурабочихъ и дѣтей) считаетъ онъ возможной къ выполненію тамъ, гдѣ нѣтъ машинъ. Мы даже боимся, что намъ не повѣрятъ, но въ такомъ случаѣ смѣло можемъ сослаться на всѣхъ хозяевъ Новороссіи, особенно Таврической губерніи, гдѣ вообще работа идетъ всегда «по-американски», споръе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Поэтому-то и не удивляешься, когда видишь въ Каховкѣ и на другихъ рынкахъ найма такую массу подростковъ и дѣтворы, которую разбираютъ на-расхватъ: машины, производя автоматически самую главную часть работы, требующую сильныхъ мышцъ и напряженія мускулатуры, открыли широкое поле дѣятельности труду слабосильныхъ, но дешевыхъ рабочихъ-подростковъ. Роль «полнаго» рабочаго свелась при настоящемъ машинномъ хозяйствѣ почти къ ничему. Ихъ главнымъ образомъ ставятъ, какъ людей болѣе опытныхъ, класть скирды, такъ какъ, чтобы сложить правильно, вѣрно и красиво

массу въ 40—50 огромныхъ южнорусскихъ арбъ сѣна, нужно обладать извѣстнымъ умѣньемъ, которое дается практикою и котораго отъ полурабочаго требовать нельзя. Затѣмъ, они употребляются въ качествѣ «возіевъ», такъ какъ быстрѣе накладываютъ въ степи мажары хлѣба, которыя идутъ къ молотилкѣ А затѣмъ посмотрите, какимъ образомъ складывается вся лѣтняя работа, въ томъ порядкѣ, въ какомъ она происходитъ: весенняя пахота—за плугами ходятъ полурабочіе, погоничами—дивчата и хлопчаки. Въ небольшой экономіи, если нѣтъ особаго табороваго прикащика, сюда даютъ одного или двухъ опытныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ для присмотра и руководства, на случай поломки плуга, порчи шеи у вола и тому подобнаго, въ этомъ же родѣ. Двоеніе трехлемешками—полурабочіе съ однимъ рабочимъ. Эта работа почти всегда совпадаетъ со временемъ уборки хлѣба и идетъ съ нею параллельно. Погоничами при машинахъ — хлопчаки, сзади, на сидѣньи лобогрѣйки отбрасывающіе—полурабочіе, копильщики—полурабочіе и дивчата, на конныхъ грабляхъ—тоже. Молотьба и посѣвъ происходятъ въ томъ же порядкѣ. Конечно, эти 6—8 полныхъ рабочихъ, процентъ принятый нами, понемногу мѣшались вездѣ и на нихъ смотрѣли не какъ на большую рабочую силу,—работу они исполняли ту же, что и полурабочіе,—а какъ на болѣе опытныхъ людей, которые, въ случаѣ какого-либо затрудненія, поломки и т. п. скорѣе найдутся. Но попадаются сплошь и рядомъ мелкія хозяйства, гдѣ изъ десяти рабочихъ «полный» только одинъ, остальные—все подростки. Да и смѣшно ставить въ самомъ дѣлѣ здороваго молодца гонять воловъ въ плугѣ, или лошадей въ лобогрѣйкѣ, или еще на тысячу подобныхъ работъ. Его дѣло прогуляться съ косою, «размахнись рука, разойдись плечо»; но что же будете дѣлать, если по нынѣшнимъ временамъ коса на югѣ вышла совсѣмъ изъ моды. Даже при паровой молотилкѣ «полныхъ рабочихъ» нужно немного. Прежде играли они большую роль въ качествѣ «барабанщиковъ», подавая хлѣбъ въ пасть молотилки, но теперь барабанщиковъ упраздняютъ, такъ какъ вездѣ понемногу переходятъ къ механическимъ самоподавателямъ. Это лучше и незамѣнимо въ томъ отношеніи, что при самоподавателѣ не будетъ тѣхъ многочисленныхъ оторванныхъ рукъ и ногъ, которыя нерѣдко выхватываетъ у барабанщиковъ машина *). Во-

*) Таврическое губернское земское собраніе послѣдней сессіи постановило сдѣлать самоподаватели обязательными.

обще процентъ полурабочихъ и подростковъ обоего пола (женщины составляютъ чуть не половину), нанимаемыхъ въ лѣтній срокъ, все болѣе и болѣе увеличивается на счетъ взрослыхъ рабочихъ. Особенно эта разница въ пользу полурабочихъ велика въ мелкихъ и среднихъ хозяйствахъ; въ самыхъ крупныхъ она меньше, по большей части не превышаетъ 20 — 30%; въ мелкихъ же и среднихъ доходитъ до 70—80%. Формулу эту нельзя примѣнить къ зимнему сроку, когда почти вездѣ остаются одни полные рабочіе. Но объ этомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Итакъ, попробуемъ прослѣдить жизнь сроковыхъ рабочихъ. Нанявшись въ Каховкѣ, имъ приходится еще добираться до мѣста служенія иногда три, четыре дня, если экономія лежитъ гдѣ-нибудь верстъ за двѣсти, въ Крыму. Впрочемъ, этотъ путь имъ приходится въ очень рѣдкихъ случаяхъ совершать пѣшкомъ, хозяинъ дорожитъ временемъ и сажаетъ рабочихъ на свои подводы, запряженныя лошадьми, иногда верблюдами, и только изъ ближайшихъ экономій—волами. О харчахъ онъ не заботится и рабочіе должны сами думать объ этомъ въ дорогѣ. «Ты ще мыні нэ робывъ, а я вже тэбэ годувать буду», говоритъ въ такихъ случаяхъ хозяинъ. Но вотъ, послѣ болѣе или менѣе длинной дороги, прибыли на мѣсто. Въ особенно большихъ экономіяхъ перекличка, провѣрка и разбивка рабочихъ тянется дня два-три, да и не легко сразу распредѣлить и наладить въ дѣло массу людей. Читателю можетъ-быть покажется непонятнымъ самое слово «разбивка», потому мы постараемся здѣсь объяснить его. Въ такихъ хозяйствахъ, при площадяхъ въ десятки тысячъ десятинъ, вся рабочая жизнь сосредоточивается въ степи. Въ самой экономіи обыкновенно остаются только мастеровые, небольшой штатъ дворовыхъ рабочихъ, да дѣвки, назначенныя въ сады и огороды. Все остальное—круглое лѣто, отъ самаго дня прихода и вплоть до Покрова, проводитъ въ различныхъ пунктахъ степи, на такъ называемыхъ «таборахъ». Табором называется мѣстопребываніе рабочихъ среди голой степи. Наружный видъ табора очень не казистъ: бочка-двѣ воды, которую возятъ сюда изъ ближайшаго колодца, «палубъ»—оригинальный походный буфетъ, гдѣ хранятся выданные сразу на нѣсколько дней харчи и иногда находится миніатюрная клѣтка-кабинетъ для прикащика. Этотъ «палубъ» похожъ на что-то вродѣ глухаго катафалка и стоитъ на колесахъ, въ видахъ удобства передвиженія его. Затѣмъ—затѣмъ больше ничего. Въ сто-

ронѣ выкопаны прямо въ землѣ «кабыци», надъ которыми варится три или четыре раза въ день «йижа». Сюда на ночь пригоняютъ косилки, если это таборъ косарей, плуги, если орачей и т. д. Вся рабочая масса, доходящая при большихъ таборахъ до 150—200 душъ, располагается прямо на землѣ въ повалку, подъ открытымъ небомъ. Легко себѣ представить всю прелесть этого положенія, когда пойдетъ ночью проливной дождь. Косарямъ и таборамъ при молотилкахъ еще сравнительно лучше живется, они всегда могутъ подостлать себѣ сѣна или соломы, но орачамъ и другимъ приходится скверно. И покрываломъ и постелью долженъ служить одинъ и тотъ же тощій сѣрякъ или короткая, до колѣнъ суконная «юбка», а при такихъ условіяхъ поневолѣ защелкаешь зубами, когда рѣзкіе сентябрьскіе дожди начнутъ донимать въ перемежку съ утренниками: некуда спрятаться, негдѣ согрѣться. Въ небольшихъ и среднихъ экономіяхъ происходитъ та же самая исторія, только таборы гораздо незначительнѣе, душъ въ 15—30 и въ положеніи рабочихъ есть маленькая разница. Въ крупномъ хозяйствѣ рабочій, назначенный въ какой-либо таборъ, часто отбываетъ на немъ до самаго разсчета, чуть ли не на одной и той же работѣ. Разъ онъ попалъ къ орачамъ, то уже исключительно пашетъ все лѣто. Или же, побывши до начала іюля безперемѣнно у лобогрѣекъ, переходитъ со всѣмъ табором къ паровой машинѣ, около которой и остается вплоть до Покрова. Здѣсь работа, такъ сказать, болѣе спеціализируется, принимаетъ монотонный характеръ повторенія изо-дня въ день одного и того же. Въ самомъ дѣлѣ, извольтека попробовать три мѣсяца поработать у паровой молотилки,—это не шутка. Таборы переходятъ съ мѣста на мѣсто, но работа остается та же и происходитъ вся въ степи, вдали отъ экономіи. Въ хозяйствахъ небольшихъ и среднихъ, рабочій въ этомъ отношеніи поставленъ въ болѣе благопріятныя условія и его работа чередуется сообразно порядку лѣтней страды: съ половины мая до половины іюня онъ частью пашетъ, частью убираетъ сѣнокосъ, слѣдующій мѣсяцъ на жнивахъ, затѣмъ молотьба, а послѣ посѣвъ. Вотъ четыре періода главнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ работъ въ Новороссіи. Все это время онъ тоже находится на таборѣ, за исключеніемъ сезона молотьбы, которая въ небольшихъ хозяйствахъ происходитъ почти вся около самой экономіи, а въ крупныхъ по большей части вблизи мѣста посѣвовъ, на нѣсколькихъ пунктахъ, куда свозится хлѣбъ и которые

вообще называются «гарманами», но все-таки его работа не такъ монотонна и однообразна, а кто наблюдалъ, тотъ знаетъ, какъ много это значитъ и какъ рабочій, остающійся долго при одномъ дѣлѣ, начинаетъ «скучать». Наконецъ, если поливший дождь остановилъ работу дня на два, рабочаго сейчасъ же снимаютъ съ табора въ экономію и находятъ здѣсь какую-либо починку стѣнъ, свозку мусора, вообще какое-нибудь занятіе при дворѣ. Въ большихъ хозяйствахъ это дѣлать немыслимо; снимать таборы за 15—20 верстъ, съ установленной работы, ради какихъ-либо двухъ-трехъ дней невольнаго перерыва, не имѣетъ смысла и люди, хотя и „отдыхаютъ“ все это время, но такой отдыхъ подъ дождемъ и вѣтромъ, чуть ли не въ грязи, ничего завиднаго не представляетъ. Намъ приходилось слышать отъ рабочихъ, что у нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ имъ урѣзывали чуть ли не въ половину обычный паекъ, когда дожди принимали черезчуръ постоянный характеръ, и морили голодомъ, точно они были виноваты въ томъ, что творилось на небесахъ. Это очень остроумное изобрѣтеніе и хорошее средство «загонять экономію», хотя часто оно приводитъ къ совершенно противуположнымъ результатамъ, нежели ожидаютъ степные финансисты.

Что касается до рабочаго дня, то онъ почти вездѣ одинаковъ, начинается съ разсвѣтомъ и кончается съ заходомъ солнца, или даже съ полнымъ наступленіемъ сумерекъ. Въ восемь часовъ утра дается первый перерывъ въ полчаса на „сниданокъ“, т. е. завтракъ, въ двѣнадцать—обѣдъ, въ четыре пополудни—полудникъ. Здѣсь нужно будетъ отмѣтить отдѣльно послѣобѣденный отдыхъ, который играетъ такую огромную роль въ дѣлѣ возстановленія силъ и вообще подкрѣпленія. Въ отношеніи этого отдыха, въ крупныхъ хозяйствахъ рабочіе поставлены въ болѣе лучшія условія: часовой послѣобѣденный отдыхъ (всего полтора часа, считая полчаса на самый обѣдъ и часъ на сонъ) дается здѣсь на всѣхъ работахъ часто вплоть до Семена, т. е. до 1-го сентября, и прекращается только въ сентябрѣ, когда впрочемъ и дни становятся уже много короче. Въ большинствѣ же мелкихъ и среднихъ хозяйствъ позволяютъ отдыхать вволю, иногда по два часа, только во время пахоты, т. е. при самой легкой работѣ, не вызывающей почти никакого утомленія и происходящей къ тому же еще не въ особенно жаркое время. Объясняется это, конечно, не вниманіемъ хозяевъ къ рабочимъ, а просто заботливостью о волахъ

или лошадяхъ, которые въ плугахъ работаютъ безъ перемѣны и которыхъ нужно среди дня напоить и покормить. Но только начались жнива—и отдыхъ побоку. Въ машинахъ скотъ работаетъ на двѣ перемѣны, одна—до обѣда, другая—послѣ, а при такихъ условіяхъ стоитъ ли думать о людяхъ? И вотъ, послѣ обѣда рабочимъ дается время только выкурить трубку — и они уже снова на лобогрѣйкахъ, подъ прямыми лучами іюльскаго солнца, когда Реомюръ показываетъ болѣе 40°, когда въ раскаленномъ воздухѣ ничто не шевельнетъ и даже у сидящаго подъ палубомъ прикащика потъ льется градомъ. Какая масса въ это время выпивается воды, это даже приблизительно опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ пословица, гласящая: „человѣкъ не скотина, больше ведра не выпьетъ“,—здѣсь врядъ ли примѣнима. Затѣмъ объ отдыхѣ во время молотьбы уже и говорить нечего,—его тоже нѣтъ. Часть хозяевъ, весьма впрочемъ незначительная, отбирая у рабочаго слѣдуемый ему по праву отдыхъ, замѣняетъ его вечернею рюмкою водки. Разумѣется, нечего говорить, что даже при этой рюмкѣ владѣльцы не въ убыткѣ, покупая за пятакъ цѣлый часъ работы. Но большинство и эту рюмку, которая, къ слову сказать, высоко цѣнится рабочими, считаютъ излишнимъ баловствомъ. Если мы захотимъ подвести итоги настоящему рабочему дню, то найдемъ, что онъ равняется въ самое горячее и трудное время 14—15 часамъ, начинаясь въ половинѣ 4-го часа утра и продолжаясь до 8 часовъ вечера, съ тремя указанными перерывами. Время пахоты и озимыхъ посѣвовъ сюда не относится. Пятнадцать часовъ работы въ южной степи, во время тропической жары, при далеко неблагопріятной обстановкѣ, и, нужно сказать правду, довольно скверномъ питаніи — это такая вещь, которую можетъ вынести только русскій мужикъ, тотъ самый мужикъ, который въ свое время дѣлается «чудо-богатыремъ», русскимъ солдатомъ.

Какъ же оплачивается этотъ трудъ? Въ книгѣ г. Короленка, въ графѣ «средняя плата годовымъ рабочимъ», Таврическая губернія поставлена на первомъ мѣстѣ: нормою средней годовой платы рабочему г. Короленко считаетъ 104 р. *). Между тѣмъ, какъ въ двухъ рядомъ лежа-

*) По даннымъ, собраннымъ нами за послѣдніе три года, среднею годовою платой сельско-хозяйственному рабочему въ Таврической губерніи можно считать, для полнаго рабочаго равною 70—90 руб., дѣвушкамъ и полурабочимъ 50—70 руб. и мальчикамъ до 16—17 лѣтняго возраста—35—50 руб. Мы пересмотрѣли рабочія книги во многихъ экономіяхъ и, на основаніи полученныхъ

щихъ степныхъ новороссійскихъ губерніяхъ она значительно ниже: въ Екатеринославской и Херсонской—восемьдесятъ рублей. Намъ кажется, что матеріалы, послужившіе г. Короленкѣ для опредѣленія показанной нормы, немного устарѣли и теперь, по величинѣ средней заработной платы, Таврическая губернія должна уступить свое первенству-

---

данныхъ, приводимъ эти цифры. Несмотря на то, что пришлось пересмотрѣть списки сотенъ годовыхъ рабочихъ, мы не нашли ни одного, который бы получалъ сто и свыше ста рублей. Разъ только въ графѣ появлялась такая цифра, то впередъ можно было сказать, что рѣчь идетъ о какомъ-либо спеціалистѣ, т.-е. колодезникѣ, чобанѣ, каменщикѣ, плотникѣ, кузнецѣ, вообще о мастеровомъ, но не объ обыкновенномъ сельско-хозяйственномъ чернорабочемъ. Поэтому мы и удивляемся, на основаніи какихъ вычисленій г. Короленко указалъ эту среднюю годовую плату, въ сто четыре рубля. Ее можно взять только для исключительныхъ годовъ, которые теперь врядъ ли повторятся, т. е. не самые годы, а условія требованія на рабочихъ, сопровождавшія ихъ. Если же говорить о томъ, что было прежде, то придется указать и на такіе случаи, когда поденщики въ нѣкоторые годы, начиная съ мая сѣнокосами, кончая въ октябрѣ ломкою соли, и безпрерывно работая все лѣто, вырабатывали только за лѣто по двѣсти рублей на брата. У колонистовъ и у мужиковъ, держащихъ по одному годовому рабочему „на выборъ“, и теперь встрѣчается годовая плата, превышающая сто рублей (доходитъ даже до полутораста), но вѣдь это все немногія исключенія и на нихъ нельзя строить „норму“ и дѣлать средніе выводы. У нѣмцевъ даже очень нерѣдко годовой рабочій, изъ давнослужащихъ и хорошо извѣстныхъ хозяину, выручаетъ до двухсотъ и больше рублей въ годъ и происходитъ это такъ: помимо денежнаго жалованья, хозяинъ сѣетъ ему „на счастье“ gratis десятину пшеницы, при чемъ рабочій уплачиваетъ только стоимость сѣмянъ и затѣмъ все, что уродится—принадлежитъ ему. Попадаются годы, когда съ десятины получается 10—15 четвертей, и вотъ стоимость этого урожая, плюсъ денежное жалованіе составляютъ очень порядочную сумму. Конечно, въ экономіяхъ ничего подобнаго нѣтъ, да и быть не можетъ, но настоящіе „нѣмецкіе“ рабочіе никогда и не пойдутъ служить въ экономію, они представляютъ изъ себя отборныхъ, лучшихъ людей, они не боятся труда, отличаются трезвостью, хозяйственностью, крайнею добросовѣстностью, поэтому то имъ и не рука наниматься въ экономію, гдѣ всѣ приведены къ одному знаменателю и въ отношеніи работы, и въ отношеніи заработной платы. Постоянное пребываніе у нѣмцевъ-колонистовъ часто кончается тѣмъ, что замѣчательно легко ассимилирующіеся малороссы-рабочіе сами превращаются въ какихъ-то нѣмцевъ. Начинаютъ одѣваться какъ колонисты, брѣютъ усы и бороду и настолько привыкаютъ къ нѣмецкому языку, что даже забываютъ свой. Намъ приходилось встрѣчать удивительные примѣры ассимилировавшихся хохловъ, и не только у нѣмцевъ, но и между татарами. За то великороссъ напротивъ, всегда и вездѣ остается самимъ собою.

ющее мѣсто скорѣе всего Черноморью. Лѣтъ пять тому назадъ, цифра, приведенная г. Короленкомъ, не вызвала бы ни малѣйшаго сомнѣнія, но за эти годы много воды утекло. Заработная плата уже не дѣлаетъ такихъ скачковъ, какіе дѣлала прежде, норма ея почти установилась и даже хорошій урожай оказываетъ на нее очень слабое вліяніе. Попробуемъ привести приблизительную табличку заработной платы лѣтняго срокового изъ книгъ нашего хозяйства:

	Рабочему	Полурабочему.	Дѣвушкѣ.	Хлопчаку.
1884 г. . . . . (Урожай средн.)	70—60	Срокъ съ 9 мая по 10 окт.	—	—
1885 г.	55—48	36	36	20—22

(Урожай въ нашемъ районѣ средній, въ остальныхъ мѣстахъ плохой.)

	Рабочему.	Полурабоч.	Дѣвкѣ.	Хлопчаку.
1886 г.	60—65	48	48	22—25 (урожай выше сред.)
1887 „	45	35	30	15—18 (плохой урожай).
1888 „	80—90	60—65	60—65	28—35 (повсемѣстно отличный урожай).
1889 „	60	40—45	40	20—25 (средній).
1890	45—50	30—35	30—35	16—22 (средній).

Начиная съ 1888 года, эта установившаяся норма 45—50 рублей лѣтней заработной платы взрослому рабочему, почти остается безъ измѣненій до настоящаго времени, и даже очень хорошій урожай прошедшаго года повысилъ ее всего на какихъ-нибудь 10%. 1889 годъ нельзя брать для сравненія, такъ какъ онъ далъ высокія цѣны при урожаѣ среднемъ, такъ сказать, по инерціи предыдущаго года и еще отчасти отъ того, что рабочихъ явилось послѣ крупныхъ заработковъ 1888 года сравнительно очень немного. И можно смѣло сказать, что и на будущее время установившаяся и держащаяся уже въ продолженіе пятилѣтія заработная плата, не будетъ подвергаться рѣзкимъ колебаніямъ и разница будетъ выражаться всего въ пяти рубляхъ больше или меньше нормы. Приведенныя нами цѣны могутъ считаться общими для среднихъ владѣльческихъ хозяйствъ. Не желая утомлять читателя длинными выписками цифръ, собранныхъ нами въ различныхъ экономіямъ, мы можемъ сказать, что плата въ крупныхъ хозяйствахъ почти всегда 10% ниже. Что касается до крестьянъ и нѣмцевъ-колонистовъ, берущихъ рабочихъ не артелями, а одиночками,

то эти платятъ зачастую 10 и даже 20 рублями дороже, но тутъ играютъ роль постороннія соображенія: если рабочій лично извѣстенъ нанимателю съ хорошей стороны, служилъ у него раньше, то онъ не въ примѣръ прочимъ получаетъ значительно большую плату, чего почти не дѣлаютъ экономіи, подводящія всѣхъ подъ одинъ ранжиръ, да къ тому же и работа тамъ много труднѣе. Особенно не пропорціонально-высокія цѣны у такихъ мелкихъ хозяевъ получаютъ дѣвки. Намъ приходилось встрѣчать примѣры, что мужики-хуторяне нанимали въ Каховкѣ дѣвокъ по 45 рублей, въ то время какъ въ экономіи ихъ брали по 30 рублей, а 45 рублей платили рабочимъ *). Но у хуторянина свой разсчетъ: онъ беретъ дѣвокъ на выборъ и вытягиваетъ изъ нихъ бо́льшую сумму работы, нежели съ любаго рабочаго. Дѣвка у него не знаетъ, какъ говорятъ сами онѣ, «ни дня, ни ночи», ее и въ праздники гоняютъ съ какою-нибудь «хозяйственною работой» съ утра до вечера. Тамъ, гдѣ рабочій протестовалъ бы противъ нарушенія его правъ, дѣвка безпрекословно исполняетъ всѣ приказанія, и вотъ на эту-то безропотность и безпомощность и бьютъ главнымъ образомъ мужики-хуторяне, являющіеся, повторяемъ еще разъ, самыми злыми эксплуататорами. Многіе изъ нихъ избѣгаютъ совершенно рабочихъ и набираютъ душъ по пяти-семи однихъ дѣвокъ. Что приходится терпѣть этимъ несчастнымъ, которыхъ можно и колотить втихомолку, куда пойдетъ дѣвка, не знающая ничего, дальше двора своего хозяина—жаловаться, объ этомъ не стоитъ и говорить. Но очевидно, всякому долготерпѣнію, всякой безропотности есть границы, и въ прошломъ году мы встрѣчали дивчатъ, которыя бѣжали отъ хуторянъ въ первую же недѣлю послѣ ярмарки и прибивались въ ближайшія экономіи.

Собственно говоря, мы взяли общія цѣны, но нужно замѣтить, что небольшія и среднія хозяйства часто очень строго сортируютъ полурабочихъ, дивчатъ и хлопчаковъ. Прежде всего сообразуются съ наружнымъ видомъ и затѣмъ съ лѣтами. Предположимъ, что въ какомъ-либо каховскомъ дворѣ, помѣщикъ или его прикащикъ объявилъ цѣны и «набираетъ людей», т.-е. беретъ у всѣхъ

*) Кромѣ этого литвины, т.-е. пришельцы изъ сѣверной полосы Черниговской губерніи, почти всегда получаютъ плату нѣсколькими рублями ниже хохловъ, такъ какъ считаются худшими рабочими.

паспорты и выдаетъ задатки. Полурабочему, скажемъ, онъ назначилъ сорокъ рублей, дѣвкѣ тридцать пять рублей. Но вотъ подходитъ парубокъ, немного «щуплый» на видъ и тычетъ свой «билетъ». «Эге, хлопче, ты щось дуже захлявъ,—говоритъ нанимающій,—тобі пять карбованцівъ меньше, на дівчачью ціну». — «Та мыні, дядько, вже двадцать два года; я вже прізывъ перебувъ (т. е. бралъ жребій для отбыванія воинской повинности), ось подывытьця въ білеті».—«Та то не мое діло,—отвѣчаетъ наниматель,—не білетъ мыні буде робыть, а ты»... Случается и наоборотъ. Подходитъ дылда чуть не сажень въ плечахъ, стройный, сильный,—такого за глаза можно взять полнымъ рабочимъ. Наниматель въ недоумѣніи, но увидя въ паспортѣ, что богатырю всего семнадцать, восемнадцать лѣтъ, старается и у него урвать пять рублей. «Що-жъ съ того, що ты велыкій,—говоритъ онъ,—и лобода велыка, та дурна, літа твоі дуже молоды; ты ще дытына, на важку работу не можно тебэ ставыть». Лѣта, которые только-что въ предыдущемъ случаѣ считались не имѣющими ни малѣйшаго значенія, теперь пріобрѣтаютъ первенствующую роль. Напоминаніе о невозможности ставить «на важну работу», разумѣется, одна только фраза, которая забывается сейчасъ же по пріѣздѣ въ экономію, гдѣ «дытыну» начнутъ жарить и въ хвостъ и въ гриву, до таскапія пяти пудовыхъ мѣшковъ «на горище» включительно. Такая же исторія повторяется и съ дѣвками, которымъ, чуть только показано въ паспортѣ 15—16 лѣтъ, такъ сейчасъ же скащиваютъ цѣну. Хохлы раскусили эту штуку и прибѣгаютъ теперь къ хитрой уловкѣ: при взятіи паспортовъ въ волости несовершеннолѣтнимъ, особенно дѣвкамъ, возрастъ которыхъ никѣмъ не контролируется, такъ какъ въ солдаты имъ не идти, и часто имъ даже самимъ неизвѣстенъ, они просятъ накидывать имъ годика по два. Конечно, волостные писаря меньше всего отъ этого въ убыткѣ и, получая обильные хабары, въ видѣ двугривенныхъ, охотно пишутъ вмѣсто пятнадцати—семнадцать лѣтъ. Они до того вошли во вкусъ неожиданно посланныхъ судьбою заработковъ, что даже занимаются вымогательствомъ, стращая дѣвокъ старшаго возраста, что запишутъ имъ въ билетѣ пятнадцать лѣтъ. Особенно практикуется это въ чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, откуда уходитъ въ Новороссію масса женщинъ. Но затѣмъ паспортъ просто изъ года въ годъ переписывается въ той же самой формѣ,—нужны только семнадцать лѣтъ,—и вотъ часто дѣвка, приходящая къ вамъ три-четыре года подрядъ, по

паспорту все значится семнадцатилѣтнею. Иногда и старики, которые большею частью нанимаются ни въ рабочіе, ни въ полурабочіе, не прочь схитрить и просятъ писаря скинуть имъ пятокъ лѣтъ,—все можетъ трешница лишняя на жалованье набѣжитъ. Съ молодежью мужскаго пола такіе фокусы продѣлывать труднѣе, такъ какъ лѣта ея хорошо извѣстны въ волости и хлопцамъ въ опредѣленномъ возрастѣ, года за три до призыва, паспорты выдаются на красной бумагѣ. Но съ хлопчаками, пока они еще «бѣлобилетные», плутуютъ потихоньку. Этихъ хлопчаковъ, которые теперь играютъ такую большую роль въ южнорусскомъ машинномъ хозяйствѣ, при наймѣ сортируютъ какъ поросятъ. Получаютъ они почти всегда половину платы полурабочаго или 60% ея, но нужно видѣть этихъ бѣдовыхъ, проворныхъ мальчишекъ въ дѣлѣ, какъ ловко они гоняютъ цѣлую упряжку въ плугѣ, какъ смѣло ловятъ и «лыгаютъ налыгачами» воловъ, еле доставая рученками до ихъ роговъ. Ихъ работою часто можно залюбоваться. И главное—имъ приходится еще меньше отдыхать, чѣмъ другимъ, такъ какъ въ то время какъ другіе, въ періодъ оранки, послѣ обѣда имѣютъ возможность поспать, хлопчаки пасутъ выпряженныхъ воловъ, или гонятъ ихъ на водопой. — И ничего, мальчуганы отлично выдерживаютъ даже такую тяжелую работу, какую приходится имъ выполнять въ качествѣ погоничей при лобогрѣйкахъ, во время жатвы хлѣба, когда острая, густая стерня изранивaетъ босыя ноги, а обуть тяжелые полупудовые «чоботы»—и думать нечего.

Мы не можемъ согласиться съ г. Короленкомъ, что средняя плата годовому рабочему въ Таврической губерніи равна 104 руб. Это было, но тѣ времена прошли и не вернутся снова. Послѣдній годъ 1888-й, когда рабочій получалъ за лѣтній срокъ 80 — 90 руб. и за зимній 60 рублей. Но это былъ такой исключительный годъ, что многіе владѣльцы вынуждены были уже сейчасъ же послѣ Покрова отправиться за наемкою зимнихъ рабочихъ во внутреннія губерніи, такъ какъ лѣтніе сроковые, заработавши хорошую деньгу и зная, что дóма хорошій урожай, ушли почти поголовно, несмотря на заманчивыя предложенія. Но теперь, взявши за норму платы лѣтнему сроковому 50 р. *),

*) Это—средняя цифра, но вѣдь часто она падаетъ. Лѣтній заработокъ срокового въ 1891 и 1892 годахъ рѣдко, какъ исключеніе только въ нѣкоторыхъ раіонахъ, доходилъ до 50 руб., а въ большинствѣ не превышалъ 40 рублей.

а зимнему 40 рублей (по даннымъ послѣдняго пятилѣтія), мы смѣло можемъ положить за среднюю плату годовому рабочему въ Таврической губерніи цифру 90 рублей, которая при колебаніяхъ опустится до 80 руб., и такимъ образомъ Таврическая губернія въ этомъ отношеніи почти совершенно сравнялась съ Херсонскою, если данныя г. Короленко относительно послѣдней отвѣчаютъ истинѣ.

Попробуемъ теперь въ pendant привести годовой заработокъ сельскохозяйственнаго рабочаго въ губерніяхъ, поставляющихъ намъ главный контингентъ рабочихъ. Въ Полтавской губерніи онъ выражается въ цифрѣ 60 рублей, Кіевской—51 руб. и Черниговской 50 руб. Такимъ образомъ разница хотя и уменьшилась, но все-таки еще достаточно велика, чтобы тянуть рабочаго на югъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще ту сумму, которую рабочій тратитъ на дорожные расходы, и притомъ примѣнительно къ лѣтнему заработку, такъ какъ три четверти пришедшихъ на Покровъ уходитъ домой и при этомъ обратномъ движеніи всѣ пользуются услугами желѣзной дороги и (кому съ руки) пароходами. А эти расходы не малы. Хотя къ Покрову желѣзная дорога составляетъ спеціальные рабочіе поѣзда, съ платою по $^3/_4$ копѣйки съ пассажира и съ версты, но въ общемъ это обходится до Екатеринослава (главный пунктъ, а оттуда по Днѣпру) не дешевле трехъ-четырехъ рублей. Къ тому же рабочему нужно теперь харчиться за готовыя деньги, а это не то, когда онъ шелъ изъ дому,—экономія ему запасовъ на дорогу не даетъ. А рабочій поѣздъ, какъ на зло, двигается впередъ страшно медленно, на каждой станціи стоитъ цѣлые часы, маневрируетъ. Сбрасывая для рабочихъ половину тарифа третьяго класса, желѣзная дорога грузитъ этотъ живой товаръ прямо въ товарные вагоны. Народъ набивается въ вагоны, словно сельди въ бочку, приспособленій никакихъ нѣтъ, вечеромъ даже свѣчей не даютъ и тащутъ двое сутокъ разстояніе, которое можно легко пройдти въ полдня. Въ концѣ концовъ все это называется «благодѣяніемъ».

Дорожный расходъ въ оба конца чистыми деньгами рабочему стóитъ не менѣе пяти-десяти рублей. Это мы говоримъ только о тѣхъ, которые добрались до мѣста per pedes apostolorum и питались тѣмъ, что взяли изъ дому. Вычтите эти деньги изъ лѣтняго заработка и въ результатѣ получится для рабочаго 35—40 рублей, полурабочему и дѣвкѣ—30—25 рублей, а хлопчаку, которому приходится платить за дорогу такъ же, какъ и другимъ, всего какая-нибудь десятка. Это за безпрерывный, каторжный трудъ

въ теченіе $4^1/_2$ мѣсяцевъ, мѣсяцевъ съ пятнадцати часовыми рабочими днями, при такой температурѣ, отъ которой нерѣдко съ людьми дѣлаются солнечные удары при полумѣсячномъ путешествіи пѣшкомъ. Замѣтьте, что такіе результаты получаются только въ томъ случаѣ, если рабочій не болѣлъ и не подвергался всевозможнымъ вычетамъ—штрафамъ. Эти штрафы составляютъ одно изъ главныхъ золъ нашихъ экономій; многіе хозяева пользуются своимъ, ни на чемъ не основаннымъ, правомъ слишкомъ широко, и, разумѣется, несправедливые штрафы служатъ одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ «бунтовъ». Собственно говоря, трудно сказать, существуетъ ли какая-либо общепринятая система штрафовъ или вычетовъ: здѣсь каждый руководствуется своимъ вкусомъ и аппетитомъ, благо «своя рука — владыка». Мы лично всегда избѣгали штрафовать рабочаго за каждый пустякъ, подвергали его вычетамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря прямо-таки его небрежности, портилась и ломалась какая-нибудь экономическая вещь, причемъ бралась дѣйствительная стоимость починки этой вещи, а не засчитывался рубль за два, какъ это дѣлаютъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, многіе. Если рабочій болѣлъ день-два, это почти всегда ему не засчитывалось, при болѣзни же болѣе продолжительной, дѣлался вычетъ по разсчету жалованья. Прогульные дни, происшедшіе благодаря пьянству (что́, впрочемъ, случалось очень рѣдко и только исключительно съ бурлаками), записывались вдвое, какъ бы въ наказаніе. Намъ кажется, что очень правильно поставлено это дѣло и у С. Фальцъ-Фейнъ (эту фамилію мы приводимъ здѣсь нѣсколько разъ по слѣдующимъ причинамъ: г-жа Фальцъ-Фейнъ—самая крупная землевладѣлица въ Новороссіи и хозяйство ея, несмотря на свои колоссальные размѣры, можетъ служить образчикомъ порядка и благоустройства), гдѣ прогульные дни засчитываются рабочему по общему разсчету его сроковаго или годоваго жалованья: если по этому разсчету ему приходится тридцать копѣекъ въ день, то эта самая сумма и вычитается. Но у большинства далеко не такъ: прогулъ, хотя бы происшедшій несомнѣнно по болѣзни, всегда обходится рабочему очень дорого, ему его высчитываютъ вдвое-втрое дороже нормальнаго. Другое явленіе, съ которымъ тоже довольно часто приходится встрѣчаться, это обсчитываніе рабочихъ при разсчетѣ, что уже больше практикуется тамъ, гдѣ орудуютъ управляющіе, прикащики и конторщики, народъ вообще насчетъ нравственныхъ убѣжденій очень откро-

венный. Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ говорилъ намъ по этому вопросу, что прежде съ этимъ зломъ приходилось бороться очень серьезно. При тысячахъ сроковыхъ рабочихъ, операція обсчитыванія давала хорошіе барыши экономической администраціи и соблазнъ стоилъ риска, тѣмъ болѣе, что контроль въ данномъ случаѣ является почти невозможнымъ. Но года два назадъ, онъ разослалъ по всѣмъ управляемымъ имъ экономіямъ циркуляръ, въ которомъ категорически заявлялъ, что каждый служащій по администраціи, не доплатившій рабочему жалованья, подвергается двойному штрафу, причемъ ко времени крупныхъ общихъ разсчетовъ, во всѣ имѣнія рѣшено было посылать для наблюденія за правильностью разсчета конторщиковъ главной экономіи. Это, кажется, подѣйствовало,—по крайней мѣрѣ не было жалобъ. А то прежде нареканія, вызывавшіяся своекорыстными поступками служащихъ, всецѣло падали на совершенно невиноватаго владѣльца. Вообще штрафы записываются зачастую почти всѣ различными лицами экономической администраціи, до амбарнаго прикащика включительно. Тамъ, гдѣ они идутъ еще на окончательную санкцію владѣльца, размѣръ и количество ихъ можетъ-быть уменьшается, но тамъ, гдѣ владѣлецъ этимъ не интересуется или просто находитъ это въ порядкѣ вещей, тамъ не мало этихъ возмутительно-высокихъ вычетовъ, доходящихъ до 10—20 руб., нерѣдко за самыя пустыя провинности, записывается, въ минуту злости, какою-либо экономическою пѣшкою, вродѣ табороваго прикащика, и приводится въ исполненіе. Въ такихъ случаяхъ личный произволъ лицъ экономической администраціи не знаетъ границъ и первая обязанность хозяина—не игнорировать штрафныхъ журналовъ, а слѣдить за ними самымъ тщательнымъ образомъ и обуздывать не въ мѣру усердныхъ различныхъ экономическихъ церберовъ. Помимо чувства справедливости, въ этомъ заключается его прямой и безусловный интересъ. Вѣдь обиліе несправедливыхъ крупныхъ штрафовъ и всякихъ притѣсненій ведетъ къ недоразумѣніямъ, которыя отражаются исключительно только на благосостояніи и репутаціи самого хозяина, а лица, послужившія главными виновниками этихъ недоразумѣній, остаются въ сторонѣ и мало теряютъ. Вообще, чѣмъ лучше отношенія между хозяиномъ и рабочими, тѣмъ меньше, конечно, причинъ и для самихъ штрафовъ. Но вѣдь и самыя лучшія отношенія можно испортить такимъ путемъ.

Мы знаемъ, что главная масса недоразумѣній между хозяевами и рабочими, недоразумѣній, которымъ совершенно напрасно припису-

ваютъ значеніе «бунтовъ», происходитъ изъ-за недоброкачественныхъ харчей, которыя не принимаетъ даже ко всему привыкшее крестьянское «брюхо», изъ-за штрафовъ, изъ-за черезчуръ рьянаго исполненія своихъ обязанностей приказчиками и другими лицами экономической администраціи, не стѣсняющейся и теперь при всякомъ удобномъ случаѣ прибѣгать къ кулачной расправѣ, которая иногда оканчивается увѣчьями и даже смертью избитыхъ, но намъ ни разу не приходилось слышать, чтобы гдѣ-либо возникло недоразумѣніе изъ-за тѣхъ, по-истинѣ невозможныхъ помѣщеній, которыя служатъ рабочимъ для жилья и называются въ экономіяхъ «казармами». Эти казармы представляютъ изъ себя почти всегда что-то ужасное, невозможное, напоминая порою свиной хлѣвъ и служатъ, кажется, лучшими очагами всевозможныхъ заразныхъ болѣзней, особенно при тѣхъ существующихъ условіяхъ, въ силу которыхъ заболѣвшіе рабочіе никогда почти не отдѣляются и не изолируются въ отдѣльныя помѣщенія, а вылеживаются здѣсь же, рядомъ со здоровыми. Когда больному станетъ ужь очень плохо, хозяинъ спроваживаетъ его въ ближайшую земскую больницу, а то такъ и просто довозитъ до желѣзнодорожнаго вокзала и бросаетъ его здѣсь на произволъ судьбы. Рабовладѣлецъ, у котораго заболѣвалъ негръ, все-таки хотя немного заботился о его здоровьи, такъ какъ боялся въ лицѣ его потерять извѣстный капиталъ. При свободномъ рабочемъ трудѣ, хозяинъ застрахованъ отъ подобной потери и естественная его забота — постараться сплавить больного куда-нибудь изъ экономіи, чтобъ избавиться отъ всевозможныхъ хлопотъ, неразрывно связанныхъ съ его болѣзнью и, можетъ быть, смертью. Судьба и участь человѣка здѣсь не при чемъ,— на первомъ планѣ ставится собственное спокойствіе; но иногда случается, что заболѣвшій умираетъ раньше, нежели успѣютъ его сбыть: тогда этого тифознаго или дифтеритнаго, мучившагося въ агоніи буквально бокъ-о-бокъ со своими товарищами, кладутъ здѣсь же на столъ, на которомъ завтра же опять будутъ ѣсть борщъ и галушки его живые товарищи. Мертваго зарываютъ, тряпки его бросаютъ тутъ же подъ нары, или же ихъ разбираютъ другіе рабочіе; о дезинфекціи или хотя бы какой-либо пародіи на нее никто и не думаетъ. А если, черезъ нѣкоторое время, за умершимъ Иваномъ отправляются втихомолку Стецько и Грыцько, то все ограничивается недоумѣніемъ: «Що воно таке за болячка».

Да, наши рабочія казармы въ массѣ дѣйствительно представляютъ собою прекрасные очаги заразы. Сырость, міазмы, воздухъ, отъ котораго свѣжій человѣкъ можетъ лишиться чувствъ, самыя стѣны, пропитанныя насквозь всякою мерзостью, все это обычная ихъ принадлежность и, замѣчательная вещь, при теперешнемъ стремленіи южнорусскихъ хозяйствъ къ извѣстной степени «образцовости», выражающейся въ улучшеніи породъ домашняго скота и устройствѣ для этого скота иногда по-истинѣ идеальнымъ помѣщеній, однѣ казармы для людей остаются такими же первобытными и невозможными, какими были онѣ всегда. Очевидно, прогрессъ взглядовъ на улучшеніе содержанія лошадей, коровъ и всевозможныхъ іоркширскихъ и беркширскихъ свиней, совершенно обошелъ тѣхъ людей, которые служатъ главнымъ рычагомъ всего этого улучшенія и связаннаго съ нимъ обогащенія. Мы можемъ указать не мало болѣе или менѣе крупныхъ имѣній, гдѣ любопытствующіе туристы могутъ вдоволь налюбоваться конюшнями, устроенными по послѣднему требованію лошадиной науки, свинятниками подъ желѣзными крышами, съ разными украшеніями, гдѣ особо приставленные люди наблюдаютъ за сохраненіемъ безукоризненной чистоты. Все это ему покажутъ съ удовольствіемъ и чувствомъ тщеславія; но ежели онъ пожелаетъ осмотрѣть казарму для рабочихъ, то его постараются отговорить отъ этой неинтересной экскурсіи, а если онъ все-таки настоитъ на своемъ, то будетъ пораженъ тѣмъ контрастомъ между помѣщеніями для животныхъ и людей, который представится его глазамъ. И чѣмъ больше, чѣмъ богаче экономія, тѣмъ рѣзче выступаетъ этотъ контрастъ. Достаточно сказать, что въ казармахъ, устроенныхъ на сто и болѣе душъ, нигдѣ мы не видѣли особаго человѣка, который бы былъ приставленъ спеціально для наблюденія за чистотою, провѣтриваніемъ, уборкою и вообще за содержаніемъ помѣщенія въ мало-мальски приличномъ видѣ. Такого человѣка можно было бы имѣть за какіе-нибудь пятьдесятъ рублей въ годъ, но это — расходъ непроизводительный, а экономіи такихъ расходовъ не любятъ *). Зато около каждаго племеннаго барана или

*) Самимъ же рабочимъ, даже если и предположить желаніе съ ихъ стороны, заниматься этимъ некогда, такъ какъ они до свѣта уходятъ на работы и возвращаются обратно, уже когда темно, настолько утомленными, что имъ конечно не до приборки. Впрочемъ, многіе утверждаютъ самымъ серьезнымъ образомъ, что русскій рабочій не можетъ не жить въ грязи.

бугая, безсмѣнно дежурятъ особые сторожа—и вотъ здѣсь-то чистота и порядокъ составляютъ главную точку хозяйскаго самолюбія и гордости. Начните разговоръ на эту тему, и вамъ начнутъ приводить хвастливыя параллели, какъ было поставлено все это десять лѣтъ тому назадъ и какъ несравненно ушло далеко впередъ теперь. Какое вниманіе обращено на пищу, воздухъ, свѣтъ, однимъ словомъ, на всѣ условія, необходимыя для безпечальнаго существованія четвероногихъ,—все это вымѣрено и провѣрено съ величайшею точностью. Одни только рабочіе не могутъ добиться хотя бы части того вниманія и удобствъ, какими пользуются іоркширскіе борова, и здѣсь уже всякія параллели молчатъ; дѣло нисколько не улучшилось, а можетъ быть еще и ухудшилось, такъ какъ если прежде отецъ нынѣшняго владѣльца мололъ на галушки чистое зерно и пекъ хлѣбъ изъ чистаго жита, кормя своихъ свиней подсѣвками и ячменною мукой, то послѣдній перемѣнилъ теперь это въ обратную сторону: на рабочую кухню для галушекъ сталъ посылать муку изъ самыхъ высѣвокъ и выточекъ, въ хлѣбъ подвалилъ непросѣянной ячменной «дерти» съ «остюками», а чистое зерно отправляетъ на конюшню и въ свинятникъ. Рабочій привыкъ питаться «небритыми галушками», а нѣжный англійскій кнуръ можетъ поцарапать себѣ глотку *).

Въ одной народной „заработной“ пѣснѣ, которую дивчата любятъ пѣть хозяевамъ при обычномъ поднесеніи хлѣбныхъ вѣнковъ и крестовъ, происходящемъ по окончаніи жнивъ, говорится такъ о рабочемъ днѣ въ юмористической формѣ:

А въ нашеі барыні голуба спідныця
Якъ й йдемо мы на работу, не сходыть й зірныця,
А въ нашеі барыні золоты сережкі
Якъ вертаемось зъ работы, не відно и стэжки.

То-есть на работу заставляютъ идти, когда еще не всходитъ утренняя звѣзда (зірныця), а кончаютъ работу въ такое время, когда за вечернею темнотою не видно уже и дороги (стэжки).

*) Вотъ норма ежедневнаго пайка провизіи на каждаго рабочаго въ имѣніяхъ С. Фальцъ-Фейнъ,—норма, которую, при строгомъ надзорѣ за доброкачественностью продуктовъ, можно считать, по нашему мнѣнію, удовлетворительною. Хлѣба чистаго ржаного три фунта, муки пшеничной $^1/_2$ фунта, пшена $^3/_4$ фунта, мяса $^1/_2$ фунта, сала 3 золотника и соли 5 золотниковъ. Изъ этого пайка, съ прибавленіемъ всевозможной зелени, бураковъ, капусты, лука и т. п., для чего во всѣхъ имѣніямъ существуютъ спеціальные огороды, рабочимъ приготовляется четыре раза въ день горячая пища. Но, къ сожалѣ-

Во многихъ экономіяхъ харчи и теперь отпускаются на «глазомѣръ» и этотъ глазомѣръ, разумѣется, очень остороженъ, что ведетъ къ вѣчнымъ спорамъ и ссорамъ, или же отпускаютъ хотя по вѣсу, но очень скудно и скверныхъ продуктовъ. Ржавое или провонявшееся свиное сало, червивую тарань, пшено съ пескомъ всегда можно купить не въ примѣръ дешевле, почему же не воспользоваться «хорошему» экономному хозяину удобнымъ случаемъ? Онъ и пользуется.

Вотъ характерная выдержка изъ одного протокола (ихъ было составлено много), составленнаго прошедшимъ лѣтомъ земскимъ начальникомъ 6-го участка мелитопольскаго уѣзда, вслѣдствіе частныхъ жалобъ рабочихъ на экономическое продовольствіе: «Причиной оставленія службы, констатируетъ г. земскій начальникъ, были плохіе харчи, а именно: воду для питья и кушанья берутъ изъ колодца и сливаютъ въ бассейнъ, который содержится весьма грязно: въ водѣ плаваютъ перья, палки; грязь на днѣ бассейна; вода въ бассейнѣ цвѣтетъ и издаетъ дурной запахъ. Ѣда состоитъ изъ слѣдующаго: утромъ, какъ станетъ разсвѣтать, высылаютъ на тощій желудокъ на работу и въ первый разъ даютъ ѣсть въ девять часовъ утра завтракъ (снѣданіе), состоящій изъ кандера (пшенная жидкая кашица) и хлѣба, испеченнаго изъ ржи и проса пополамъ... хлѣбъ плохой, горькій. Въ 1-мъ часу дня обѣдъ, состоящій изъ борща безъ капусты и безъ всякой зелени, съ гнилою картофелью, приправленной пшеномъ, въ скоромные дни съ саломъ, а въ постные дни безо всякаго масла. Въ шесть часовъ полудноютъ однимъ хлѣбомъ, а въ девять часовъ ужинъ, состоящій изъ галушекъ изъ пшеничной или ячменной несѣянной муки. Приготовлена пища плохо, рабочіе болѣютъ животами». Земскій начальникъ положилъ резолюцію: «Въ виду *тождественныхъ* заявленій отъ *весьма многихъ* рабочихъ, о неудовлетворительныхъ санитарно-гигіеническихъ условіяхъ жизни и пищи рабочихъ, довести объ этомъ до свѣдѣнія нашей санитарно-исполнительной коммиссіи». Итакъ, мы видимъ, что лишь послѣ тождественныхъ, весьма многихъ заявленій земскій начальникъ рѣшилъ довести до свѣдѣнія коммиссіи о тѣхъ безобразіяхъ, которыя создаются гг. управляющими и хозяевами для рабочихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что тамъ, гдѣ владѣльца самого нѣтъ, а

нію, мало можно назвать такихъ хозяйствъ, гдѣ вопросъ о регулированіи питанія рабочаго стоялъ бы на прочной почвѣ.

всѣмъ орудуетъ управляющій, пища рабочаго еще болѣе ухудшается, такъ какъ всю получаемую разницу управляющій кладетъ себѣ въ карманъ. Право, остается только удивляться тому взгляду на рабочихъ, который господствуетъ въ нашихъ хозяйствахъ: точно они не составляютъ главную силу этихъ хозяйствъ, а представляютъ собою элементъ ничего не значущій, еле терпимый. А между тѣмъ, чтобы осталось отъ всѣхъ этихъ хозяйскихъ затѣй, еслибы отнять отъ нихъ нашего русскаго терпѣливаго и переносящаго всякія невзгоды рабочаго, еслибы на мѣсто его поставить французскаго или англійскаго сельскохозяйственнаго рабочаго, съ ихъ требованіями относительно извѣстной обстановки труда и самыхъ условій существованія! Чтобы было тогда, если теперь при всякомъ выраженіи недовольства на помощь, подаваемые подъ видомъ борща, на всевозможныя стѣсненія, жизнь въ такихъ антигигіеническихъ условіяхъ, которой французъ не вытерпѣлъ бы и одного дня, раздаются цѣлые взрывы владѣльческаго негодованія,—взрывы, находящіе себѣ и сочувствіе, и широкую поддержку.

Въ послѣдніе два года, земствами южныхъ губерній и отчасти администраціей, обращено болѣе серьезное вниманіе на условія помѣщенія рабочихъ въ экономіяхъ. Это рвеніе вызвано, главнымъ образомъ, страхомъ холеры, отчасти сыпнымъ тифомъ, который, начинаясь въ средѣ пришлыхъ рабочихъ, успѣшно распространялся на мѣстѣ и уносилъ много жертвъ. Разумѣется, эти осмотры никакой реальной пользы не принесли, да и принести не могли, ибо и чины уѣздной полиціи и представители земской медицины, производившіе ихъ, если бы и пожелали, то врядъ ли могли бы пойти дальше платоническихъ желаній. Все ограничилось двумя-тремя протоколами, хотя, въ сущности говоря, мы даже не понимаемъ, стоитъ ли и производить самый осмотръ, разъ дѣло идетъ только о констатированіи существующихъ безобразій, безо всякой возможности искоренить ихъ. А если бы на послѣдній случай были бы получены кое-какія полномочія (хотя бы заключающіяся въ правѣ огласки всего видѣннаго путемъ печати, которая составляетъ все-таки одинъ изъ наиболѣе страшныхъ жупеловъ для современнаго человѣка), то самое время осмотра нужно перемѣнить. Теперь всѣ осмотры производятся исключительно лѣтомъ. Можетъ быть это удобнѣе и пріятнѣе для гг. осматривающихъ, но дѣло въ томъ, что лѣтомъ даже самая ужасная казарма выглядитъ очень хорошо.

Прежде всего она чиста, потому что никто въ ней не живетъ, всѣ рабочіе на таборахъ и даже остающіеся при экономіи ютятся гдѣнибудь подъ повѣтками, на чистомъ воздухѣ. Она суха, такъ какъ на дворѣ жара изо дня въ день до 40° по Р., окна вѣчно открыты (еще чаще выбиты, да нерѣдко и на зиму отсутствующія шибки не вставляются, а замѣняются сахарною бумагой, старыми тряпками и т. п., при этомъ рамы вездѣ одинарныя и сѣверовосточный вѣтеръ, которымъ славятся наши степи, свободно проникаетъ во всѣ многочисленныя дыры. Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра и эти дыры служатъ своеобразными вентиляторами, хотя онѣ же причина различныхъ простудныхъ заболѣваній.) Войдутъ, посмотрятъ и найдутъ все въ порядкѣ, да оно и на самомъ дѣлѣ будетъ казаться такъ. Но пусть-ка кто-нибудь попробуетъ заглянуть въ эту самую пустующую лѣтомъ казарму въ зимнее время, когда всѣ рабочіе по неволѣ ютятся здѣсь—и впечатлѣніе получится совершенно иное. И этотъ ужасный, убійственный воздухъ, и скользкій мокрый земляной полъ, и стѣны, по которымъ бѣжитъ словно въ банѣ вода, ростетъ мохъ и блаженствуютъ мокрицы, и рѣзкіе сквозняки изъ всѣхъ щелей, скученность, страшная тѣснота помѣщающихся здѣсь людей,—однимъ словомъ все то, что не было да и не могло быть видно лѣтомъ—сразу же бросится въ глаза зимою. Да, интересующіеся бытомъ пришлыхъ въ Новороссію рабочихъ не должны ограничиваться лѣтними наблюденіями, а продолжать ихъ и зимой, иначе выводы, полученные ими, будутъ страдать крайнею односторонностью. То, что совершенно не обращаетъ на себя вниманія лѣтомъ, особенно рѣзко выступаетъ наружу зимою и наоборотъ. Изъ массы видѣнныхъ нами экономическихъ казармъ въ среднихъ и крупныхъ имѣніяхъ, едва ли можно насчитать нѣсколько, которыя заслуживаютъ названія порядочныхъ и мало-мальски похожихъ на помѣщенія для людей. Все остальное—самая вопіющая «мерзость запустѣнія». Чтобы насъ не укоряли въ пристрастіи и излишнемъ наложеніи черныхъ красокъ, мы сошлемся на подобныя же изслѣдованія, произведенныя въ Херсонской губерніи. Въ очень интересномъ изслѣдованіи елизаветградскаго земскаго санитарнаго врача г. Тезякова, мы встрѣчаемъ довольно подробное описаніе въ этомъ отношеніи осмотрѣнныхъ имъ экономій.

Вопросъ о постоянныхъ или временныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, говоритъ д-ръ Тезяковъ, въ

частныхъ хозяйствахъ Херсонской губерніи, заслуживаетъ серьезнаго вниманія при изученіи заболѣваемости сельскаго рабочаго люда и отношенія этой заболѣваемости къ заболѣваемости мѣстнаго населенія.

Въ «Положеніи о наймѣ на сельскія работы», нормирующемъ взаимныя отношенія нанимателей и рабочихъ, совсѣмъ не предусмотрѣна потребность послѣднихъ въ помѣщеніяхъ. Въ 27 § «объ условіяхъ найма» говорится слѣдующее: «договаривающимся оставляется на волю включать въ договоръ, по обоюдному согласію, кромѣ условій о срокѣ договора и размѣрѣ платежа, и всякія иныя условія, законамъ не противныя, какъ-то: условія о срокахъ и способѣ платежа, о харчахъ, о помѣщеніи и т. п.». Это единственное въ положеніи мѣсто, гдѣ сознается потребность для рабочихъ въ помѣщеніи. Само собою разумѣется, что рабочіе никогда не пользуются правомъ, предоставленнымъ имъ цитированною статью. Между тѣмъ, уже a priori нужно признать, что скученность рабочаго люда, всегда грязнаго, плохо одѣтаго, въ тѣсномъ, грязномъ, темномъ и сыромъ помѣщеніи, всегда будетъ способствовать возникновенію среди рабочихъ всякаго рода заболѣваній, а инфекціонныхъ и паразитальныхъ въ особенности. Еслибы наши экономіи имѣли нужду въ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ только лѣтомъ, то вопросъ о постоянныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ не имѣлъ бы того важнаго значенія, на какое мы здѣсь указываемъ. Лицамъ, знакомымъ съ жизнью экономическихъ рабочихъ, хорошо извѣстно, что казармами, которыя только въ немногихъ экономіяхъ, къ сожалѣнію, пока составляющихъ отрадное исключеніе, вполнѣ удовлетворительны въ санитарномъ отношеніи, рабочіе рѣдко пользуются, такъ какъ условія сельско-хозяйственныхъ работъ требуютъ постояннаго нахожденія рабочихъ въ степи, гдѣ они и ночуютъ. Въ степи рабочіе располагаются таборами прямо подъ открытымъ небомъ; при таборѣ устраивается временная кухня. Какихъ-либо приспособленій для защиты рабочихъ отъ жара, дождя и холода въ степи владѣльцами не устраивается; въ этомъ отношеніи рабочимъ самимъ предоставляется изыскивать способы защиты себя отъ вредныхъ вліяній метеорологическихъ явленій. Въ двухъ—трехъ экономіяхъ въ сентябрѣ, когда холодныя ночи давали себя порядкомъ чувствовать, намъ пришлось встрѣтить наскоро устроенные для ночлега шалаши изъ соломы, но и такія импровизированныя помѣщенія не всѣми владѣльцами допускаются, въ видахъ сбереженія отъ порчи соломы. Что потребность

въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ въ хозяйствахъ велика, объ этомъ можно судить по размѣрамъ рабочихъ казармъ въ тѣхъ экономіяхъ, которыя уже, сознавая потребность въ этомъ, проявили свою заботливость въ предоставленіи необходимыхъ житейскихъ удобствъ рабочимъ. Попробуемъ опредѣлить эту потребность болѣе положительно. Мы знаемъ, что масса сроковыхъ пришлыхъ рабочихъ уходитъ съ октября, но во многихъ хозяйствахъ не всегда успѣваютъ управиться къ этому времени и оставляютъ не мало мѣсячныхъ рабочихъ на октябрь и даже ноябрь. Понятно, что рабочіе въ это время нуждаются для ночлега въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Но и помимо осеннихъ сроковыхъ рабочихъ, почти во всѣхъ хозяйствахъ остаются и на зиму рабочіе, въ видѣ годовыхъ, сроковыхъ и даже поденныхъ. Такихъ годовыхъ рабочихъ сравнительно много имѣютъ тѣ экономіи, которыя находятся вдали отъ болѣе или менѣе крупныхъ поселеній и базаровъ и для которыхъ, поэтому, наемъ поденныхъ рабочихъ относительно затруднителенъ. Но кромѣ годовыхъ рабочихъ, многими хозяйствами, какъ уже сказано, нанимаются на зиму и сроковые рабочіе, обыкновенно въ срокъ съ октября по конецъ апрѣля. Сроковыми зимними рабочими нанимаются чаще мѣстные жители, а нерѣдко и пришлые изъ другихъ губерній *).

Такимъ образомъ, во всѣхъ хозяйствахъ, крупныхъ и мелкихъ, находятся рабочіе, которые нуждаются въ постоянныхъ теплыхъ помѣщеніяхъ. И дѣйствительно, почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ нами экономіяхъ имѣются общія помѣщенія для артельныхъ рабочихъ и особыя хаты, въ двѣ—три квартиры, для семейныхъ годовыхъ рабочихъ. Въ однихъ изъ этихъ экономій проглядываетъ большая заботливость въ отношеніи удобствъ помѣщеній для рабочихъ, въ другихъ же совсѣмъ почти игнорируется потребность чернорабочаго имѣть теплое, сухое и закрытое мѣсто для ночлега. Изъ осмотрѣнныхъ нами тридцати экономій особыя, спеціально построенныя для рабочихъ, казармы имѣются всего въ четырнадцати; во всѣхъ же остальныхъ, казармою для рабочихъ служитъ обыкновенно экономическая кухня, не всегда достаточно пригодная и для своей спеціальной цѣли, а уже тѣмъ менѣе для пріюта рабочихъ. Приводимъ краткое описаніе нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ нами помѣщеній:

*) Въ Таврической губерніи почти всѣ пришлые.

1. Изъ осмотрѣнныхъ нами помѣщеній, по справедливости должны быть признаны образцовыми, по сравненію съ другими, казармы въ экономіи О., александрійскаго уѣзда, оконченныя постройкой въ 1889 году. Зданіе, въ которомъ помѣщаются, помимо двухъ большихъ казармъ, кухня и хлѣбопекарня, построено изъ краснаго кирпича и покрыто желѣзомъ. Для мужчинъ и женщинъ устроены особыя помѣщенія, раздѣленныя большимъ свѣтлымъ корридоромъ, съ капитальными стѣнами; изъ корридора имѣются два выхода: одинъ во дворъ, обнесенный тесовымъ заборомъ, а другой на улицу. Размѣры казармъ таковы: длина 5,77 сажени, ширина 4,56 сажени и высота 1,66, При площади пола, равной 26,21 кв. сажени, объемъ воздуха въ каждой казармѣ равняется 41,31 куб. сажен., такъ что въ среднемъ на каждаго рабочаго придется не менѣе одной куб. сажени воздуха. Казармы хорошо освѣщены окнами, расположенными по обѣимъ длиннымъ стѣнамъ. При семи окнахъ въ казармѣ, отношеніе свѣтовой площади оконъ къ площади пола выражается какъ 1 : 12. Вдоль стѣны и посединѣ казармъ устроены достаточно широкія нары, съ незначительнымъ наклономъ, подъ нарами имѣются отдѣльныя помѣщенія для склада платья и другого скарба рабочихъ. Не забыто и о приспособленіяхъ для вентиляціи, для чего устроены особыя вытяжныя трубы въ стѣнахъ и печахъ. Къ недостаткамъ казармъ и всего зданія нужно отнести земляной полъ, но со временемъ экономія предполагаетъ сдѣлать деревянный. Капитальными стѣнами отдѣлена отъ мужской казармы хлѣбопекарня, отъ женской — кухня, такъ что чадъ и паръ этихъ хозяйственныхъ приспособленій не попадаютъ въ казармы. Отъ кухни тесовою перегородкой отдѣлена небольшая комната для больныхъ, имѣющая особый выходъ и потому, въ случаѣ потребности, могущая быть совершенно изолированной.

2. Въ Р. экономіи, александрійскаго же уѣзда, для рабочихъ построено спеціальное кирпичное зданіе, съ особыми казармами для мужчинъ и женщинъ. Помѣщенія просторны и достаточно свѣтлы; имѣются нары. Полъ земляной. Несмотря на особыя казармы, по заявленію управляющаго экономіей, рабочіе этимъ удобствомъ не пользуются (даже зимой?).

3. Въ экономіи Б., елизаветградскаго уѣзда, для рабочихъ казармъ, назадъ тому два года, построено кирпичное зданіе, покрытое желѣзомъ. Все зданіе раздѣлено капитальною стѣной на двѣ казармы, для

мужчинъ и женщинъ; поперечнымъ корридоромъ отъ нихъ отдѣлены хлѣбопекарня и кухня. Размѣры мужской казармы таковы: длина 5,83 с., ширина 2,33 с. и высота 1.46 саж. Площадь пола 13,34 кв. саж., объемъ воздуха, 19,8 кв. саж. Отношеніе свѣтовой поверхности оконъ (въ казармѣ 7 оконъ) къ площади пола, какъ 1:21. Женская казарма немногимъ меньше мужской. Рамы оконъ подвижны и могутъ открываться всею массой наружу, такъ что, въ случаѣ надобности, могутъ служить и для вентиляціи зданія. Нары, находящіяся только у внутренней стѣны, устроены въ два ряда; низшій рядъ наръ находится отъ пола на высотѣ 13½ верш., верхній же отъ нижняго ряда на высотѣ 1½ арш., ширина наръ около 2½ арш. Полъ земляной, зданіе въ общемъ сухое и теплое и содержится относительно чисто.

4. Въ Э. экономіи помѣщенія для рабочихъ находятся въ кирпичномъ новомъ зданіи; хлѣбопекарня, кухня, квартира прикащика хотя и находятся въ общемъ зданіи съ казармами, но отдѣлены отъ нихъ капитальными стѣнами. Размѣры большой казармы для мужчинъ таковы: длина 5,33 с., ширина 4,67 с. и высота 1,33 с. Площадь пола 24,91 кв. саж. Объемъ воздуха 32,38 куб. саж. На зиму въ экономіи остается отъ 20 до 30 человѣкъ сроковыхъ рабочихъ, такъ что на одного рабочаго приходится до 1½ саж. воздуха. Весною и осенью въ казармѣ помѣщается больше 30 человѣкъ. Отношеніе свѣтовой площади при 6-ти окнахъ къ площади пола какъ 1 : 18. Наръ нѣтъ: полъ земляной. Съ кухнею казарма имѣетъ сообщеніе черезъ небольшое оконце, служащее для передачи пищи. Въ этомъ же зданіи имѣется другое небольшое помѣщеніе, имѣющее въ длину 6 арш. и въ ширину 5 арш., которое позволяетъ отдѣлять женщинъ. Къ крупнымъ недостаткамъ зданія нужно отнести отсутствіе вентиляціи и наръ.

5. Въ Ю. экономіи казарма помѣщается въ новомъ лимпачномъ зданіи. Размѣры казармы таковы: длина 7,33 саж., ширина 3,5 саж. и высота 1,83 саж. Площадь пола 25,65 кв. саж. Объемъ воздуха 46,95 кв. саж. Отношеніе свѣтовой площади къ полу, какъ 1 : 17. Вдоль одной длинной стѣны устроены нары, какъ и въ экономіи Б. въ два ряда; нижній рядъ находится отъ пола на 1 арш., верхній на 1½ арш.: ширина наръ около 3 арш. Въ казармѣ зимою помѣщается около 70 человѣкъ мужчинъ, слѣдовательно воздуха приходится на одного рабочаго менѣе кубической сажени. Въ одномъ зда-

ніи съ казармами находятся кухня и хлѣбопекарня; изъ кухни устроено небольшое окно въ казарму, для передачи пищи. Вентиляціи нѣтъ. Полъ земляной.

6. Въ небольшой О. экономіи казарма рабочихъ помѣщается въ каменномъ (изъ гранита), покрытомъ желѣзомъ, зданіи. Размѣры казармы таковы: длина 8,33 саж., ширина 3,0 саж. и высота 1,67 саж. Площадь пола 25,0 кв. саж. Объемъ воздуха равенъ 40 куб. саж. Отношеніе свѣтовой площади къ площади пола, какъ 1 : 17. Нары устроены вдоль длинной наружной стѣны двумя рядами. Полъ земляной. Особаго помѣщенія для женщинъ нѣтъ. Кухня и пекарня отдѣлены стѣной, черезъ которую продѣлано небольшое сообщеніе черезъ небольшое оконце. Вентиляціи нѣтъ.

7. Въ Б. экономіи александрійскаго уѣзда, въ 1888 году построено взамѣнъ прежней землянки лимпачное зданіе, крытое соломой; зданіе стоитъ особнякомъ отъ другихъ экономическихъ построекъ. Въ зданіи, помимо казармъ, помѣщаются кухня и квартира прикащика. Размѣры казармы: длина 4,17 саж., ширина 3,17 саж. и высота 1,7 саж. Площадь пола равна 3,2 кв. саж., объемъ воздуха 22,44 куб. саж. При 60 человѣкъ рабочихъ, на одного рабочаго въ среднемъ приходится около 0,35 куб. саж. воздуха. Отношеніе свѣтовой площади къ полу какъ 1 : 44. Полъ земляной. По стѣнамъ имѣются нары, недостаточныя по числу живущихъ въ казармѣ рабочихъ. Приспособленій для вентиляціи никакихъ. Съ кухней казарма сообщается небольшимъ окошечкомъ, черезъ которое передается рабочимъ пища.

8. Въ А. экономіи, елизаветградскаго уѣзда, уже 20 лѣтъ, какъ построено спеціально для помѣщенія рабочихъ дереваное зданіе (мазанка), покрытое соломой, въ которомъ помѣщается кухня, казарма для рабочихъ и квартира прикащика. Для женщинъ отъ общей казармы отдѣлено небольшое помѣщеніе. Помѣщеніе въ общемъ тѣсно.

9. Въ М. экономіи казарма и кухня помѣщаются во вновь выстроенномъ лимпачномъ зданіи, крытомъ желѣзомъ. Зданіе стоитъ особнякомъ отъ другихъ экономическихъ построекъ. Размѣры собственно казармы: длина 5,3 саж., ширина 4,0 саж. и высота 1,33 саж. Площадь пола 21,33 кв. саж.; объемъ воздуха 27,69 куб. саж. Отношеніе свѣтовой площади оконъ къ площади пола какъ 1 : 28. Полъ земляной: нары хотя и есть, но недостаточны по числу рабочихъ. Помѣщеніе содержится, какъ и въ большинствѣ экономій, неопрятно.

Описанныя помѣщенія являются наилучшими изъ всѣхъ нами осмотрѣнныхъ. Несмотря на многіе существенные въ нихъ недостатки, какъ относительную въ нѣкоторыхъ тѣсноту, недостаточное освѣщеніе, отсутствіе вентиляціи, неопрятность, чему много способствуетъ земляной полъ и пр., тѣмъ не менѣе помѣщенія эти свидѣтельствуютъ о развивающейся среди работодателей заботливости, объ удовлетвореніи существенныхъ житейскихъ потребностей рабочаго люда. Но на-ряду съ этими отрадными явленіями существуютъ хозяйства, нанимающія пришлыхъ рабочихъ отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, гдѣ о какихъ-либо спеціальныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ нечего и спрашивать За то въ экономіяхъ этихъ можно любоваться разными просторными помѣщеніями для лошадей, воловъ и коровъ, помѣщенія для которыхъ содержатся съ рѣдкою чистотою. На ряду съ такими идеально чистыми помѣщеніями для экономическихъ животныхъ, помѣщенія для экономическихъ рабочихъ являются образомъ антигигіенической неряшливости. Въ этихъ экономіяхъ казармами для рабочихъ служатъ, такъ называемыя, черныя хозяйскія кухни, размѣры которыхъ очень невелики. Типомъ такихъ помѣщеній могутъ служить нижеслѣдующія. Въ С. экономіи казарма и кухня находятся въ старомъ, ветхомъ лимпачномъ зданіи, крытомъ соломою. Длина казармы 5,5 саж., высота 1,25 саж. и ширина 2,5 саж. Площадь пола 14,75 кв. саж., объемъ воздуха 18,34 Оконъ шесть и всѣ они обращены во дворъ; высота окна 12 вершк., ширина 8 вершк. Отношеніе свѣтовой площади оконъ къ площади пола, какъ 1 : 60. Полъ земляной, съ глубокими выбоинами: потолокъ полуразрушенъ и грозитъ каждую минуту обваломъ. По одной сторонѣ казармы тянутся узкія и грязныя нары. Это—единственное въ данномъ, въ другихъ отношеніяхъ образцовомъ хозяйствѣ, помѣщеніе для рабочихъ служитъ для нихъ и кухнею.

Въ другой большой М. экономіи, елизаветградскаго уѣзда, въ которой лѣтомъ работаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ, а на зиму, помимо 46 человѣкъ годовыхъ, столько же остается и сроковыхъ рабочихъ, рабочей казармы совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ нельзя же за таковую признать отдѣленіе при кухнѣ, имѣющее такіе мизерные размѣры: въ длину 3,6 саж.; въ ширину 2,3 саж. и въ высоту 1,3 саж., а слѣдовательно площадь пола 8,53 кв. саж., объемъ воздуха всего 11,1 куб. саж., но и это небольшое помѣщеніе, въ которомъ во время ос-

мотра находилось двое больныхъ, содержится въ высшей степени неопрятно. Въ экономіи Э., гдѣ рабочихъ собирается до двухъ-трехсотъ человѣкъ, рабочая казарма можетъ вмѣстить не болѣе какъ двадцать человѣкъ. Въ этомъ же хозяйствѣ имѣются особыя помѣщенія для семейныхъ, рабочихъ, рядомъ со свинятниками и даже подъ одною съ ними крышею. Послѣднія два хозяйства считаются въ числѣ образцовыхъ, а въ отношеніяхъ къ рабочимъ не выдѣляются изъ ряда другихъ.

Въ двухъ слѣдующихъ экономіяхъ казармы рабочихъ помѣщаются въ землянкахъ. Землянки прежде во всѣхъ экономіяхъ были обычными помѣщеніями для рабочихъ, теперь же эти «могилы для живыхъ» встрѣчаются значительно рѣже и постепенно замѣняются другими, болѣе приличными зданіями Землянки теперь можно чаще встрѣтить въ небольшихъ хозяйствахъ, или въ степи при кошарахъ. Землянка въ Б. экономіи александрійскаго уѣзда имѣетъ въ длину 5,7 саж., въ ширину 4 саж. и въ высоту около 1 саж. Большая часть помѣщенія находится въ ямѣ, стѣны которой задѣланы досками и обмазаны глиной, надъ поверхностью ямы выдается лишь незначительная часть этого зданія, въ которой имѣются незначительныя отверстія—окна. Крыша землянки покрыта дерномъ. Площадь пола въ казармѣ — ямѣ равна 22,5 кв. саж., объемъ воздуха 22,5 куб. саж. Вмѣсто оконъ имѣются 2—3 отверстія съ свѣтовою поверхностью около 2 кв. четвертей.

Въ С. экономіи, елизаветградскаго уѣзда, для помѣщенія рабочихъ служитъ также землянка, длина которой около 5,7 саж., ширина 2 саж. и высота отъ пола до крыши 1,25 саж. Надъ поверхностью же земли вся постройка выдается не болѣе одного аршина. Полъ земляной, стѣны обставлены досками и обмазаны глиной Помѣщеніе сѣнями и кладовой раздѣлено на двѣ половины, изъ которыхъ одна служитъ кухнею, другая же казармою; длина послѣдней около 3 саж. Площадь пола въ ней около 6 кв. саж., объемъ воздуха 6,5 куб. с. По стѣнамъ имѣются нары, на которыхъ можетъ помѣститься 5—6 человѣкъ, между тѣмъ въ описываемой экономіи лѣтомъ бываетъ сроковыхъ рабочихъ до 150 и болѣе человѣкъ, зимою же остается до 20 и болѣе человѣкъ. Сырость, холодъ, смѣняемый отъ близости варистой печи на время жаромъ, темнота и грязь—вотъ, по общимъ отзывамъ, обыкновенная характеристика землянокъ-казармъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ землянки при кошарахъ, въ которыхъ зимою живутъ чабаны. «Нужно имѣть особенную привычку и

необыкновенно здоровыя легкія, чтобы выносить атмосферу въ ихъ жильяхъ. Въ этихъ землянкахъ воздухъ страшно удушливъ, онъ наполняется испареніемъ кожъ съ павшихъ овецъ, дымомъ махорки и запахомъ горѣлаго жира» *).

Въ общемъ, слѣдовательно, помѣщенія для рабочихъ только въ меньшинствѣ болѣе или менѣе удовлетворительны, хотя отсутствіе почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ помѣщеніяхъ какихъ-либо приспособленій для вентиляціи, всегда болѣе или менѣе грязное ихъ содержаніе, чему способствуютъ всюду земляные полы, отсутствіе, нерѣдко, отдѣльныхъ помѣщеній для мужчинъ и женщинъ и проч., все это заставляетъ насъ высказаться за то, что помѣщеній вполнѣ пригодныхъ для рабочихъ въ экономіяхъ мало. Очень крупнымъ недостаткомъ многихъ казармъ, во многихъ отношеніяхъ удовлетворительныхъ, служитъ присутствіе въ нихъ варистыхъ печей. При варкѣ пищи, какъ извѣстно, въ значительныхъ размѣрахъ образуется паръ, который, постоянно сгущаясь на болѣе холодныхъ стѣнахъ помѣщеній, поддерживаетъ въ послѣднихъ влажность. Если при этомъ припомнить еще, что здѣсь же, надъ нарами, рабочіе развѣшиваютъ свое грязное, мокрое платье для просушки, то не трудно себѣ представить пропитанную всевозможными міазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда и сырымъ кожухомъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневною работой. Описанныя жилыя помѣщенія для артельныхъ рабочихъ, случайно выбраны для осмотра въ 30-ти хозяйствахъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Херсонской губерніи. Можетъ-быть, при большемъ числѣ наблюденій окажется, что только въ меньшинствѣ хозяйствъ губерніи артельные рабочіе терпятъ нужду въ необходимыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Но для нашей цѣли — подчеркнуть существенныя санитарныя нужды «рабочаго вопроса» — достаточно и приведенныхъ единичныхъ наблюденій. Этими наблюденіями несомнѣнно констатируется, что одна изъ существенныхъ потребностей наемнаго сельско-хозяйственнаго рабочаго люда—потребность въ жилыхъ, удовлетворяющихъ хотя бы минимальнымъ санитарнымъ требованіямъ помѣщеніяхъ, работонанимателями недостаточно ясно сознается и потому не всегда удовлетворяется.

*) Статист.-экон. описаніе Одесскаго уѣзда, стр. 142.

Г-нъ Тезяковъ взялъ на-удачу для осмотра тридцать экономій; но полученныя данныя оказались бы не лучшими, можетъ-быть даже еще болѣе печальными, еслибы какая-либо спеціальная правительственная или нѣсколько земскихъ коммиссій, составленныхъ, разумѣется, изъ людей, безпристрастныхъ, не принадлежащихъ къ числу лицъ, помѣщающихъ рабочихъ въ «могилахъ для живыхъ» и не находящихся въ полной зависимости отъ преобладающаго въ земствѣ элемента крупнаго землевладѣнія, произвели сплошной осмотръ экономій двухъ южныхъ губерній, живущихъ почти исключительно трудомъ пришлыхъ рабочихъ. Полученная картина оказалась бы очень поучительною, и печатное изданіе ея открыло бы глаза многимъ и заставило бы непритворно удивиться необычайной выносливости и закаленности организма рабочаго, умудряющагося ужиться при самыхъ невозможныхъ условіяхъ питанія и помѣщенія.

Въ pendant къ наблюденіямъ д-ра Тезякова, приведемъ сообщеніе корреспондента «Крымскаго Вѣстника» изъ сѣверной части симферопольскаго уѣзда, причемъ замѣтимъ, что авторъ тоже принадлежитъ къ персоналу земской медицины и, слѣдовательно, является до извѣстной степени лицомъ компетентнымъ. «На дняхъ,—пишетъ онъ,—у насъ по колоніямъ и экономіямъ былъ врачебный осмотръ пришедшихъ изъ Каховки рабочихъ, чему нельзя не порадоваться, тѣмъ болѣе, что этотъ осмотръ, кромѣ локализаціи сыпного тифа, на случай еслибъ онъ гдѣ-либо проявилъ свое существованіе, затрагиваетъ и выясняетъ въ нѣкоторой степени и еще одну сторону дѣла. У насъ на тѣ условія, въ какихъ находится деревенскій рабочій, почти мало кто обращалъ свое вниманіе, гдѣ рабочій живетъ, или помѣщается лѣтомъ и зимою, гдѣ отдыхаетъ, что ѣстъ, пьетъ и сколько въ сутки работаетъ. Эти вопросы всецѣло представлялись на усмотрѣніе тѣхъ хозяевъ экономій, которые имѣли прямое отношеніе къ рабочимъ. Но такъ какъ намъ извѣстно, что почти всякій наниматель, за малымъ исключеніемъ, на рабочаго смотритъ какъ на одну лишь физическую силу, ему необходимую до извѣстнаго періода времени, съ помощью которой онъ готовъ по возможности больше дѣла сдѣлать и въ то же время поменьше на нее затратить матеріальныхъ средствъ, то санитарныя и гигіеническія условія рабочаго оставались въ самомъ непривлекательномъ видѣ, въ особенности во время зимы. Поэтому нужно полагать, что врачебный осмотръ и прольетъ туда свѣтъ, гдѣ вѣками царила тьма и полнѣйшій произ-

волъ. Разумѣется, пока все это сформируется, выяснится, пока окрѣпнетъ и станетъ на болѣе прочную почву, войдетъ въ силу и дастъ благіе результаты, пройдетъ не мало времени, такъ какъ постороннее вмѣшательство въ среду нашихъ степныхъ крезовъ, привыкшихъ жить «не препятствуй нашему нраву», а въ особенности по отношенію рабочаго, само по себѣ не терпимо. Но какъ бы тамъ ни было, а первый шагъ врачебнаго осмотра даетъ намъ хотя приблизительное понятіе о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится и живетъ рабочій. Такъ, напримѣръ, въ экономіи Нижняя Осма, въ теченіе короткаго времени (до врачебнаго осмотра), вслѣдствіе нехорошей и недоброкачественной пищи, изъ 32 человѣкъ, пришедшихъ изъ Каховки, ушло 16 человѣкъ. Въ экономіи Чотты, Секизекъ-Давидовка, помѣщенія не только тѣсныя, ветхія, но и находятся въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ. Въ экономіи Минъ-Джаба постройка для рабочихъ находится лишь только въ проектѣ, почему рабочіе помѣщаются въ скотскомъ сараѣ, на землѣ, съ небольшимъ количествомъ истертой старой соломы. Пища въ упомянутыхъ экономіяхъ вообще плохая: на обѣдъ варится борщъ (брандахлыстъ), состоящій изъ большого количества воды, нѣсколькихъ кусочковъ прогорклаго сала и небольшого количества конскаго щавеля, единственной зелени. Къ этому борщу подается каша въ видѣ какой-то размазни. На ужинъ въ большинствѣ случаевъ приготовляются галушки и затирка. Хлѣбъ представляетъ изъ себя смѣсь, если не изъ пшеничной муки, изъ зерна отходящаго во время чистки, то базарной ржаной муки подъ названіемъ «для рабочихъ» и ячменой несѣянной муки съ примѣсью, конечно, всякой пыли и амбарныхъ выметковъ. На полудень и завтракъ по временамъ выдается если астраханская тарань, то также съ аттестатомъ «для рабочихъ», отъ которой иногда и цвѣль куритъ. Въ колоніяхъ, вообще, за малымъ исключеніемъ, рабочіе помѣщаются въ конюшняхъ, вмѣстѣ со скотомъ и лошадьми, въ отведенныхъ для этого станкахъ. Въ лучшихъ условіяхъ рабочіе находятся въ экономіи Бочала, гдѣ имѣется прекрасная, свѣтлая и сухая казарма, и Старыхъ и Новыхъ Теленчахъ, гдѣ кормятъ питательной и здоровой пищей».

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ теоретиковъ, которые, поднимая вопросъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ вообще, толкуютъ о лѣтнихъ переносныхъ баракахъ, палаткахъ и т. п. Какъ мы уже замѣтили выше, лѣтомъ въ южныхъ губерніяхъ казармы, устроенныя въ

самыхъ экономіяхъ, совершенно пусты, такъ какъ не только въ крупныхъ, но и въ среднихъ имѣніяхъ всѣ рабочіе находятся на таборахъ, т.-е. при самомъ мѣстѣ полевыхъ работъ, чтобы не терять даромъ времени. Горевать о томъ, что они располагаются прямо на открытомъ воздухѣ, могутъ только лица, незнакомыя ближе съ вопросомъ, о которомъ они толкуютъ. Наши южныя степи, съ ихъ страшно сухимъ, жаркимъ лѣтомъ, съ ночами, когда температура рѣдко опускается ниже 20 R°., ничего общаго не имѣютъ съ русскимъ лѣтомъ, обильнымъ дождями и богатымъ испареніями, когда влажность воздуха доходитъ до maximum'a. На югѣ хорошо-хорошо, если въ мѣсяцъ разъ пройдетъ дождь, а часто его не видятъ совершенно и по два-три мѣсяца подрядъ. Сушь и жара дѣлаютъ ночи до того душными, что рабочихъ даже насильно нельзя было бы заставить ночевать въ какихъ-то бараках или палаткахъ, да и къ чему это, собственно говоря? Въ это время, если и можно еще дышать ночью, не обливаясь потомъ, то именно на открытомъ воздухѣ, и положеніе это не только не представляетъ собою ничего ненормальнаго,—совершенно наоборотъ: все населеніе деревни выбирается въ лѣтнюю ночь изъ хатъ и домовъ, таскать же по таборамъ складные бараки только на случай могущаго пойти дождя, что бываетъ крайне рѣдко и продолжается очень не долго, затѣя слишкомъ сложная, да и по существу своему не имѣющая ровно никакого смысла. Другое дѣло — работы весеннія, вродѣ посѣвовъ яровыхъ, или осеняя, вродѣ запоздавшей молотьбы. Но первыя, за немногими исключеніями въ особенно крупныхъ хозяйствахъ, производятся не таборами, а съ ежедневнымъ возвращеніемъ домой, такъ какъ рабочій скотъ нужно въ это время держать на сухомъ кормѣ, а ночуя въ степи, сдѣлать это почти немыслимо. Что же касается до запоздавшей молотьбы, то гдѣ производится молотьба, тамъ всегда обиліе соломы, которою можно и подослаться и ею же укрыться. Въ такихъ случаяхъ рабочіе буквально зарываются въ солому, какъ кроты, конечно, только въ случаѣ ненастья, такъ какъ настоящія прохладныя ночи, какъ постоянное явленіе, начинаются на югѣ нерѣдко уже къ ноябрю, а сентябрь и октябрь часто по теплу и сухости мало чѣмъ уступаютъ августу *). Въ послѣдніе годы приходилось сильно

*) Бываютъ ненастныя погоды и въ сентябрѣ, и въ такихъ случаяхъ рабочимъ на таборахъ приходится скверно, какъ мы говорили выше; но ненастье

запаздывать (особенно въ степной части Крыма) съ озимыми посѣвами, благодаря нашествію гессенской мухи, которая нѣсколько лѣтъ подрядъ уничтожала почти совершенно ранія нивы пшеницы. Но вѣдь понятіе «ранній» на югѣ совершенно иное и равняется русскому понятію «поздній». Въ Россіи начинаютъ посѣвы озимаго въ началѣ августа, а къ сентябрю уже обязательно кончаютъ. Кто опаздываетъ, тотъ рискуетъ остаться безъ ничего и въ этотъ отношеніи опытъ профессора Линдемана въ Курской губерніи можетъ служить поучительнымъ примѣромъ: когда въ названной губерніи появилась тоже гессенская муха, то профессоръ Линдеманъ вздумалъ излѣчить это зло по нашему южному рецепту и посовѣтовалъ отодвинуть производство озимыхъ посѣвовъ. Его послушали, посѣвы запоздали и, благодаря этому, вся губернія осталась безъ хлѣба, такъ какъ послѣдній, не взошедши даже, погибъ въ землѣ. Но въ Крыму такія вещи немыслимы и, послѣ появленія страшнаго врага, мы сѣяли пшеницу въ октябрѣ, въ ноябрѣ (были даже случаи посѣвовъ въ декабрѣ) и тѣмъ спасали свой хлѣбъ. Разумѣется, такіе поздніе посѣвы, прерываемые вѣчно мѣняющеюся погодой, идутъ медленно, съ постоянными перерывами, а между тѣмъ за отдаленностью озимыхъ полей, за короткостью осенняго дня и главное потому, что рабочій скотъ работаетъ это время, еще пользуясь подножнымъ кормомъ, рабочіе, находящіеся при посѣвѣ, стоятъ таборомъ въ степи. Въ такихъ случаяхъ имъ приходится трудновато,—ночи длинныя, сверху сыпетъ какая-то «мгычка», или холодный вѣтеръ вдругъ нагонитъ густой, непроницаемый туманъ. Солома, какъ подстилка, предохраняющая отъ сырой земли и какъ матеріалъ для поддержанія огня, который необходимъ, чтобы передъ разсвѣтомъ какъ-нибудь отогрѣться, представляетъ въ такихъ случахъ великое незамѣнимое благо, но, къ сожалѣнію, какъ мы констатировали выше, далеко не всѣ хозяева разрѣшаютъ ею пользоваться зябнущимъ и мерзнущимъ въ степи рабочимъ, нѣкоторые изъ какой-то непонятной, грошевой экономіи, другіе изъ принципа—«чтобы человѣкъ не баловался». Ужь такой взглядъ получило нынѣшнее поколѣніе отъ прошедшаго и можетъ-быть будущее измѣнитъ его къ болѣе лучшему и посмотритъ болѣе гуманно на человѣка, не ставя ребромъ

въ это время года на югѣ является далеко не постояннымъ, какъ въ средней полосѣ, а очень рѣдкимъ явленіемъ.

вопросъ о его жизни и здоровьи, на-ряду съ вопросомъ о лишней охапкѣ соломы, которая все равно сгніетъ даромъ на установленномъ скирдами арманѣ. Нужно замѣтить, что эти невзгоды достаются уже на долю зимняго рабочаго, такъ какъ всѣ сроковые лѣтніе получаютъ разсчетъ и уходятъ домой 1-го октября, за исключеніемъ очень немногихъ, сроки которыхъ продолжаются условно до средины или конца октября. Само собой разумѣется, что каждое хозяйство требуетъ для зимнихъ работъ несравненно меньшее количество людей, нежели для лѣтнихъ и комплектъ зимнихъ рабочихъ для средней экономіи выражается въ 20%, много-много въ 25% лѣтняго комплекта.

Несмотря на то, что зимній срокъ (съ 1-го октября по 9 — 15 мая) гораздо длиннѣе лѣтняго (съ 9—15 мая по 1-е октября), плата за него постоянно меньшая, нежели за лѣтній, или же въ годы плохіе равна второй. Когда въ годъ наивысшихъ цѣнъ—188⁸/₉ г., отъ Николая до Покрова нанимали рабочихъ не дешевле 80 рубл., отъ Покрова до Николая платили имъ не больше 60—65 рубл. Въ тяжелые годы, послѣдовавшіе за этимъ сумашедшимъ урожаемъ, половину котораго мы сгноили въ степи и въ амбарахъ,—и за лѣто и за зиму рабочій получалъ одинаково по 40—45 рубл. И только прошедшій годъ представляетъ собою весьма рѣзкое исключеніе именно въ томъ отношеніи, что во многихъ мѣстахъ хозяева съ удивленіемъ должны были давать рабочимъ, которыхъ они нанимали на зиму, дороже, чѣмъ они платили лѣтнимъ: послѣдніе были договорены съ весны и въ Каховкѣ по 50 рубл., (хотя большинство хозяевъ, когда виды на урожай выяснились, прибавили къ первоначальному жалованью 10 — 15%, гдѣ по своей доброй охотѣ, а гдѣ будучи вынуждены къ этому обстоятельствами), на зимній срокъ приходилось платить до шестидесяти рублей. Явленіе это кажется непонятнымъ только сразу, а на самомъ дѣлѣ ларчикъ раскрывается очень просто: лѣтнія цѣны были непропорціонально низки на-ряду съ отличнымъ урожаемъ потому, что жатвенныя и косильныя машины подавили своею конкурренціей ручной трудъ и понизили заработную плату. Но вотъ подошелъ Покровъ—и все пришлое рабочее населеніе устремилось домой. Машины, оказавшія такое колоссальное вліяніе на «урегулированіе» рабочаго вопроса, стояли въ сараяхъ и—увы—въ дѣлѣ зимнихъ работъ ихъ роль, какъ регулятора заработной платы, сводилась къ нулю. Машина, играющая лѣтомъ главную роль, снимающая съ поразительною быстро-

той и чистотой милліоны десятинъ хлѣба и травы въ Новороссіи. не можетъ чистить скотные дворы, возить продукты экономіи на рынокъ, вообще совершать всѣ незамѣтныя, мелкія, но далеко не легкія зимнія работы. Здѣсь она, вытѣснившая окончательно косаря и жнеца въ степяхъ, пасуетъ и не можетъ замѣнить человѣка. И внимательный наблюдатель сейчасъ же замѣтитъ, какъ сразу отразилось это обстоятельство на заработной платѣ: лѣтняя—все понижалась подъ давленіемъ машиннаго труда, а зимняя—все оставалась въ одной нормѣ, а въ прошедшемъ 1893 году повысилась не только противъ нормы, но даже противъ лѣтней платы.

Почему-то принято думать и говорить между хозяевами, что зимнія работы несравненно легче лѣтнихъ и чуть ли не представляютъ собою для рабочихъ какое-то пріятное времяпрепровожденіе. Тотъ, кто испыталъ все это путемъ личнаго опыта, можетъ легко опровергнуть эти, ни на чемъ не основанныя сужденія. Начать съ того, что зимній рабочій день ничуть не короче лѣтняго, потому что «солнечный» день при распредѣленіи работъ не играетъ ровно никакой роли. Въ четыре часа утра, когда на дворѣ еще совершенная ночь, рабочіе поднимаются и идутъ прибирать скотъ, конюшни, задавать кормъ, грузить хлѣбъ на подводы, подчищать зерно и т. д. «Снѣданокъ», т.-е. завтракъ, происходитъ часовъ въ шесть, еще до разсвѣта, и начинается обычный трудовой день; вечеръ наступаетъ, конечно, раньше, но и при свѣтѣ «каганца», въ казармѣ, у всякаго есть еще какая-нибудь экономическая работа, починка мѣшковъ, упряжи, прилаживаніе чего-нибудь и т. д. Преимущество лѣтней работы заключается въ томъ, что она вся цѣликомъ происходитъ въ сухѣ и теплѣ, а зимняя, наоборотъ, въ вѣчной грязи по колѣно и на холодѣ. Югъ не знаетъ такихъ ровныхъ зимъ, какія устанавливаются надолго въ Россіи,—всѣ зимніе мѣсяцы здѣсь отличаются крайне непостоянною погодой и грязь, то подмерзающая, то присыпаемая снѣгомъ, то вновь растворяемая дождемъ. царитъ здѣсь почти все время. Выраженіе «грязь по колѣна» для нашихъ степей вовсе не гипербола, а сущая правда, такъ какъ нерѣдко бываютъ періоды, когда хорошими лошадьми приходится ѣхать одну станцію цѣлыя сутки. Степь вся растворяется и на всемъ своемъ пространствѣ представляетъ огромный океанъ какого-то густаго, липкаго клейстера, а что дѣлается въ это время въ «базахъ», загонахъ для скота, въ экономическихъ дворахъ, — не видя трудно

себѣ представить. И рабочій вполнѣ правъ, когда на доводы хозяина относительно прелестей зимней службы отвѣчаетъ, что за все лѣто онъ обойдется парою полтиничныхъ пасталовъ (легкая обувь изъ кожи), между тѣмъ какъ зима волей-неволей съѣстъ двѣ пары сапогъ, стоимость которыхъ равняется minimum 10 рублямъ, т.-е. составляетъ четвертую часть всего его зимняго заработка, считая среднюю цифру послѣдняго въ 40 рублей. Затѣмъ—одежда. Россія, хорошо знакомая съ тридцатиградусными *тихими* морозами и глубокими снѣгами, въ свою очередь и понятія не имѣетъ о тѣхъ ужасныхъ бураннахъ, которые зачастую цѣлыми недѣлями разгуливаютъ по степному пространству. Рѣзкій, пронизывающій до мозга костей сѣверо-восточный вѣтеръ, не встрѣчая на своемъ пути препятствія, разыгрывается съ ужасающею силой, сметая передъ собою весь снѣгъ, вырывая и неся въ море цѣлыя тучи земли. Въ природѣ творится что-то необычайное, какая-то сатанинская вакханалія, дома трещатъ, скирды опрокидываются, ураганъ, все болѣе и болѣе усиливающійся, валитъ съ ногъ все живое и гонитъ передъ собою, со страшною силой. Такія бури, лишь на ночь немного стихающія и съ разсвѣтомъ вновь поднимающіяся, иногда тянутся по десяти-двадцати дней подъ рядъ. Сила ихъ бываетъ до того велика, что скотъ нельзя выгнать изъ загоновъ къ водопою,—онъ сейчасъ же бросается назадъ. Вотъ тутъ-то и доводится рабочимъ набраться горя, такъ какъ имъ все время приходится ухаживать за скотомъ, задавать ему кормъ и т. д. Легкая суконая «юбка» (родъ короткой свитки), которую принесъ полтавецъ изъ дому и которая вполнѣ подходитъ для лѣтней службы, никуда теперь не годится и приходится думать о той одеждѣ, которою запасаются опытные чобаны, т.-е. о «курташѣ» и штанахъ изъ выдѣланной съ шерстью овчины, которая и служитъ только единственнымъ спасеніемъ во время бурановъ. Но чтобы обзавестись этими принадлежностями, нужно еще истратить рублей десять — и въ результатѣ выйдетъ, что половина зимняго жалованья уйдетъ на одежду и обувь, которую весною придется выбросить. Разумѣется, эти расходы для рабочихъ слишкомъ не подъ силу, они до послѣдней минуты стараются обойтись безъ нихъ — и отсюда масса случаевъ отмораживаній конечностей, которые наблюдаются въ холодную зиму и которыми такъ изобиловалъ январь 1893-го года. Мѣстами (въ днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи) зимніе рабочіе отказывались совершенно вы-

ходить на работу, предлагая экономіямъ писать какіе угодно штрафы, и экономіи, понимая, что невозможнаго отъ людей требовать нельзя, оставляли сроковыхъ отсиживаться по казармамъ, нанимая за ихъ счетъ поденщиковъ, крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, которые всегда имѣютъ возможность одѣться по вышеуказанному способу, т.-е. почобански.

Контингентъ зимнихъ рабочихъ вербуется главнымъ образомъ изъ тѣхъ же полтавцевъ (нужно замѣтить, что на югѣ «полтавцами» называютъ вообще приходящихъ на заработки малороссовъ, независимо отъ того, изъ какой губерніи они происходятъ), которымъ стѣсненное матеріальное положеніе, малоземелье и долги не позволяютъ на Покровъ возвратиться домой. При малѣйшей возможности, полтавецъ никогда не останется на зиму «въ наймахъ», и это лучше всего иллюстрируется тѣмъ, что холостая молодежь обоего пола, не связанная еще никакими семейными или матеріальными обязательствами, составляющая три четверти приходящихъ на лѣто рабочихъ, на зиму вся поголовно возвращается домой и въ очень рѣдкихъ случаяхъ кто-либо изъ молодежи остается зимовать въ Тавріи. Какъ это ни странно, но труднѣе всего хозяевамъ приходится на Покровъ съ женщинами, которыя нужны, какъ кухарки на «черную кухню» (т.-е. рабочую) и для разныхъ домашнихъ мелкихъ работъ. Лѣтомъ—дивчатъ сколько угодно, вся Каховка кишмя кишитъ ими (хотя иногда и разбираютъ ихъ положительно всѣхъ до одной): но какъ только наступилъ Покровъ,—трудно найти двухъ-трехъ, которыя согласились бы зазимовать. Поэтому-то, въ то время, какъ лѣтняя заработная плата дѣвушки равняется только 60%, много-много 70% платы взрослаго рабочаго, за зимній срокъ она сплошь и рядомъ получаетъ одинаковое съ рабочимъ жалованье, а иногда и нѣсколькими рублями больше. Такихъ же, которыя сразу нанимаются на годъ, т.-е. сиротъ, самыхъ убогихъ, которымъ слишкомъ плохо живется дома, которыхъ обижаютъ мачихи или вотчимы, сравнительно очень немного. Поэтому хозяева, чтобъ обезпечить себя на зиму необходимою женскою прислугой, прибѣгаютъ къ различнымъ, чисто макіавелліевскимъ ухищреніямъ. Мы, напримѣръ, встрѣчали слѣдующее: съ весны, тотчасъ послѣ прихода съ ярмарки, часть дѣвушекъ оставляется при дворѣ для разныхъ домашнихъ работъ и имъ предлагаютъ заранѣе перечислиться изъ сроковыхъ въ годовыя. Разумѣется, большинство не

соглашается, нѣкоторыя колеблются. Но вотъ наступаетъ сезонъ молотьбы. Тогда всѣхъ не соглашающихся и колеблющихся безъ всякихъ разговоровъ отправляютъ къ паровымъ молотилкамъ, назначаютъ «подъ полову» и, давши попробовать этого удовольствія-день другой, ставятъ ультиматумъ: или остаться на зиму, и тогда опять вернуться на прежнюю работу при домѣ, или же простоять безсмѣнно «подъ половою» всю молотьбу, т.-е. два-три мѣсяца. Кто знакомъ съ хозяйствомъ, тотъ знаетъ, какая пытка выстоять даже нѣсколько дней подъ-рядъ подъ половою молотилки: земляная пыль, побитая барабанными бичами, «зона», мелкая полова и острые остюки съ силою, вылетая изъ поддувала, пробираются черезъ платье, черезъ сорочку, забиваютъ всѣ поры тѣла, раздражая кожу и производя нестерпимый зудъ; лицо, по которому потъ катитъ градомъ отъ напряженія мышцъ и сорокоградусной жары, покрывается густою маскою вонючей грязи; глаза, которыхъ не въ состояніи спасти и надѣваемые сѣтчатые очки, начинаютъ болѣть и принимаютъ видъ воспаленныхъ. Если эту работу, да еще при безсмѣнности, можно назвать пыткою вообще, то пыткою вдвойнѣ является она для дѣвушки, пробывшей уже полсрока на легкой домашней «працѣ», въ саду, при огородѣ, вообще «въ холодкѣ», какъ говорятъ хохлы, и въ чистотѣ. Помимо мукъ физическихъ являются еще и нравственныя; остальные рабочіе издѣваются надъ «барышней», иронически спрашиваютъ, гдѣ «смачнійше», не противны ли ей галушки и т. д.,—однимъ словомъ, всякія насмѣшки и оскорбленія градомъ сыплятся на голову бѣдной дивчины, которая и безъ того, отдѣленная отъ «своихъ» людей, совершенно падаетъ духомъ. А тутъ, вмѣсто поддержки и защиты, надъ нею зло глумятся, прикащикъ придирается и ругаетъ безъ всякаго повода. Не нужно и досказывать, чѣмъ кончается въ большинствѣ случаевъ подобная исторія: покрѣпившись дня два, а то и меньше, сосланная на машину прибѣгаетъ въ экономію и Христомъ-Богомъ умоляетъ не посылать ее больше туда, соглашаясь на все, чего отъ нея требуютъ. Тогда ее «прощаютъ», читаютъ нотацію о строптивости, записываютъ въ разрядъ годовыхъ и отправляютъ туда, гдѣ она работала раньше. Но не всѣ поддаются. Мы видѣли такихъ, которыя молча и горделиво выносили эту утонченную пытку и ставили на своемъ. У насъ на глазахъ происходили и примѣры другого рода: когда дѣвушки, выразив-

шія подъ вліяніемъ минуты согласіе остаться на зиму, на Покровъ со слезами на глазахъ умоляли отпустить ихъ и видя, что всѣ просьбы ихъ остаются безуспѣшными и разсчета имъ не даютъ, уходили домой безъ послѣдняго, т.-е. бросая въ экономической конторѣ свои паспорты и всѣ свои деньги, заработанныя тяжелымъ, почти пятимѣсячнымъ трудомъ. Изъ этого всего легко заключить, насколько велико тяготѣніе вернуться на родину у пришлыхъ рабочихъ.

Лучшими зимними рабочими, какъ и лѣтними, въ экономіяхъ считаются полтавцы. За ними слѣдуютъ тѣ немногіе изъ числа мѣстныхъ крестьянъ, которые, въ силу своего экономическаго положенія, должны искать посторонникъ заработковъ. На нихъ, впрочемъ, смотрятъ какъ на элементъ не совсѣмъ надежный, такъ какъ, живя по близости своихъ деревень, они непрочно сидятъ на мѣстѣ и легко уходятъ при малѣйшемъ недоразумѣніи, въ то время какъ зазимовавшій полтавецъ, у котораго домъ за тридевять земель, и который знаетъ, что бросать «по снѣгу» насиженное мѣсто—вторая смерть,—сидитъ спокойно. За то мѣстные имѣютъ въ холода то преимущество, что они «одежистѣе» и, облекшись въ броню своихъ бараньихъ шкуръ, не боятся никакого урагана. Третьимъ сортомъ идутъ литвины и наконецъ въ концѣ, въ послѣднемъ разборѣ, стоитъ всякій сбродъ, наши исконные «пьяницы, голь кабацкая», тѣ самые бурлаки, о которыхъ мы говорили выше. Тутъ уже есть представители всей Россіи, все это отбившееся отъ дома, отъ семьи, нашедшее на югѣ благопріятныя условія для своего существованія и перебивающееся изо дня въ день, какъ говорится, часомъ съ квасомъ, а порою съ водою. Все это ободранное, полуголое, прокутивъ до послѣдняго гроша свои лѣтніе заработки, разсыпается по южному берегу Крыма, по рыбнымъ промысламъ и по многочисленнымъ экономіямъ. Нехватка людей заставляетъ степняковъ хозяевъ, особенно въ Крыму, принимать въ качествѣ сроковыхъ бурлаковъ, на которыхъ зима дѣйствуетъ крайне усмиряющимъ образомъ и дѣлаетъ ихъ очень кроткими и послушными. Между ними попадаются порядочные и усердные рабочіе, но со всѣми ими одна бѣда: приходится держать ихъ только при экономіи и не посылать ни въ городъ, ни на вокзалъ,—однимъ словомъ, никуда, гдѣ только пріютился кабакъ: бурлакъ забудетъ свое дѣло, по которому онъ посланъ, и, зашедши выпить одну чарку, чтобы согрѣться, не выйдетъ уже до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ все, до послѣд-

нихъ шароваръ, вчера еще только купленныхъ ему хозяиномъ, и пока шинкарь не вытолкаетъ его за двери въ шею. А между тѣмъ, вѣдь, большая сумма зимней работы именно-то падаетъ на доставку экономіей на рынокъ или къ мѣстамъ сдачи продуктовъ своего хозяйства.

XI.

Земство Херсонской губерніи, которая помимо того, что сама даетъ работу огромному количеству пришельцевъ (по вычисленію мѣстныхъ статистиковъ, въ Херсонской губерніи находятъ ежегодно заработокъ не менѣе ста тысячъ пришлыхъ рабочихъ), но и служитъ главною дорогою всей остальной массѣ рабочихъ, отправляющихся въ Таврію и дальше въ Черноморье, давно уже обратило вниманіе на разрѣшеніе вопроса, въ какой мѣрѣ пришлые рабочіе служатъ источникомъ распространенія различныхъ заразныхъ болѣзней среди мѣстнаго населенія. Что пришлые элементы, отправляясь на югъ, часто несутъ съ собою зародыши разныхъ эпидемій, которые, попавши потомъ на благопріятную почву, развиваются въ средѣ коренного населенія—это можно было бы смѣло утверждать совершенно à priori, безо всякихъ положительныхъ данныхъ въ рукахъ. И нужно отдать честь Херсонскому земству, оно сдѣлало до настоящаго времени очень много для выясненія этого вопроса. А такъ какъ эта попытка въ дѣятельности земствъ новороссійскихъ губерній, пользующихся трудомъ пришлыхъ рабочихъ, осталась, кажется, единственною въ своемъ родѣ, то мы позволимъ себѣ познакомить здѣсь читателей съ кое-какими данными по этому вопросу, собранными земскими врачами г. Тезяковымъ и г. Уваровымъ *).

Впервые на санитарное значеніе пришлыхъ рабочихъ изъ другихъ губерній было обращено здѣсь вниманіе въ 1875 г., II-мъ губернскимъ съѣздомъ врачей и членовъ управъ Херсонской губерніи. Вырабатывая рядъ мѣръ противъ распространенія въ Херсонской губерніи сифилиса, съѣздъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на значеніе въ этомъ распространеніи пришлыхъ рабочихъ. Признавая, что пришлые изъ другихъ губерній рабочіе могутъ заражать сифилисомъ коренное

*) Сельско-хозяйственные рабочіе вообще и пришлые въ частности въ Херсонской губерніи въ санитарномъ отношеніи И. И. Тезяковъ. Херсонъ.

населеніе губерніи, съѣздъ принципіально высказался за необходимость надзора за пришлымъ элементомъ, какъ за одну изъ существенныхъ мѣръ противъ распространенія сифилиса. При детальномъ же обсужденіи вопроса, съѣздъ не остановился ни на одномъ изъ слѣдующихъ семи предложеній, имѣющихъ въ виду надзоръ за пришлыми рабочими:

1) По мѣрѣ возможности, по приглашенію какъ нанимателей, такъ и самихъ рабочихъ, а равно и сельскихъ властей, осматривать партіи рабочихъ, являющихся на заработки изъ другихъ губерній. 2) Врачи, какъ земскіе, такъ и правительственные обязаны по приглашенію хозяевъ свидѣтельствовать рабочихъ, буде послѣдуетъ на то согласіе послѣднихъ. 3) Земскіе врачи обязаны по приглашенію осматривать партіи рабочихъ, не принимая при этомъ никакихъ принудительныхъ мѣръ. 4) Предложить нанимателямъ, съ согласія рабочихъ приглашать врача для освидѣтельствованія нанятыхъ. 6) Осмотръ рабочихъ партій признается полезною мѣрою, но безъ употребленія принудительныхъ средствъ. 7) Сообщить посредствомъ газетъ нанимателямъ и посредствомъ циркуляра сельскимъ властямъ, о необходимости врачебнаго осмотра партій, а въ инструкціи земскимъ врачамъ внести въ число ихъ обязанностей осмотръ рабочихъ партій по приглашенію нанимателей и съ согласія рабочихъ. Не принявъ ни одного изъ этихъ предложеній, съѣздъ постановилъ: передать ихъ на предварительное обсужденіе уѣздныхъ съѣздовъ врачей. Херсонскій уѣздный съѣздъ въ 1876 *) году высказался за обязательный врачебный осмотръ пришлыхъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они скопляются массами для найма, а также и за осмотръ рабочихъ—коренныхъ жителей уѣздовъ въ губерніи, возвращающихся изъ отхожихъ промысловъ. На IV губернскомъ съѣздѣ въ 1877 году, послѣ продолжительныхъ преній, состоялось такое постановленіе: «находя съ одной стороны, что обязательное освидѣтельствованіе всѣхъ приходящихъ рабочихъ встрѣтило бы сильное и часто непреодолимое препятствіе, а съ другой, что до сихъ поръ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, чтобы судить, въ какой степени развитіе сифилиса въ нашихъ мѣстностяхъ обусловливается именно пришлыми рабочими, съѣздъ постановилъ подвергнуть въ возможно скоромъ времени обработкѣ медико-статистическія данныя о сифилисѣ, обязательно

*) Значитъ, какъ давно уже признавалось необходимымъ то, что и теперь, въ большинствѣ мѣстъ существуетъ только, а то такъ и вовсе не существуетъ.

собираемыя и въ настоящее время участковыми и другими врачами. При собираніи этихъ свѣдѣній, должно имѣть въ виду опредѣленіе мѣста заболѣванія, а при разработкѣ—разъясненіе связи между степенью развитія болѣзни и возможностью занесенія ея рабочими. Если бы такимъ образомъ добыты были данныя, свидѣтельствующія о томъ, что дѣйствительно большой процентъ заболѣваній сифилисомъ можетъ быть приписанъ занесенію его рабочими, то получилось бы основаніе для обязательнаго осмотра приходящихъ рабочихъ».

На этомъ собственно тогда и остановились заботы по организаціи надзора за пришлыми рабочими, какъ и многія другія пожеланія въ борьбѣ съ сифилисомъ. Только въ 1888 году, на XI губернскомъ съѣздѣ врачей и членовъ управъ, коммиссія по разсмотрѣнію санитарныхъ вопросовъ вновь выдвинула на очередь и поставила болѣе широко вопросъ о санитарномъ значеніи для губерніи пришлыхъ рабочихъ. Въ докладѣ коммиссіи, «изслѣдованіе пришлыхъ рабочихъ» включено въ программу тѣхъ работъ, которыя должны быть выполнены санитарными врачами въ ближайшемъ будущемъ. Этотъ вопросъ, говорится въ этомъ докладѣ, выдвинулся самъ собою при разработкѣ свѣдѣній о заболѣваемости населенія. Хотя разработка свѣдѣній за одинъ годъ и не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для предпринятія такой сложной работы, но коммиссія все-таки считаетъ возможнымъ поставить ее на первый планъ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что наша губернія по преимуществу земледѣльческая и нуждается въ пришлыхъ рабочихъ, которые въ дѣйствительности и приходятъ въ нашу губернію въ большемъ количествѣ, а также и то обстоятельство, что санитарные врачи, независимо одинъ отъ другого, пришли къ убѣжденію, наталкиваемые фактами изъ жизни, что изслѣдованіе этого вопроса очень важно. Въ виду сложности вопроса и невозможности по краткости времени выработать въ настоящее время подробную программу для этого изслѣдованія, коммиссія находитъ нужнымъ поручить разработку этой программы губернской медицинской коммиссіи, куда должны быть приглашены для участія и санитарные врачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо уполномочить медицинскую коммиссію ходатайствовать передъ губернскою управою, чтобы она сама лично, или черезъ губернское собраніе доставила санитарнымъ врачамъ всѣ средства для производства этого изслѣдованія, наприм., исходатайствовала со-

дѣйствіе администраціи при изслѣдованіяхъ на большихъ базарахъ, (Березовка, Каховка и т. п.) право осмотра рабочихъ и ихъ помѣщеній, снабженія необходимыми средствами для изслѣдованія и т. п. Всѣ предложенія коммиссіи съѣздомъ были приняты. Д-ромъ М. С. Уваровымъ въ началѣ 1889 г., по порученію губернской медицинской коммиссіи, составлена «программа изслѣдованія пришлыхъ рабочихъ», которая въ мартѣ 1889 г. была разсмотрѣна коммиссіей, съ участіемъ санитарныхъ и нѣкоторыхъ участковыхъ врачей и членовъ елизаветградской и херсонской земскихъ управъ. По программѣ д-ра Уварова, изслѣдованіе пришлыхъ рабочихъ распадается на три части, улавливающія три фазы жизни сельско-хозяйственныхъ пришлыхъ рабочихъ: 1) рабочіе въ пути, 2) рабочіе на рынкѣ и 3) рабочіе на мѣстѣ найма. Коммиссіею признано весьма затруднительнымъ изслѣдованіе «рабочихъ въ пути», при чемъ было высказано, что въ значительной мѣрѣ эта часть программы можетъ быть выполнена при изслѣдованіи рабочихъ въ экономіяхъ. При обсужденіи второй части программы «изслѣдованіе на рынкѣ», однимъ изъ присутствующихъ членовъ земской управы было выражено опасеніе, что расширеніе амбулаторій на счетъ пришлаго элемента вызоветъ значительные расходы *), а потому едва ли можетъ быть допущенъ безъ особыхъ разрѣшеній земскихъ собраній пріемъ пришлыхъ рабочихъ въ существующихъ земскихъ амбулаторіяхъ, а тѣмъ болѣе временное открытіе новыхъ, въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочихъ. Для регистраціи рабочихъ коммиссіею приняты двоякія карточки: одна для рабочей артели, а другая для отдѣльнаго рабочаго. Для того, чтобы по возможности имѣть понятіе о всемъ числѣ наемныхъ рабочихъ,

*) Намъ кажутся слишкомъ странными подобные взгляды. Точно приходящіе въ Херсонскую губернію на заработки рабочіе не служатъ главными факторами развитія экономическаго благосостоянія этой губерніи и точно, при болѣе улучшенномъ санитарномъ надзорѣ за ними (и изолированіи больныхъ заразными болѣзнями), это не скажется прежде всего на улучшеніи общаго санитарнаго состоянія кореннаго населенія, соприкасающагося съ пришлымъ самымъ тѣснымъ образомъ. Почему же такіе напрасные страхи относительно лишнихъ расходовъ? Потому что эти расходы должны пойти не на непосредственныхъ плательщиковъ земства? Но вѣдь подобный взглядъ очень узокъ и не имѣетъ подъ собой никакой логически-строгой почвы, такъ какъ только благодаря труду пришлыхъ рабочихъ подвигается впередъ сельское хозяйство Херсонской и другихъ новороссійскихъ губерній.

пришлыхъ и мѣстныхъ въ губерніи, коммиссія нашла нужнымъ, въ наиболѣе горячее рабочее время года разослать черезъ уѣздныя земскія управы вопросные бланки гг. землевладѣльцамъ крупныхъ и среднихъ экономій, съ просьбою доставить свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, примѣнительно къ одному дню или недѣлѣ.

Всестороннее санитарное изслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ объемѣ указанной программы, было бы крайне важно, но при настоящихъ условіяхъ оказалось невыполнимымъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, прошедшихъ со времени утвержденія медицинскою коммиссіею программы, только нѣкоторые изъ санитарныхъ врачей могли часть своего времени удѣлить изслѣдованію рабочихъ, тогда какъ другіе въ это время заняты работами, имѣющими не менѣе важное санитарное значеніе для губерніи.

При повѣркѣ вопроса, полномъ отсутствіи литературныхъ данныхъ, ограниченности въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, настоящею работою. первою по данному вопросу, санитарное значеніе пришлыхъ рабочихъ не могло быть выяснено съ надлежащей полнотой. Тѣмъ не менѣе, имѣющіеся матеріалы, не смотря на всю ихъ неполноту, дозволяютъ подтвердить то, что высказывалось ранѣе, какъ предположеніе, что сельско-хозяйственные рабочіе вообще, а пришлые изъ другихъ губерній въ особенности, при настоящихъ санитарно-экономическихъ условіяхъ ихъ быта, не только служатъ благопріятною средой для развитія всякаго рода заболѣваній, но, при своей подвижности, являются нерѣдко разносчиками заразныхъ болѣзней по губерніи.

Являясь на югъ въ достаточной степени уже истощенными весенними «злыднями» и условіями дальней, полной всевозможныхъ лишеній дороги, рабочіе часто сразу же, не поступая еще на мѣсто, попадаютъ въ особенно неблагопріятныя, антигигіеническія условія. Такъ, напримѣръ, нельзя, говоритъ д-ръ Тезяковъ, не упомянуть объ одномъ вопіющемъ фактѣ, замѣченномъ санитарнымъ врачомъ Чепурковскимъ въ Каховкѣ. Здѣсь десятки тысячъ рабочихъ принуждены пользоваться днѣпровскою водой, хотя тутъ же на базарной площади имѣется очень большой колодезь съ хорошею водой, но колодезь этотъ на время ярмарокъ сдается владѣльцемъ мѣстечка, извѣстнымъ милліонеромъ, въ аренду, а арендаторъ требовалъ отъ рабочихъ ни больше, ни меньше, какъ по четыре копѣйки за чайникъ воды. Хотя владѣлецъ мѣстечка, узнавъ о такомъ возмутительномъ вымогательствѣ и

запретилъ арендатору брать съ рабочихъ за воду плату, но для послѣдняго, видно, вольно было и не обращать вниманія на такое запрещеніе. Въ Бобринцѣ рабочіе, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, располагаясь на лѣсной площади, пользуются водою изъ больничнаго колодца, мало пригоднаго для внутренняго употребленія. Все это порождаетъ, конечно, не мало гастрическихъ заболѣваній.

Собственно говоря, полученныя земскими врачами Херсонской губерніи цифры сравнительной заболѣваемости мѣстнаго деревенскаго населенія и пришлаго, могутъ быть только приблизительно вѣрны, такъ какъ самъ г. Тезяковъ сознаетъ, что пришлые рабочіе мало знакомы съ нашими земскими амбулаторіями, они не всегда знаютъ, что въ послѣднихъ могутъ получить безплатную медицинскую помощь. Пришлые сельско-хозяйственные рабочіе, какъ народъ служащій, къ тому же не могутъ свободно располагать своимъ временемъ, а потому только въ серьезныхъ заболѣваніяхъ могутъ обращаться за медицинскою помощью; въ большинствѣ же случаевъ, всѣ экономическіе рабочіе при частныхъ, но болѣе или менѣе непродолжительныхъ, легкихъ заболѣваніяхъ лѣчатся домашними средствами экономіи, вѣрнѣе—обходятся безо всякой медицинской помощи. Экономическому рабочему отправиться въ амбулаторію, отстоящую отъ экономіи въ 5—20 и болѣе верстахъ, значитъ потерять одинъ-три рабочихъ дня, за которые, какъ за прогульные, придется поплатиться штрафомъ изъ сроковой заработной платы. Какое важное значеніе имѣетъ для пришлыхъ рабочихъ незнаніе мѣстныхъ условій, видно изъ того, что появленіе въ м. Каховкѣ и въ г. Херсонѣ на ярмаркахъ санитарныхъ врачей и сообщеніе ими рабочимъ о возможности воспользоваться безплатною медицинскою помощью, значительно повышало число больныхъ рабочихъ въ амбулаторіяхъ *). Помимо сказанныхъ обстоятельствъ, несомнѣнно стѣсняющихъ пришлый рабочій людъ въ обра-

*) Однако на ряду съ этимъ встрѣчаются и такіе факты: среди рабочихъ, пришедшихъ въ Каховку, было зарегистрировано двадцать шесть душъ съ заразными болѣзнями, а въ числѣ ихъ двое оспенныхъ, пришедшихъ изъ мѣстности, пораженной оспой. Больные шли въ партіи съ другими своими односельцами и на ярмаркѣ, лежа бокъ-о-бокъ съ массою артелей, легко могли заразить своихъ сосѣдей. Ихъ замѣтили, изолировали въ больничную баню земской больницы, откуда они тотчасъ же убѣжали. Впослѣдствіи оказалось, что они поступили въ экономію г. Крыма „Аргинъ“, Ѳеодосійскаго уѣзда и сдѣлались тамъ источникомъ возникновенія эпидеміи натуральной оспы.

щеніяхъ за медицинскою помощью, нужно имѣть еще и то въ виду, что масса пришлыхъ рабочихъ остается въ предѣлахъ губерніи всего полгода, а слѣдовательно, если рабочіе болѣютъ и пользуются медицинскою помощью въ одинаковой степени съ мѣстнымъ населеніемъ, то и тогда, чтобы имѣть цифры заболѣваемости тѣхъ и другихъ жителей, сравнимыя между собой, мы должны полученныя вышеприведеннымъ вычисленіемъ цифры пришлыхъ по крайней мѣрѣ удвоить, т.-е. приравнять ихъ къ году, а если принять во вниманіе, что пришлый элементъ составляютъ рабочіе въ цвѣтущемъ, молодомъ возрастѣ, болѣе выносливомъ и, слѣдовательно, менѣе болѣющемъ, то и утроить. Въ группахъ рабочихъ слабо были выражены эпидемическія заболѣванія, хотя другія инфекціонныя встрѣчаются у нихъ такъ же часто, какъ и у собственниковъ. Сифилисъ у рабочихъ далъ нѣсколько меньшія отношенія, чѣмъ въ коренномъ населеніи, зато у рабочихъ венерическія болѣзни выражены очень рѣзко. Паразитальныя и конституціональныя заболѣванія у рабочихъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ у земледѣльцевъ-собственниковъ. Группа мѣстныхъ болѣзней даетъ у рабочихъ значительно большее число заболѣваній, по сравненію съ собственниками. Изъ мѣстныхъ болѣзней по относительной частотѣ выдѣляются болѣзни глазъ и органовъ пищеваренія. Кромѣ того, у рабочихъ повышены заболѣванія нервной системы, двигательнаго аппарата, кожи и подкожной клѣтчатки и травмы. Изъ эпидемическихъ болѣзней у рабочихъ наичаще встрѣчается брюшной тифъ и дизентерія, развитіе которыхъ можетъ быть поставлено въ прямую зависимость отъ неудовлетворительной санитарной обстановки жизни экономическихъ рабочихъ. Санитарный врачъ Діатроптовъ въ отчетѣ по елизаветградскому уѣзду говоритъ, что тифъ въ экономіяхъ явленіе нерѣдкое. Поддерживаемый иногда плохой гигіенической обстановкою, а главное полнѣйшимъ отсутствіемъ ухода, онъ принимаетъ тамъ нерѣдко очень тяжелыя формы и дѣлаетъ эти экономіи настоящими очагами заразы. При такихъ условіяхъ тифъ, появившись въ какой-нибудь экономіи, быстро распространяется между рабочими и, отзываясь вслѣдствіе лишенія рабочей силы, крайне невыгодно на интересахъ владѣльца экономіи, въ то же время отнимаетъ у пришедшаго, иногда издалека, рабочаго надежду что-нибудь заработать. Въ томъ же отчетѣ приводится описаніе эпидеміи дизентеріи въ Миролюбовской экономіи, куда впервые дизентерія была занесена пришлыми рабочими

изъ Кіевской губерніи, нанявшимися уже больными. Попавши на благопріятную почву, болѣзнь эта быстро развилась въ экономическую эпидемію и въ короткое время поразила свыше 30 человѣкъ; купировать заразу, помѣшать ей развиться, не представлялось рѣшительно никакой возможности, какъ вслѣдствіе отсутствія въ экономіи какихъ бы то ни было приспособленій для изоляціи больныхъ, такъ и вообще вслѣдствіе довольно плохой гигіенической обстановки рабочихъ. Больные часто помѣщались подъ открытымъ небомъ и, бродя всюду, заражали весь экономическій дворъ. «Въ виду частыхъ появленій, при сказанныхъ благопріятныхъ случаяхъ, среди рабочихъ брюшнаго тифа и дизентеріи *), эти эпидемическія заболѣванія могутъ быть признаны типичными заразными для пришлыхъ, тогда какъ всѣ другія эпидемическія заболѣванія у нихъ являются, какъ исключеніе». Дифтеритъ, составляющій для коренного населенія ужасный дѣтскій бичъ, даетъ сравнительно мало заболѣваній у пришлыхъ рабочихъ (около 2% всѣхъ здоровыхъ). Нижеслѣдующій случай появленія дифтерита между пришлыми рабочими экономіи г. О. интересенъ для характеристики экономической заботливости о здоровьѣ рабочихъ.

Въ семьѣ г. О. заболѣлъ дифтеритомъ ребенокъ (заболѣваніе было констатировано врачомъ); желая предохранить другихъ дѣтей своей семьи отъ заболѣванія, г. О. изолировалъ больнаго ребенка въ рабочую кухню, служащую единственнымъ въ экономіи помѣщеніемъ для рабочихъ. Вскорѣ (по смерти ребенка) дифтеритомъ заболѣлъ одинъ изъ рабочихъ, котораго г. О. сейчасъ отправилъ въ бобринецкую больницу, что и заставило обратить во́ время вниманіе на экономію и тѣмъ самымъ парализировать тамъ возможное развитіе дифтерита среди рабочихъ. Заразныя не эпидемическія заболѣванія у рабочихъ, безъ раздѣленія ихъ на мѣстныхъ и пришлыхъ, встрѣчаются не чаще, чѣмъ у земледѣльцевъ-собственниковъ. Но когда мы возьмемъ отдѣльно заболѣваемость пришлаго и мѣстнаго рабочаго люда, то между заразною не эпидемическою заболѣваемостью ихъ находимъ значительную разницу, которая почти всецѣло зависитъ отъ неодинаковой заболѣваемости ихъ перемежною лихорадкой. Перемежная лихорадка составляетъ въ группѣ собственниковъ хозяевъ 40,4%, у мѣстныхъ рабочихъ 48,1% и у пришлыхъ 69,9% всей ихъ заразной заболѣва-

*) А также и сыпнаго тифа.

емости. По отношенію къ общей заболѣваемости, лихорадка у земледѣльцевъ - собственниковъ составляетъ 7,8%, у мѣстныхъ 6,2% и у пришлыхъ 11%. Изъ этіологіи мы знаемъ, что въ мѣстности, гдѣ малярія существуетъ эндемически, особенной опасности заболѣванія подвергаются лица пришлыя. Въ силу этого, пришлые рабочіе уже à priori въ нашихъ лихорадочныхъ мѣстностяхъ дадутъ больше больныхъ лихорадкою, чѣмъ мѣстные рабочіе, которые, въ силу своей акклиматизаціи, должны быть менѣе воспріимчивы къ малярійному яду. Помимо этого, сравнительно большой процентъ малярійныхъ заболѣваній пришлые рабочіе даютъ и потому, что находятся въ Херсонской*) губ. во время, такъ сказать, лихорадочнаго сезона. Заболѣванія лихорадкою усиливаются, какъ извѣстно, въ апрѣлѣ, съ выходомъ рабочаго населенія въ степь, держатся почти съ одинаковою интенсивностью во все время сельско - хозяйственнаго рабочаго періода и ослабѣваютъ только въ октябрѣ, съ наступленіемъ холодовъ и съ окончаніемъ сельско - хозяйственныхъ работъ. Въ продолженіе всего періода усиленія заболѣваній перемежною лихорадкой, все крестьянское коренное рабочее населеніе и пришлые рабочіе живутъ подъ открытымъ небомъ въ степи, ночуя здѣсь прямо на сырой землѣ, часто даже безъ подстилки, вслѣдствіе чего постоянно подвергаются вреднымъ метеорологическимъ вліяніямъ. Если помимо этого принять во вниманіе, что, живя въ степи, рабочее населеніе пьетъ въ большинствѣ случаевъ недоброкачественную воду ставковъ, такъ какъ въ херсонскихъ степяхъ хорошую воду достать не вездѣ легко, то нечего удивляться массѣ лихорадочныхъ заболѣваній какъ у земледѣльцевъ-собственниковъ, такъ и особенно у пришлыхъ рабочихъ. Изъ другихъ заразныхъ заболѣваній рабочіе, какъ мѣстные, такъ и пришлые, чаще поражаются крупозною пневмоніей, туберкулёзомъ, рожей, сибирской язвой, причемъ послѣднія двѣ формы дали большія отношенія у пришлыхъ, туберкулёзъ же и крупозная пневмонія у мѣстныхъ рабочихъ.

Венерическія болѣзни у мѣстныхъ рабочихъ въ два, а у пришлыхъ въ четыре раза встрѣчаются чаще, чѣмъ у земледѣльцевъ-собственниковъ. Д-ръ Уваровъ обращаетъ вниманіе на то, что въ сифилисѣ и венерическихъ болѣзняхъ замѣтно возрастаніе процента у пришлыхъ съ года на годъ. Едва ли это можно объяснить, говоритъ онъ, улуч-

*) И въ Таврической также.

шеніемъ регистраціи,—при послѣднемъ обстоятельствѣ увеличеніе было бы во всѣхъ формахъ, или по крайней мѣрѣ въ характерныхъ для пришлыхъ; нѣтъ основанія также думать, что сифилисъ все болѣе распространяется между пришлыми; объясненіе, быть-можетъ, лежитъ въ томъ, что за послѣдніе годы на это обстоятельство болѣе обращено вниманія врачами, а можетъ-быть и въ томъ, что сами рабочія артели все болѣе сознаютъ опасность нахожденія среди нихъ сифилитиковъ и принимаютъ мѣры къ ихъ обнаруживанію. Пришлые рабочіе, съ одной стороны, въ силу выясненныхъ выше бытовыхъ условій, являются благопріятною средою для развитія среди нихъ сифилиса, а слѣдовательно нахожденіе въ партіяхъ хотя бы одного заразнаго сифилитика, прежде всего не безразлично для самихъ же рабочихъ; а съ другой стороны,—рабочія артели, имѣя въ своей средѣ заразныхъ сифилитиковъ, двигаясь по населеннымъ пунктамъ губерніи, колеся ее вдоль и поперекъ и приходя, какъ во время этого передвиженія, такъ и особенно во время жизни въ экономіяхъ, въ тѣсное соприкосновеніе съ мѣстнымъ кореннымъ населеніемъ, главнымъ образомъ съ мѣстными рабочими, служатъ разносчиками сифилитической заразы по губерніи. Не нужно ли поэтому поставить географическое распространеніе по губерніи сифилиса въ прямую связь съ передвиженіемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ партій?

Наиболѣе пораженными являются два сѣверныхъ уѣзда, за ними слѣдуютъ херсонскій и ананьевскій и менѣе всего—одесскій и тираспольскій. Такимъ образомъ, сифилисъ наиболѣе распространенъ въ тѣхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, которые принимаютъ наибольшее участіе въ передвиженіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ массъ, какъ: 1) лежащіе на пути движенія рабочихъ къ главнѣйшимъ рынкамъ найма; 2) сами пользующіеся сельско-хозяйственными пришлыми рабочими и 3) наконецъ, какъ александрійскій уѣздъ, съ значительно развитыми отхожими сельско-хозяйственными промыслами. Было бы поспѣшно большое распространеніе въ указанныхъ уѣздахъ сифилиса всецѣло ставить въ зависимость отъ передвиженія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, хотя въ пользу этого мы имѣемъ, помимо теоретическихъ соображеній, и нѣкоторыя фактическія данныя. Санитарнымъ врачомъ александрійскаго уѣзда подмѣчено бо́льшее распространеніе сифилиса въ районѣ помѣщичьихъ хозяйствъ, причемъ районы эти окружены поясомъ заразныхъ формъ.

Въ херсонскомъ уѣздѣ, санитарный врачъ обращаетъ вниманіе на большое распространеніе сифилиса въ восточной части уѣзда, а именно въ волостяхъ: покровской, михайловской, каменской, качкаровской, александровской и заградовской. Д-ръ Чепурковскій, указывая на то, что многія изъ названныхъ мѣстностей лежатъ на пути движенія пришлыхъ рабочихъ въ Каховку, высказывается за возможность зараженія этихъ мѣстностей передвигающимися массами рабочихъ. Мысль эта особенно становится вѣроятною, если принять во вниманіе, что наиболѣе бѣдные изъ рабочихъ, идущіе небольшими партіями изъ болѣе отдаленныхъ губерній Курской и Орловской, питаются выпрашиваніемъ милостыни и пользуются гостепріимствомъ мѣстнаго населенія.

Мѣстныя болѣзни у рабочихъ даютъ большій процентъ въ общей ихъ заболѣваемости, чѣмъ въ группѣ земледѣльцевъ-собственниковъ. Изъ группы мѣстныхъ болѣзней наиболѣе часто регистрируются болѣзни органовъ пищеваренія.

Частыя желудочно-кишечныя заболѣванія у рабочихъ могутъ быть поставлены въ связь съ неудовлетворительнымъ ихъ питаніемъ и, въ особенности, съ частымъ употребленіемъ недоброкачественной воды. Болѣзни органовъ обонянія и дыханія повышены у пришлыхъ рабочихъ, причемъ наиболѣе часты бронхиты. Причины преобладанія у пришлыхъ рабочихъ бронхитовъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, при которыхъ рабочіе живутъ и работаютъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Пневмоніи (за исключеніемъ крупозной) и туберкулёзъ, какъ хроническія болѣзни, должны у пришлыхъ встрѣчаться рѣже, потому что рабочіе, съ выраженными подобными формами, должны среди пришлыхъ составлять исключеніе, такъ какъ такимъ больнымъ непосильно дойти до мѣста найма, при обычныхъ условіяхъ движенія рабочихъ. Пришлые рабочіе, которые такими болѣзнями заболѣваютъ у насъ, вслѣдствіе ограниченнаго времени для того, чтобы эти процессы могли быть достаточно у нихъ выражены, въ большинствѣ случаевъ регистрируются, какъ бронхитики. Между тѣмъ туберкулёзъ у пришлыхъ рабочихъ регистрируется не рѣже, чѣмъ и у земледѣльцевъ-собственниковъ, что положительно говоритъ за то, что распространеніе туберкулёза между рабочими вообще, а пришлыми въ особенности, находитъ вполнѣ благопріятныя условія, на что и должно быть обращено особое вниманіе при вопросѣ о мѣрахъ борьбы съ туберкулёзомъ. Изъ группы мѣстныхъ болѣзней большаго интереса заслужи-

ваетъ отношеніе отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ къ заболѣваніямъ глазъ. Болѣзни глазъ у земледѣльцевъ собственниковъ составляютъ 5,4%, у мѣстныхъ рабочихъ 6,8% и у пришлыхъ 7,6% общей ихъ заболѣваемости.

Конъюнктивиты, какъ профессіональная болѣзнь сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, составляютъ болѣе половины всѣхъ заболѣваній во всѣхъ группахъ и у рабочихъ лишь немногимъ больше, чѣмъ у земледѣльцевъ собственниковъ. Трахома особенно рѣзко выражена у пришлыхъ рабочихъ.

Травматическія поврежденія у рабочихъ значительно повышены. Травматическія поврежденія, составляющія всегда замѣтный и довольно постоянный процентъ въ общей заболѣваемости сельско-хозяйственныхъ рабочихъ группъ, регистрируются пропорціонально усиленію въ напряженности сельско-хозяйственныхъ работъ и находятся въ прямой зависимости отъ широкаго распространенія въ Херсонской губерніи сельско-хозяйственныхъ машинъ, особенно паровыхъ и конныхъ молотилокъ *). Въ годы урожайные мы видимъ повышеніе травмати-

*) Иногда происходятъ травматическія поврежденія, полученныя не по неосторожности, а по другимъ причинамъ. Слѣдующій случай служитъ характернымъ образчикомъ любимой забавы могучаго и отъѣвшагося мужика-хозяина съ рабочимъ. „Во время объѣзда,—пишетъ корреспондентъ „Крымскаго Вѣстника“ изъ мелитопольскаго уѣзда, нѣкоторыхъ участковъ крестьянскихъ посѣвовъ, приходится подчасъ наблюдать самыя возмутительныя вещи, которыя совершаются среди широкой, безлюдной степи, вдали отъ человѣческаго взора. Слѣдующій фактъ варварскаго принужденія усиленно работать, подмѣченъ мною на дняхъ, при выѣздѣ въ поле для ознакомленія на мѣстѣ со степенью нынѣшняго урожая, со стороны хозяевъ-крестьянъ къ тѣмъ измученнымъ продолжительнымъ постомъ рабочимъ, которые, въ надеждѣ на заработокъ, прибыли въ нашъ уѣздъ. Въ виду того, что хлѣбъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ бурь залегъ и его „скрутило“ такъ, что невозможно сжать его жатвенною машиною, нѣкоторые крестьяне наняли косарей. Хозяинъ шелъ съ косой позади работника, а работникъ, шедшій впереди, несмотря на усталость (время было поздними сумерками), долженъ былъ—volens-nolens—шагать быстро впередъ, боясь быть захваченнымъ косой своего сытаго хозяина. Оказывается, что случаи раненія рабочихъ такимъ способомъ нерѣдки и зарегистрированы даже земскими участковыми врачами. Одинъ изъ нихъ въ своемъ отчетѣ разсказываетъ, что вечеромъ былъ привезенъ въ амбулаторію крестьянинъ, весь буквально залитый кровью, со слабыми признаками жизни. Оказалось, что у него перерѣзана артерія и случилось это такъ: на косовицѣ онъ шелъ впереди, а сзади его въ томъ же столбѣ шелъ его хозяинъ. Чтобы работникъ не отставалъ, обыкно-

ческихъ поврежденій, въ зависимости отъ болѣе продолжительнаго сезона молотьбы и большей поспѣшности въ самыхъ работахъ, которыя въ нѣкоторыхъ экономіяхъ и во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ производятся даже и по ночамъ. Болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки идутъ параллельно травматическимъ поврежденіямъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вызываются общими причинами.

Такимъ образомъ, говоритъ д-ръ Тезяковъ, параллельно изучая болѣзненность трехъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ группъ, мы имѣли возможность подтвердить фактами высказанное выше апріорное положеніе, что въ характерѣ заболѣваемости различныхъ земледѣльческихъ группъ, хотя и имѣется много общаго, но въ то же время, какъ постоянное явленіе, встрѣчаются и особенности, типичныя для той или иной сельскохозяйственной группы. Изъ группы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, по характеру заболѣваемости, рѣзко выдѣлялись сельско-хозяйственные рабочіе, отмѣченные пришлыми. Мы констатировали, что у сельско-хозяйственныхъ рабочихъ рѣже встрѣчаются эпидемическія заболѣванія, чѣмъ у земледѣльцевъ-собственниковъ. Изъ эпидемическихъ болѣзней у рабочихъ наичаще встрѣчаются брюшной тифъ и дизентерія. Изъ другихъ заразныхъ у рабочихъ часты заболѣванія перемежною лихорадкою, причемъ пришлые рабочіе въ полтора раза больше поражаются маляріей, чѣмъ земледѣльцы-собственники и мѣстные рабочіе. Сифилисъ, по количеству заболѣваній у рабочихъ мѣстныхъ и пришлыхъ, не выдѣляется, но у рабочихъ преобладаютъ его заразныя формы. Наравнѣ

венно хозяинъ идетъ сзади и такимъ образомъ подгоняетъ впереди идущаго работника; дѣло было къ вечеру, работникъ порядочно усталъ и размахъ косы, а также шаги его стали замедляться; въ одно изъ такихъ замедленій, хозяинъ, шедшій сзади съ косой, хватилъ по правой ногѣ сзади работника и перехватилъ ему всю заднюю часть мускуловъ ноги, до обнаженія кости; работникъ свалился, обливаясь кровью, которая шла струей и около упавшаго образовалась лужа крови. Сосѣди, тутъ же находившіеся, стали помогать унять кровь: засыпали рану землей, залѣпили мякиной хлѣба, обмотали рану портками, снятыми съ упавшаго и въ такомъ видѣ пострадавшій былъ доставленъ весь синій, съ похолодѣвшими конечностями, въ пріемный покой. Такіе случаи раненія, если они не принимаютъ широкихъ размѣровъ, обыкновенно не доходятъ до врача, во-первыхъ потому, что рабочій не желаетъ залечь въ больницу, а во-вторыхъ мирится со своимъ хозяиномъ за нѣсколько пятаковъ и тѣмъ кончается дѣло, а пока чувство самосохраненія толкаетъ рабочаго идти впередъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока онъ въ изнеможеніи не падаетъ подъ ударами хозяйской косы".

съ заразными формами сифилиса для рабочихъ типичны венерическія болѣзни. Болѣзни органовъ пищеваренія повышены у рабочихъ вообще и особенно у пришлыхъ, у послѣднихъ особенно часты—болѣзни зубовъ, ангины и поносы. Поносы у пришлыхъ рабочихъ регистрируются съ такою же частотой, какъ и дѣтскіе поносы въ коренномъ земледѣльческомъ населеніи. Болѣзни органовъ обонянія и дыханія, какъ и болѣзни органовъ пищеваренія, повышены у пришлыхъ рабочихъ, у которыхъ особенно часто встрѣчаются бронхиты. Туберкулезъ между сельско-хозяйственными рабочими вообще и особенно среди пришлыхъ, встрѣчаетъ вполнѣ благопріятныя условія для своего распространенія. Болѣзни глазъ сильно распространены. Конъюнктивиты здѣсь составляютъ профессіональную болѣзнь. Трахома, будучи болѣзнью частою среди нашихъ земледѣльцевъ, особенно рѣзко выражена у пришлыхъ рабочихъ. У всѣхъ рабочихъ значительно повышены болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки и травматическія поврежденія. Всѣ эти особенности въ заболѣваемости отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ группъ мы имѣемъ полное основаніе считать постоянными.

Обращаютъ на себя вниманіе частые случаи между рабочими головокруженія (vertigo), объясненіе чего мы должны искать въ истощеніи организма рабочаго отъ продолжительнаго пѣшаго пути и скуднаго при этомъ питанія. Въ связь же съ этимъ нужно поставить и частые случаи среди пришлыхъ рабочихъ гемералопіи. Изъ группы мѣстныхъ болѣзней, по числу зарегистрированныхъ случаевъ, первое мѣсто занимаютъ болѣзни глазъ, на долю которыхъ приходится около 16,2% всѣхъ больныхъ. Зарегистрированные единичные случаи трахомы могутъ лишь служить подтвержденіемъ нашихъ положеній основанныхъ на другихъ данныхъ, что пришлые рабочіе приходятъ къ намъ, заразившись трахомою еще дома. Такъ какъ трахома долгое время не безпокоитъ больного, потому и рабочій, зараженный ею, чувствуя лишь нѣкоторую неловкость въ глазу, «ради такихъ пустяковъ» не пойдетъ разыскивать амбулаторію, рискуя въ это время пропустить нанимателя*). Довольно замѣтную цифру больныхъ мы имѣемъ и въ группѣ болѣзней

*) Больной сыпнымъ тифомъ ни за что не хотѣлъ поступить въ больницу, боясь упустить случай наняться и уже въ безпамятствѣ былъ приведенъ товарищемъ.

органовъ пищеваренія. Мы уже знаемъ, что рабочимъ на рынкахъ приходится часто терпѣть отъ недостатка, въ водѣ,—недостатка, который по необходимости заставляетъ ихъ не обращать вниманія на качество воды и квасовъ, предлагаемыхъ рабочимъ услужливыми торговцами; если къ этому прибавить, что на рынкахъ, къ услугамъ неразборчивыхъ желудковъ рабочихъ всегда имѣются питательные продукты—рыба, сало и пр., недоброкачественность которыхъ, при отсутствіи санитарнаго надзора, не подлежитъ никакому сомнѣнію, то понятно, что зарегистрированные случаи острыхъ кишечныхъ заболѣваній далеко не выражаютъ ихъ дѣйствительной между рабочими частоты.

Этими немногими данными и исчерпывается нашъ матеріалъ о болѣзненности рабочихъ на рынкахъ. Мы видимъ, что въ заболѣваемости рабочихъ, на которой сказываются вліянія продолжительнаго пути при неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, подчеркиваются типичныя для рабочихъ вообще болѣзни: нѣкоторыя эпидемическія, лихорадка, болѣзни органовъ пищеваренія и глазныя болѣзни; кромѣ того, подчеркиваются болѣзни общаго разстройства питанія, кожи и подкожной клѣтчатки, которыя въ другое время у рабочихъ не бываютъ такъ рѣзко выражены. Какъ ни ограниченъ нашъ ярмарочный матеріалъ, но онъ даетъ намъ неоспоримыя указанія на то, что приходящіе на рынки для найма рабочіе приносятъ съ собой нерѣдко инфекціи, для распространенія которыхъ встрѣчаются тутъ же на рынкахъ вполнѣ благопріятныя условія; это съ одной стороны. Съ другой, тѣ же свѣдѣнія краснорѣчиво говорятъ и о томъ, что рабочіе, собирающіеся въ такой массѣ на рынкахъ, нуждаются въ серьезной медицинской помощи. Организація этой помощи, въ видѣ-ли постоянныхъ амбулаторій или въ видѣ временныхъ, съ необходимыми помѣщеніями для заразныхъ больныхъ, будетъ началомъ санитарнаго надзора за пришлыми рабочими на ярмаркахъ.

Въ разработанномъ выше матеріалѣ, продолжаетъ д-ръ Тезяковъ, зарегистрированномъ въ постоянныхъ земскихъ амбулаторіяхъ Херсонской губ. и въ амбулаторіяхъ м. Каховки и г. Херсона во время ярмарокъ, мы имѣли группировку такихъ болѣзненныхъ формъ, которыя, причиняя разнообразныя физическія страданія рабочимъ, тѣмъ самымъ или прерываютъ движеніе ихъ по пути къ мѣстамъ найма, или отрываютъ ихъ отъ работъ въ экономіяхъ, т.-е. мы имѣли дѣло съ такими заболѣваніями рабочихъ, которыя, помимо физическихъ страданій, наносятъ боль-

шой экономическій ущербъ не только рабочимъ, но и работонанимателямъ, лишая послѣднихъ неожиданно, подчасъ въ самое нужное время, лишней рабочей силы и разбивая надежды первыхъ тяжелымъ трудомъ и лишеніями поправить свое незавидное экономическое благосостояніе, заставившее ихъ бросить семьи и двинуться съ родины въ поиски за работой.—При всѣхъ такихъ заболѣваніяхъ рабочіе сами искали медицинской помощи. Совсѣмъ при иныхъ условіяхъ обнаружена болѣзненность экономическихъ рабочихъ, разсмотрѣніемъ которой мы займемся теперь. Выше мы имѣли дѣло, такъ сказать, съ острою болѣзненностью, или хроническою въ періодѣ обостренія, теперь же передъ нами такая хроническая болѣзненность экономическихъ рабочихъ, которая могла быть обнаружена только случайно при ихъ осмотрахъ въ экономіяхъ, т.-е. мы имѣемъ здѣсь такія заболѣванія, которыя до поры до времени дозволяютъ больнымъ оставаться въ средѣ своихъ товарищей и, въ случаѣ, если заболѣваніе заразное, передавать его послѣднимъ. Программою, предложенною для изслѣдованія пришлыхъ рабочихъ, по справедливости обращается большое вниманіе на изслѣдованіе «рабочихъ на мѣстѣ работы», какимъ мѣстомъ являются частновладѣльческія хозяйства. Этотъ пунктъ программы является наиболѣе выполнимымъ и наиболѣе существеннымъ въ вопросѣ объ организаціи санитарнаго надзора за пришлыми рабочими. Изслѣдованіями въ экономіяхъ можно пополнить и первыя двѣ части программы, выполненіе которыхъ встрѣчаетъ много непреодолимыхъ препятствій. Осмотромъ рабочихъ въ экономіяхъ мы не только собираемъ свѣдѣнія о хронической профессіональной болѣзненности сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, но одновременными разспросами получаемъ и свѣдѣнія о ихъ бытовыхъ условіяхъ, т.-е. именно тѣ свѣдѣнія, которыя по программѣ должны быть получены изслѣдованіемъ рабочихъ въ пути и на рынкахъ. Изслѣдованіе рабочихъ въ экономіяхъ дастъ возможность непосредственно ознакомиться съ санитарною обстановкой жизни рабочихъ въ экономіяхъ и съ санитарными условіями наиболѣе важныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Санитарный надзоръ не можетъ игнорировать всего этого. Мы уже познакомились съ экономическими помѣщеніями для рабочихъ и питаніемъ послѣднихъ; теперь прежде, чѣмъ перейти къ ознакомленію съ болѣзненностью рабочихъ, обнаруженной при осмотрахъ, мы обратимъ вниманіе на санитарную обстановку наиболѣе существенныхъ

экономическихъ работъ. Рабочій день экономическаго рабочаго начинается съ ранняго утра, т.-е. около 4 часовъ, и продолжается до поздняго вечера—7—9 часовъ, смотря по времени года, съ незначительными перерывами для завтрака, обѣда и полдника, на что въ общемъ тратится не болѣе $2^1/_2$ часовъ (на обѣдъ и отдыхъ $1^1/_2$ часа). Такимъ образомъ, въ среднемъ рабочій день экономическаго рабочаго продолжается отъ $12^1/_2$ до 15 часовъ, въ длинные лѣтніе дни. Какъ исключеніе, въ очень жаркіе дни въ нѣкоторыхъ экономіяхъ днемъ на нѣсколько часовъ работы прекращаются, пока не спадетъ дневной жаръ; время, потерянное днемъ, наверстывается ночными работами.

Въ общемъ, санитарная обстановка сельско-хозяйственныхъ работъ достаточно общеизвѣстна. Всѣ сельскія работы происходятъ всегда подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ; въ жаркое время, слѣдовательно подъ постояннымъ вліяніемъ на работающихъ палящихъ лучей солнца, дѣйствіе которыхъ, отражаясь на измѣненіи въ кровообращеніи мозга, иногда вызываетъ у рабочихъ мозговыя заболѣванія (insolatio); рѣзкія и столь частыя здѣсь температурныя колебанія, при отсутствіи для рабочихъ въ степи какихъ-либо помѣщеній, гдѣ бы они могли укрываться отъ дождя и холода, при недостаткахъ у рабочихъ теплаго платья, обусловливаютъ нерѣдкія въ средѣ рабочихъ ревматическія заболѣванія и столь частыя пораженія дыхательныхъ органовъ. Помимо этихъ общихъ условій, при которыхъ сельско-хозяйственный рабочій исполняетъ свои обязанности, на его здоровье оказываетъ спеціально вредное вліяніе обстановка работъ при нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ машинахъ, каковы конныя и паровыя молотилки и вѣялки, при которыхъ, помимо частыхъ травматическихъ случаевъ, отъ постояннаго пребыванія рабочихъ въ пыли, заболѣваютъ почти неизбѣжно глаза и часто дыхательные органы. Большая распространенность въ Херсонской*) губерніи не только въ крупныхъ, но и въ среднихъ хозяйствахъ и даже у крестьянъ молотилокъ—ручныхъ, конныхъ и паровыхъ—заставляетъ, при изученіи болѣзненности рабочихъ, обращать особенно серьезное вниманіе на вредныя стороны работъ при молотилкахъ. Ручныя молотилки, которыя въ настоящее время вытѣсняются конными, заслужили у крестьянъ справедливое названіе «душегубокъ». Разсказываютъ, что въ

*) Въ Таврической губ. эти машины распространены несравненно шире, нежели въ Херсонской.

одномъ поселеніи Эрделевской дачи два «крутія», вертящіе барабанъ, умерли съ натуги. Такъ ли это было, сказать мудрено, но во всякомъ случаѣ разсказъ этотъ характеризуетъ, на сколько трудна работа ручною молотилкой. Ручная молотилка не выгодна и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ изъ 8 человѣкъ рабочихъ одновременно работаютъ только четыре другіе же въ то время отдыхаютъ. Въ большемъ распространеніи, чѣмъ ручныя, конныя молотилки, которыя можно встрѣтить не только во всѣхъ среднихъ экономіяхъ, но нерѣдко и въ крупныхъ. Конныя молотилки на 4 — 8 лошадей требуютъ отъ 14 до 23 и болѣе рабочихъ, изъ которыхъ около половины будутъ женщины и мальчики-подростки, т.-е. полурабочіе. Конныя молотилки даютъ больше всего несчастныхъ случаевъ. Изъ 63 случаевъ поврежденій, зарегистрированныхъ д-ромъ Назаретовымъ въ 1890 году въ ровенскомъ участкѣ, 36 случаевъ произошли отъ неосторожнаго обращенія рабочихъ съ конными молотилками, причемъ въ двухъ случаяхъ, съ мальчиками 12 и 15 лѣтъ, получились такія тяжкія поврежденія, что несчастные погибли на мѣстѣ. Особенно часты поврежденія при молотилкахъ у крестьянъ. Паровыя молотилки на 8—10 силъ, существующія во всѣхъ крупныхъ хозяйствахъ, требуютъ одновременно рабочихъ отъ 50 до 70 человѣкъ, изъ которыхъ большую половину составляютъ полурабочіе — дѣвушки и мальчики, въ возрастѣ отъ 12 до 17 лѣтъ. Каждый рабочій у молотилки исполняетъ свою спеціальную обязанность, но притомъ такъ, что на долю полурабочихъ, женщинъ и мальчиковъ приходятся болѣе пыльныя, а слѣдовательно и болѣе для здоровья вредныя работы. У паровика находится кочегаръ, маслящикъ и одинъ или два водовоза. Отъ 10—20 человѣкъ рабочихъ заняты накладываніемъ хлѣба со скирдъ на гарбы и подвозкой послѣдняго къ молотилкѣ. Работа эта хотя и нелегкая, но сравнительно чистая. Отъ 2 до 4 рабочихъ мужчинъ подаютъ хлѣбъ на «столъ». Работа эта, требующая отъ подавальщиковъ значительной мускульной силы и ловкости, въ то же время очень пыльна. Но самая трудная и опасная работа «барабанщиковъ», т.-е. тѣхъ, которые непосредственно кладутъ хлѣбъ въ барабанъ *). Изъ барабана, прямо въ глаза бара-

*) По нашему мнѣнію, слѣдовало бы закономъ обязать всѣхъ хозяевъ, работающихъ паровыми молотилками, замѣнить барабанщиковъ, на долю кото-

банщикамъ бьетъ крупная растительная пыль, отдѣляющаяся отъ измельчаемыхъ колосьевъ; такая же пыль, но уже болѣе мелкая, поднимается снизу молотилки, изъ-подъ «соломотряса»; пыль эта, даже при незначительномъ вѣтрѣ, столбомъ поднимается надъ машиной и покрываетъ всѣхъ работающихъ такимъ густымъ слоемъ, что трудно у нихъ разобрать лицо и цвѣтъ платья,—все это сливается въ одинъ сплошной сѣрый цвѣтъ. Работа подавальщиковъ происходитъ всегда въ этой пыли и подъ постояннымъ къ тому же вліяніемъ жары, отъ прямо падающихъ лучей солнца. Подавальщики на барабанъ и другіе рабочіе стараются защищать глаза отъ пыли очками, но послѣдніе скоро покрываются слоемъ пыли, мѣшающимъ что-либо видѣть; и рабочіе по необходимости сбрасываютъ тогда очки. Женщины, избѣгая насмѣшекъ парубковъ, рѣдко пользуются очками, обыкновенно же закрываютъ платками все лицо, оставляя лишь небольшое отверстіе для глазъ, но такое укутываніе лица, само по себѣ уже вредное, мало защищаетъ отъ пыли, которая проникаетъ всюду—въ носъ и ротъ, и покрываетъ чернымъ слоемъ слизистыя оболочки послѣднихъ. Насколько тяжела работа подавальщиковъ въ барабанъ, можно судить и по тому, что послѣдніе работаютъ посмѣнно, мѣняясь черезъ каждые два-три часа. Кромѣ подавальщиковъ на «столъ», четыре женщины заняты подаваніемъ сноповъ барабанщикамъ. Слѣдующія, самыя грязныя работы всегда исполняются женщинами, такъ какъ не требуютъ особенной физической силы, а именно—двѣ-три женщины выгребаютъ «полову» и «сбоину» изъ-подъ соломотряса, т.-е. собираютъ и отгребаютъ все то, что въ видѣ пыли не поднимается вверхъ; отъ 2—5 дѣвочекъ «отгартаютъ» полову, два-три мальчика, при одной парѣ воловъ каждый, отвозятъ ее въ сторону къ скирдамъ, гдѣ 3—5 дѣвокъ и одинъ мужчина складываютъ полову. Отъ 6 — 8 рабочихъ (мужчинъ) и столько же полурабочихъ (женщинъ) тянутъ солому къ «ожереди» и укладываютъ ее. Тамъ, гдѣ молотилка работаетъ съ элеваторомъ, гдѣ, слѣдовательно, солома непосредственно элеваторомъ передается на «ожередь», рабочіе на послѣднемъ, отъ 10—18 душъ обоего пола, работаютъ подъ той же страшною пылью, какъ и всѣ

рыхъ падаетъ 75% травматическихъ поврежденій, механическими самоподавателями. Послѣдніе недороги, вполнѣ замѣняютъ ручную подачу и совершенно устраняютъ возможность увѣчій; къ этимъ самоподавателямъ переходятъ теперь лучшія имѣнія Таврической губ.

остальные. На сортировкѣ, вѣялкѣ работаютъ исключительно дѣвки, которыя по очереди вертятъ колесо.

Пыль, образующаяся при молотилкѣ, состоитъ изъ измельченныхъ частей колосьевъ и соломы, между которыми находятся такъ называемые «остюки»; послѣдніе-то, попадая въ глаза, всегда причиняютъ острую, невыносимую боль. «Молотильщики или тѣ, которые вѣютъ вымолоченное зерно,—говоритъ проф. Эрисманъ *),—страдаютъ отъ пыли. Пыль эта раздражаетъ глаза и, проникая въ дыхательные пути, производитъ весьма серьезное заболѣваніе легкихъ». По словамъ Merkel'я, пыль, развивающаяся при молотьбѣ различныхъ сортовъ зерноваго хлѣба и состоящая изъ измельченныхъ частей растеній, равно какъ изъ приставшей земли и т. д., очень вредна. «При работахъ съ молотилками, по Лане **), возникаютъ всѣ неудобства, сопряженныя съ пылевыми производствами вообще и лица, расположенныя къ чахоткѣ, могутъ особенно пострадать, если будутъ участвовать въ этой работѣ». Такова обычная санитарная обстановка работъ при молотилкахъ. Надо принять во вниманіе все количество конныхъ и паровыхъ молотилокъ и число рабочихъ рукъ при нихъ, и то, что молотьба обыкновенно происходитъ вездѣ одновременно, такъ какъ, при капиталистическомъ характерѣ у насъ земледѣльческаго производства, каждый земледѣлецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе обмолотить и запродать хлѣбъ. Молотьба, въ большинствѣ случаевъ, производится поденными или мѣстными, или пришлыми рабочими, смотря по мѣстнымъ условіямъ ***). Хлѣбъ, вымолоченный и очищенный сортировкою, въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ подвергается очисткѣ въ ссыпныхъ амбарахъ. Для такихъ манипуляцій амбаръ устраивается двухъ-этажный; въ верхній этажъ ссыпается подлежащее очисткѣ зерно, которое здѣсь вывѣтривается, при помощи спеціальныхъ для этого большихъ рѣшотъ. Такихъ рѣшотъ въ амбарѣ бываетъ нѣсколько; при рѣшетѣ двое рабочихъ. При такихъ работахъ въ амбарахъ стоитъ такая сильная пыль, что свѣжему человѣку нелегко пробыть тутъ нѣсколько минутъ. Очищенное зерно, затѣмъ, въ особыя отверстія спускается въ нижнее отдѣленіе амбара.

*) „Руководство къ гигіенѣ" 1872 г., часть 3, стр. 708.

**) „Земскій Врачъ" за 1888 г., стр. 107.

***) Говорится о Херсонской губерніи; въ Таврической главнымъ образомъ при молотилкахъ работаютъ сроковые рабочіе.

Мы не будемъ останавливаться на описаніи другихъ сельскохозяйственныхъ работъ въ экономіяхъ, хотя и онѣ не остаются безъ замѣтнаго вліянія на профессіональную заболѣваемость рабочихъ. Вообще мнѣніе древнихъ, говорившихъ, что трудъ хлѣбороба «самое пріятное и полезное занятіе», теперь, когда капиталистическій духъ царитъ въ области сельскаго хозяйства, для нашего времени врядъ-ли вѣрно. Со введеніемъ въ сельско-хозяйственную дѣятельность машинной обработки, санитарныя условія земледѣльческаго труда не улучшились, но измѣнились къ худшему. Машинная обработка внесла въ область сельскаго хозяйства до того мало знакомую спеціализацію труда, что сказалось развитіемъ въ средѣ сельскаго населенія профессіональныхъ болѣзней.

Во всѣхъ случаяхъ изслѣдованіе экономій производилось съ предварительнаго на то согласія владѣльцевъ, какъ это и было обусловлено нашими земскими собраніями, разсматривавшими настоящій вопросъ. Нѣкоторыя экономіи были осмотрѣны при участіи земскихъ участковыхъ врачей. Осмотръ рабочихъ производился какъ въ праздничные дни, такъ и въ рабочіе. Осмотры въ праздники, хотя и представляютъ много удобствъ, но имѣютъ и свои слабыя стороны: такъ, хотя рабочіе въ эти дни легче могутъ быть собраны для осмотра всѣ вмѣстѣ, но въ большинствѣ случаевъ этого сдѣлать никогда не удается, потому что мѣстные рабочіе, какъ поденные, такъ даже и сроковые, обыкновенно расходятся по домамъ, многіе же пришлые съ ранняго утра разбредаются по базарамъ и сосѣднимъ деревнямъ; понятно, что въ числѣ ушедшихъ могутъ быть рабочіе больные, которые, какъ наприм., сифилитики или венерики, могли уйти умышленно, съ цѣлью не подвергаться осмотру. Въ будни же послѣдняго быть не можетъ, такъ какъ рабочіе въ это время осматривались въ степи на мѣстѣ работы, въ перерывахъ для обѣда или полдника. При работахъ у молотилокъ, осмотръ вполнѣ примѣнимъ и во время работы, такъ какъ отъ машины всегда можно оторвать для осмотра двухъ-трехъ человѣкъ, не прерывая самой работы. Но понятно, что всѣ такіе осмотры, производимые въ степи, подъ открытымъ небомъ, часто подъ палящими лучами солнца, на глазахъ у всѣхъ рабочихъ, всегда будутъ болѣе или менѣе поверхностными, что, конечно, въ значительной степени умаляетъ значеніе ихъ. При подобныхъ условіяхъ осмотра, возможно болѣе или менѣе тщательное изслѣдованіе только органовъ, доступ-

ныхъ наружному осмотру, какъ-то: глазъ, полости рта и кожныхъ покрововъ. Рабочіе, относительно которыхъ при такомъ осмотрѣ что-либо подозрѣвалось, потомъ особо изслѣдовались болѣе подробно. Несмотря на многіе неизбѣжные пробѣлы при подобнаго рода осмотрахъ рабочихъ артелей, сверхъ ожиданія, полученные результаты оказались очень цѣнными, какъ матеріалъ для характеристики профессіональной болѣзненности рабочихъ.

Значеніе пришлаго сельско-хозяйственнаго рабочаго элемента, продолжаетъ д-ръ Тезяковъ, не ограничивается только этою стотысячною арміей, которая разсѣевается по хозяйствамъ губерніи, подъ видомъ сроковыхъ и поденныхъ рабочихъ. Въ санитарномъ отношеніи, не менѣе важное значеніе имѣютъ и тѣ десятки тысячъ рабочихъ, которые только пройдутъ черезъ предѣлы Херсонской губерніи. Черезъ Херсонскую губернію пролегаютъ главнѣйшіе пути движенія рабочихъ далѣе на югъ,—въ Крымъ, въ Черноморскій округъ и проч. Въ силу своего географическаго положенія, губернія эта служитъ воротами, черезъ которыя неминуемо должны пройти партіи рабочихъ изъ Подольской, Кіевской и Полтавской губерній, стремящіяся въ болѣе южныя мѣстности. Помимо рабочихъ изъ губерній, граничащихъ съ Херсонскою, черезъ послѣднюю проходятъ и партіи рабочихъ изъ Черниговской, Орловской и др. губерній. Эти массы рабочихъ, которыхъ мы не можемъ опредѣлить даже съ приблизительною точностью, движутся безпрерывными массами въ теченіе двухъ весеннихъ мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ и маѣ, передъ началомъ сельско-хозяйственныхъ работъ; послѣ этого массовое движеніе рабочихъ затихаетъ до осени, когда, по окончаніи работъ, начинается обратное движеніе съ юга на сѣверъ. Рабочія партіи, идущія въ большинствѣ случаевъ пѣшкомъ, находятся въ предѣлахъ губерніи во время пути не дни, а недѣли, считая же и обратное движеніе, то и мѣсяцы. Главнѣйшіе пути массоваго движенія рабочихъ пролегаютъ по населеннымъ пунктамъ губерніи, въ которыхъ рабочіе останавливаются или для отдыха, или для найма. Въ такихъ сборныхъ пунктахъ рабочіе, сходящіеся изъ различныхъ мѣстностей, приходятъ между собой и съ мѣстнымъ населеніемъ въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе и поэтому имѣютъ полную возможность обмѣниваться своими заразными болѣзнями и передавать ихъ мѣстному населенію. Недаромъ же сифилизація Херсонской губ. идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ; тѣмъ же, повидимому, путемъ

по губерніи распространяется и трахома. Въ «Матеріалахъ о холерѣ въ Херсонской губ.» встрѣчаются указанія на занось холеры проходжими рабочими партіями и на заболѣваніе послѣднихъ въ пути, вслѣдъ зачѣмъ холера развивалась въ тѣхъ селеніяхъ, черезъ которыя прошли такія партіи. При обработкѣ настоящихъ матеріаловъ мы видѣли, что среди рабочихъ, обращавшихся за медицинскою помощью на ярмаркахъ въ Херсонѣ и Каховкѣ, встрѣчались больные эпидемическими болѣзнями, каковы оспа, сыпной и брюшной тифы, имѣющими при благопріятныхъ условіяхъ наклонность къ массовому распространенію. Среди тѣхъ же рабочихъ были больные, имѣвшіе заразныя формы сифилиса и трахому. Санитарныя условія движенія и пребыванія рабочихъ на рынкахъ, гдѣ пришлыя партіи располагаются въ ожиданіи нанимателей въ грязи, на кучахъ навоза и всякаго мусора, представляютъ все, что требуется для развитія заразныхъ болѣзней. На рынкахъ рабочіе терпятъ не только отъ грязи, зноя или, наоборотъ, отъ дождя и холода, но часто и отъ недостатка въ доброкачественной водѣ. Условія экономической жизни таковы, что не противодѣйствуютъ развитію среди рабочихъ заразныхъ и простудныхъ болѣзней. Артельная жизнь въ степи, всегда подъ открытымъ небомъ, постоянная ночёвка на голой, часто сырой землѣ, тѣснота и обычная грязь казарменной жизни весною и осенью, нерѣдко отсутствіе на зиму подходящихъ теплыхъ помѣщеній, обильная по количеству, но бѣдная питательными началами пища и проч.,—все это такія условія, которыя едва ли можно отнести къ здоровымъ. Неудивительно, что сельско-хозяйственные рабочіе вообще, а пришлые среди нихъ въ особенности, несмотря на свой молодой, цвѣтущій возрастъ, характеризуются ослабленною способностью въ противодѣйствіи всякого рода заразнымъ заболѣваніямъ, по сравненію съ земледѣльцами собственниками. Брюшной тифъ и дизентерія находятъ всегда хорошую почву для своего развитія среди экономическихъ рабочихъ. Лихорадкою пришлые рабочіе болѣютъ чаще, чѣмъ земледѣльцы-собственники. Заразныя формы сифилиса и венерическія болѣзни у рабочихъ часты. Болѣзни органовъ пищеваренія и дыханія у рабочихъ повышены. По особенной частотѣ у рабочихъ выдѣляются заболѣванія глазъ, изъ которыхъ катарральный конъюнктивитъ является профессіональною болѣзнью во время молотьбы; трахома встрѣчаетъ благопріятныя условія для своего безпрепятственнаго распространенія въ обстановкѣ многихъ

экономическихъ работъ и въ бытовыхъ условіяхъ экономической жизни. Въ общемъ мы имѣемъ полное основаніе признать, какъ доказанное, что болѣзненность среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ вообще, а пришлыхъ въ особенности, усилена: это съ одной стороны; съ другой же, вслѣдствіе того, что въ партіяхъ рабочихъ, проходящихъ по губерніи, часто находятся больные заразными болѣзнями, нельзя не признать, что движеніе рабочихъ непосредственно служитъ распространенію заразныхъ формъ въ губерніи. Въ движеніи сельско-хозяйственнаго рабочаго люда большое участіе принимаютъ и жители Херсонской губ. Несмотря на абсолютный здѣсь недостатокъ рабочихъ рукъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ развиты мѣстные отхожіе сельско-хозяйственные промыслы, какъ въ предѣлахъ уѣзда, такъ и внѣ. Мѣстные жители, принимающіе участіе въ этихъ отхожихъ промыслахъ, съ санитарной точки зрѣнія должны быть поставлены наравнѣ съ пришлыми рабочими. Мѣстные сельско-хозяйственные отхожіе рабочіе представляютъ даже бо́льшую опасность для здоровья осѣдлаго населенія, чѣмъ пришлые рабочіе, такъ какъ мѣстный рабочій, заболѣвъ въ отходѣ заразною болѣзнью, возвращается съ нею домой, гдѣ и заражаетъ въ большинствѣ случаевъ всю семью. При полномъ отсутствіи санитарнаго надзора, отхожіе промыслы, создаваемые экономическою нуждой, способствуютъ другому злу—распространенію въ населеніи такихъ заразныхъ болѣзней, какъ сифилисъ, трахома и туберкулезъ. Эта вредная сторона отхожихъ промысловъ, хотя еще и въ отдѣльныхъ случаяхъ, начинаетъ обращать на себя вниманіе земскихъ органовъ. Такъ, суражское земское собраніе Черниговской губ., гдѣ отхожіе промыслы достигли значительнаго развитія, еще въ 1879 году указывало на развитіе въ средѣ населенія уѣзда, параллельно съ развитіемъ отхожихъ промысловъ, тифа, перемежной лихорадки и сифилиса. «Населеніе,—читаемъ мы въ протоколахъ суражскаго земскаго собранія,—отправляясь на заработки въ теплое время года, возвращается въ суровое, холодное время въ легкой одеждѣ, принося съ собой простудныя болѣзни и сифилисъ, которымъ затѣмъ заражаются не только семьи, но и цѣлыя селенія; явленіе это тѣмъ печальнѣе, что третью часть уходящихъ на заработки составляютъ дѣвушки и полурабочіе». Вредное вліяніе отхожихъ промысловъ при настоящихъ условіяхъ, слѣдовательно, отражается не только на здоровьѣ лицъ, принимающихъ личное участіе въ отходѣ, но и всего того населенія, изъ котораго

выходятъ и въ среду котораго опять возвращаются рабочіе; вредное вліяніе отхожихъ промысловъ отражается на здоровьѣ и тѣхъ мѣстностей, которыя для своихъ нуждъ пользуются трудомъ рабочихъ. Это вредное вліяніе отхожихъ промысловъ на здоровье всѣхъ мѣстностей, которыя такъ или иначе заинтересованы въ развитіи ихъ, едва ли вознаграждается экономическими выгодами. Систематически усиливая болѣзненность населенія, сельско-хозяйственные отхожіе промыслы, по законамъ наслѣдственности, должны отражаться и на физической организаціи будущихъ поколѣній. Ослабленные, болѣзненные отцы могутъ по себѣ оставить такое же физически-слабое, болѣзненное потомство. На вредную экономическую сторону вполнѣ хаотическаго движенія населенія въ отхожіе промыслы обращено въ послѣднее время вниманіе со стороны правительства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и прессы, но никѣмъ еще не обращено должнаго вниманія на вліяніе сельско-хозяйственныхъ отхожихъ промысловъ на болѣзненность населенія. Обязанностью общественныхъ органовъ, на которые законодателемъ возложены заботы объ охранѣ народнаго здравія, является починъ принятія мѣръ, которыя могли бы въ значительной степени ослабить вредныя санитарныя стороны разсматриваемаго здѣсь экономическаго явленія, и мѣры эти вовсе не представляютъ собою чего-либо невозможнаго. Идя по давно проторенным дорогамъ, рабочіе останавливаются во многихъ населенныхъ пунктахъ губерніи, для отдыха или для найма въ мѣстныя хозяйства. Вотъ на эти-то этапные пункты движенія рабочихъ и должно быть прежде всего обращено вниманіе санитарнаго надзора. Санитарныя условія въ такихъ постоянныхъ мѣстахъ скопленія рабочаго люда, вѣчно грязнаго, плохо одѣтаго, а нерѣдко и голоднаго, ниже всякой критики. На «рынкахъ найма», каковыми являются наиболѣе населенныя въ губерніи селенія, города и мѣстечки, массы рабочихъ обыкновенно валяются въ грязи, часто на кучахъ навоза. Если среди рабочихъ есть больные, то они лежатъ тутъ же въ грязи, среди здоровыхъ своихъ товарищей, бокъ-о-бокъ съ другими партіями. Во всѣхъ такихъ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочихъ, общественными органами, земствомъ совмѣстно съ городами и посадами, должны быть построены просторные деревянные или камышевые бараки, гдѣ бы рабочіе могли отдохнуть послѣ продолжительнаго пути и найти пріютъ отъ дневнаго зноя или дождя. Устройствомъ такихъ бараковъ и будетъ положенъ фундаментъ для органи-

заціи санитарнаго надзора за движущимися рабочими массами. Во всѣхъ мѣстахъ скопленія рабочихъ, помимо бараковъ, должны быть или постоянныя, или, въ крайнемъ случаѣ, временныя амбулаторіи съ пріемными покоями для заразныхъ больныхъ, на три-четыре кровати. Съ этой стороны херсонскими земствами уже сдѣлано многое. Не только амбулаторіи, но въ большинствѣ мѣстъ рабочихъ рынковъ имѣются пріемные покои и больницы, хотя не вездѣ и не всегда одинаково доступныя пришлому рабочему люду. Въ интересахъ охраны здоровья мѣстнаго населенія, двери всѣхъ земскихъ амбулаторій и больницъ должны быть широко раскрыты для пришлаго рабочаго люда, при условіи предоставленія послѣднему безплатной медицинской помощи. Бараки для рабочихъ, построенные въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ находится земскій медицинскій персоналъ, должны находиться подъ фактическимъ надзоромъ послѣдняго. При существованіи такихъ бараковъ и амбулаторій на пути движенія рабочихъ, возможны будутъ какъ осмотры рабочихъ партій въ пути, до найма въ хозяйства, такъ и регистрація ихъ.

Здѣсь же не лишне упомянуть о необходимости позаботиться о предоставленіи рабочимъ на рынкахъ найма въ достаточномъ количествѣ хорошей воды. Санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, нанимающимися въ экономіи Херсонской губерніи, легче достижимъ, чѣмъ надзоръ за партіями рабочихъ въ пути и на рынкахъ. Большинство пришлыхъ рабочихъ остаются на лѣтнія работы по преимуществу въ крупныхъ и среднихъ экономіяхъ, которыхъ въ губерніи насчитывается болѣе двухъ тысячъ. Въ этихъ частныхъ хозяйствахъ рабочіе, какъ пришлые, такъ и мѣстные, могутъ быть осмотрѣны вскорѣ же послѣ найма. Но надзоръ не можетъ ограничиться одиновременными только осмотрами рабочихъ послѣ найма, помимо этого нужны періодическіе осмотры рабочихъ и во все время пребыванія ихъ въ экономіяхъ.

Если санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, примѣненный при теперешнихъ ограниченныхъ силахъ, будетъ въ состояніи парализовать только незначительную часть вреднаго вліянія отхожихъ промысловъ на здоровье населенія, то и тогда онъ имѣетъ право на вниманіе къ себѣ. Чтобы этотъ надзоръ могъ приносить и теперь свою посильную пользу, необходимы два существенныхъ условія: 1) Земскіе врачи, участковые и санитарные, должны имѣть право, санкціонированное земскимъ собраніемъ, входа въ экономіи во всякое время, для

осмотра экономическихъ рабочихъ. 2) Обязательное условіе возможности санитарнаго надзора и теперь—предоставленіе пришлымъ рабочимъ въ широкихъ размѣрахъ безплатной медицинской помощи, на одинаковыхъ условіяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ настоящее время пришлые сельско-хозяйственные рабочіе пользуются въ большинствѣ случаевъ безплатною амбулаторною помощью, на койки же же во всѣ лѣчебницы Херсонской губерніи принимаются съ платою по 25 коп. въ сутки.

Нужно отдать справедливость земствамъ Херсонской губерніи,—они обратили самое серьезное вниманіе на рабочій вопросъ, если не съ общей экономической (что тутъ можетъ сдѣлать *одно* земство, развѣ только наговорить массу хорошихъ словъ, чѣмъ и занимаются съ успѣхомъ другіе, измышляющіе болѣе или менѣе мудреные проэкты), то съ санитарной точки зрѣнія. Они не остановились передъ кропотливою задачею, не испугались ея, не махнули рукой на все, сдѣлавши первый «опытъ изслѣдованія», какъ у насъ въ аналогичныхъ случаяхъ практикуется сплошь и рядомъ, а смѣло и увѣренно вступили въ борьбу съ тѣми обстоятельствами, которыя дѣлаютъ положеніе ежегодно приходящей въ губернію, въ поискахъ куска хлѣба, стотысячной голодной арміи особенно ужаснымъ и въ то же время опаснымъ для мѣстнаго кореннаго населенія. Передъ нами интересныя цифры, касающіяся дѣятельности херсонскаго земства въ этомъ направленіи въ прошломъ году. Въ теченіе лѣта, въ 14 пунктахъ наибольшаго скопленія рабочихъ, на базарахъ были устроены амбулаторіи, гдѣ земскіе врачи осматривали всѣхъ пришлыхъ и оказывали медицинскую помощь. Больныхъ оказалось *около 11%* общаго числа. Въ общемъ преобладали болѣзни заразныя, а также болѣзни, зависящія отъ дурнаго питанія. Болѣе половины всѣхъ заболѣваній даютъ болѣзни глазъ. Для улучшенія питанія рабочихъ земство устроило для нихъ дешевыя столовыя, причемъ израсходовало на это 7.410 рублей. Всего въ десяти столовыхъ выдано 77.552 обѣда и 26.000 порцій чаю, изъ этого числа безплатныхъ обѣдовъ отпущено 17.385. Въ виду очевидной пользы, которую принесли безплатныя амбулаторіи и дешевыя столовыя для рабочихъ, предположено сдѣлать ихъ на будущее время учрежденіями постоянными.

Но, констатируя столь отрадные факты изъ дѣятельности земствъ Херсонской губерніи, приходится съ грустью засвидѣтельствовать, что

земства сосѣдней Таврической губерніи въ этомъ отношеніи не предпринимаютъ ровно ничего и интересуются этимъ вопросомъ меньше, чѣмъ кто бы то ни было. А между тѣмъ Таврическая губернія, съ ея многочисленными, крупными частновладѣльческими хозяйствами, съ ея рѣдкимъ и очень зажиточнымъ населеніемъ, существуетъ исключительно только трудомъ пришлыхъ рабочихъ. По отчету г. Короленка, при полной экстенсивности мѣстнаго хозяйства, все-таки недостатокъ рабочихъ рукъ въ названной губерніи можетъ быть выраженъ въ огромной цифрѣ—241.000 душъ. Если эту цифру сократить даже вдвое, то и то получится въ результатѣ, что Таврическая губернія даетъ заработокъ бо́льшему количеству пришельцевъ, нежели Херсонская. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, помимо нужныхъ ей рабочихъ рукъ, Таврическая губернія служитъ большою дорогой для многочисленныхъ партій рабочихъ, проходящихъ черезъ Перекопъ и Геническъ въ Крымъ, добирающихся до Керчи и оттуда переправляющихся черезъ проливъ въ Черноморье. И что же? Мы не можемъ указать ни на одну болѣе или менѣе раціональную мѣру, которая принята была бы для изслѣдованія этого вопроса, хотя бы однимъ изъ земствъ Таврической губерніи. Никто и не интересуется этимъ, словно все это въ такомъ порядкѣ вещей, что смѣшно было бы и поднимать объ этомъ разговоръ. Рабочіе приходятъ, становятся на мѣста или бродятъ голодные по городамъ и селамъ, потомъ исчезаютъ, оставивши какое-нибудь пріятное воспоминаніе, вродѣ сыпнаго тифа или чего-либо въ такомъ же родѣ, и такая исторія продолжается много лѣтъ и такъ всѣмъ приглядѣлась, что никому не мозолитъ глаза. Кое-какія слабыя попытки что-то изслѣдовать, что-то выяснить, чему-то помочь, дѣлало днѣпровское земство, но одинъ въ полѣ—не воинъ, особенно когда рѣчь идетъ о такой сложной задачѣ. Что касается до пяти земствъ крымскихъ уѣздовъ, то мы не слышали, чтобы они хотя пальцъ о палецъ ударили въ этомъ отношеніи. Трудно сказать, чѣмъ объяснить это: не то разношерстностью земскаго состава, пополняющагося здѣсь самыми различными національностями, нѣмцами, татарами, армянами, греками, менонитами и связанною съ этимъ извѣстною косностью, не то просто «недозрѣлостью». Можно было бы предполагать, что мѣстныя земства не видятъ въ рабочихъ своихъ плательщиковъ и потому не считаютъ нужнымъ обращать какое-либо вниманіе на ихъ положеніе. Разумѣется, такое

мнѣніе можетъ явиться только у человѣка съ примитивными взглядами, который не понимаетъ такой простой вещи, что отъ этого рабочаго зависитъ благосостояніе всѣхъ плательщиковъ, а слѣдовательно и самого земства, что, не будь его,—крымскія степи и до настоящаго времени, кромѣ бурьяна, ничего бы не производили и что, наконецъ, различныя эпидемическія болѣзни, занесенныя пришельцами, не обнаруженныя и не изолированныя своевременно, отразятся прежде всего на коренномъ населеніи. Это проявилось особенно ярко въ зиму 1892—93 года, когда почти повсемѣстно въ Крыму свирѣпствовалъ занесенный рабочими изъ Россіи и быстро распространившійся сыпной тифъ. Второй случай, отлично иллюстрирующій, къ чему можетъ привести подчасъ халатная небрежность, относится къ практикѣ перекопскаго уѣзднаго земства и настолько характеренъ, что мы не можемъ не разсказать о немъ въ немногихъ словахъ. Холера, начавшая свое побѣдоносное шествіе по Россіи въ маѣ 1892 года, была занесена въ Крымъ рабочими, пришедшими изъ Донщины на соляные промыслы. Впервые случаи ея обнаружились въ артеляхъ, работавшихъ на таганашскихъ соляныхъ озерахъ и растерявшіеся земцы, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не умѣвшіе ничего подготовить для встрѣчи эпидеміи, которую можно было ожидать каждую минуту, вмѣсто того, чтобы изолировать заболѣвшихъ тутъ же на озерахъ, помѣстили ихъ *въ самомъ центрѣ* поселка Таганашъ, въ наскоро нанятомъ домѣ. Результаты не замедлили сказаться: черезъ день всѣ дома, расположенные вокругъ безсмысленно избраннаго земцами покоя, разукрасились флагами—знакъ того, что вездѣ появились холерные больные, а затѣмъ эпидемія, начавшаяся на уединенныхъ озерахъ, расположенныхъ вдали отъ Таганаша и занесенная сюда исключительно только благодаря земской опрометчивости, вспыхнула въ поселкѣ съ такою силою (нѣкоторыя семьи вымерли цѣликомъ), что начальникъ губерніи экстренно выѣхалъ на мѣсто и нашелъ все въ такомъ безобразномъ видѣ, что счелъ, кажется, нужнымъ доложить обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Мы лично тоже побывали въ Таганашѣ въ разгаръ эпидеміи и видѣли этотъ «земскій разсадникъ холеры», какъ выражались озлобленные таганашцы. Владѣлецъ его, мѣстный крестьянинъ, польстившійся на предложенную земствомъ высокую арендную плату и сдавшій свой домъ «подъ холеру», одинъ изъ первыхъ потерялъ свою семью и запилъ горькую. Всѣхъ больныхъ,

по просьбѣ администраціи, стали помѣщать въ устроенный вдали желѣзнодорожный баракъ, а земство-таки заставили построить свой, который и былъ готовъ какъ разъ къ тому времени, когда эпидемія, пожавши обильную жатву, стихла и прекратилась. Вышеприведенные да и многіе другіе факты вполнѣ ясно свидѣтельствуютъ, что крымскія земства очень мало заботятся о нуждахъ своего населенія—гдѣ же тутъ думать о пришломъ? Еслибы существовало первое, второе явилось бы само собой. Гдѣ уже тутъ толковать о какихъ-то санитарныхъ изслѣдованіяхъ, о надзорѣ и помощи пришлымъ рабочимъ, когда приходится натыкаться на такія удивительныя заявленія, какъ жалобы земскаго врача евпаторійскаго уѣзда на неимѣніе оспеной лимфы въ самый разгаръ оспеной эпидеміи, которыя намъ пришлось услышать на таврическомъ съѣздѣ земскихъ врачей, происходившемъ въ Симферополѣ лѣтомъ 1892 г. Не мало, впрочемъ, и другихъ курьезовъ слышали мы здѣсь: такъ, напримѣръ, та же перекопская земская управа, разведшая холеру въ Таганашѣ, на предложенный ей вопросъ, относительно распространенія сифилиса, категорически отвѣтила, что «сифилиса въ перекопскомъ уѣздѣ не существуетъ». Это напоминаетъ того анекдотическаго исправника, который на запросъ, не появился ли гдѣ-либо во ввѣренномъ его наблюденію уѣздѣ дифтеритъ, отвѣчалъ, что «пока господина дифтерита не было, но ежели только появится, то немедленно будетъ изловленъ и препровожденъ въ губернію, для надлежащаго поступленія по законамъ». Разница только въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ анекдотомъ, а съ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ предсѣдателемъ губернской земской управы и крайне печально рисующимъ многія стороны нашей общественной жизни. Вотъ и извольте при такихъ условіяхъ строить какія-нибудь данныя, основанныя на такихъ «статистическихъ» выводахъ.

Уѣздныя земства проявляютъ особую энергію только тогда, когда рѣчь заходитъ о распредѣленіи окладовъ своимъ любимцамъ, нужно сознаться мѣстами очень и очень жирныхъ, да въ систематическомъ увеличеніи налоговъ, все же остальное—земская медицина, народное образованіе—дѣло второстепенной важности и все это хромаетъ на обѣ ноги. Что же представители земской медицины? Вѣдь они присутствовали чуть ли не въ полномъ своемъ составѣ на съѣздѣ врачей; но напрасно мы сидѣли и прислушивались къ ихъ дебатамъ нѣсколько

дней подрядъ, никто не намекнулъ даже, что надо бы, дескать, и намъ приняться за тотъ вопросъ, который поставленъ на такую серьезную почву въ сосѣдней съ нами Херсонской губерніи. А это вѣдь далеко не пустяки, которые можно игнорировать съ легкою душой, а корень многихъ тѣхъ бѣдъ, которыя мы потомъ безуспѣшно стараемся залѣчивать сверху, въ то время, какъ борьба съ ними становится гораздо легче и раціональнѣе, если ихъ захватить снизу. Увы, никого это, очевидно, не интересовало, предпочитали заниматься такими отвлеченными вопросами, какъ «проказа, распространеніе и лѣченіе ея». Толковать о какомъ-то единичномъ случаѣ проказы, происшедшемъ за тридевять земель въ то самое время, какъ голодныя толпы рабочихъ, только-что пережившихъ голодную зиму 1891—92 года, десятками тысячъ валили на югъ, неся съ собой зародыши разныхъ эпидемій, когда на востокѣ показался зловѣщій призракъ холеры! По неволѣ остается пожалѣть въ душѣ, что у насъ еще рѣдки люди дѣла, а не слова, въ родѣ д-ра Тезякова и его коллегъ, тихо и безшумно трудящихся надъ разработкою поставленной самою жизнью грозной задачи.

Мы не хотимъ, чтобы насъ заподозрили въ пристрастномъ отношеніи къ дѣятельности или, вѣрнѣе сказать, бездѣятельности земствъ Таврической губерніи по отношенію къ разбираемому нами вопросу и, отмѣчая ихъ неотзывчивость на требованія, предъявляемыя жизнью, съ другой стороны отмѣтимъ и тѣ немногія попытки, которыя имѣли мѣсто въ послѣдніе годы и которыя доказываютъ еще лишній разъ, что нѣтъ на свѣтѣ такого спокойствія и равнодушія, которое бы не удалось все-таки, въ концѣ концовъ, поколебать. Мы должны упомянуть о командированіи въ маѣ 1892 года губернскою земскою управою особаго врача въ Перекопъ, съ миссіей не пропускать въ Крымъ безъ осмотра ни одной партіи идущихъ изъ Каховки рабочихъ. Время было очень тревожное, послѣ той памятной зимы въ Россіи, когда широко разгуливалъ сыпной тифъ, занесенный уже тронувшимися на югъ рабочими въ Херсонскую губернію и опасность грозила на столько серьезная, что ее услышали даже не имѣющіе въ обыкновенное, спокойное время ушей. Посылка врача въ Перекопъ была до извѣстной степени палліативомъ и довольно слабымъ, такъ какъ уже въ мартѣ и апрѣлѣ тысячи рабочихъ, гонимые нуждою изъ дому, хлынули въ Крымъ прямымъ путемъ, принеся съ собою и тифъ, и

цынгу, и другія болѣзни. Но и палліативы хороши тамъ, гдѣ нѣтъ радикальныхъ средствъ. Лучше было бы обратить эту временную мѣру въ постоянное явленіе и ежегодно, ко времени весенней каховской ярмарки, посылать врача въ Перекопъ, для осмотра идущихъ въ это время въ Крымъ рабочихъ и отдѣленія заразныхъ больныхъ. Сама судьба дала въ руки для этого очень благопріятныя условія, такъ какъ весь перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ, пересѣченъ во всю длину (около семи верстъ) знаменитою древнею канавой, которая настолько глубока и крута, что перебраться черезъ нее можно только въ серединѣ, по узкому пути, у бывшей нѣкогда соляной заставы. Такимъ образомъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу (нужно только посылать не одного врача, а двухъ или трехъ, такъ какъ главное рабочее движеніе, когда идутъ тысячами, продолжается всего три дня—9—12 мая), ни одинъ изъ многихъ тысячъ проходящихъ изъ Каховки рабочихъ не ускользнетъ отъ врачебнаго осмотра. Разумѣется тѣхъ, которые окажутся больными какою-либо эпидемическою или заразительною болѣзнью вообще, слѣдуетъ задерживать при земскихъ больницахъ, а не отпускать на всѣ четыре стороны, иначе къ чему же и огородъ городить? Такимъ образомъ относительно рабочихъ, идущихъ черезъ Каховку (а такихъ большинство) тогда можно будетъ до извѣстной степени считать себя гарантированными. Что же касается до тѣхъ, которые приходятъ прямо весною по желѣзной дорогѣ и другими путями, то слѣдуетъ установить осмотръ для нихъ въ экономіяхъ, куда они поступаютъ. Въ томъ же 1892 году, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земскіе врачи пробовали производить подобные осмотры; но такъ какъ все это начиналось и велось кажется даже не по собственной иниціативѣ земствъ, а подъ давленіемъ губернской администраціи, не на шутку перепугавшейся призрака холеры, то въ результатѣ изъ ничего ничего и не вышло, если не считать полдюжины составленныхъ протоколовъ о недоброкачественной провизіи для рабочихъ и тому подобномъ, что и раньше ни для кого не представляло новости. Никакой системы и общности дѣйствій при этихъ осмотрахъ не было *), всякій врачъ дѣйствовалъ

*) Таврическая губернская земская управа, имѣя въ виду, что много рабочихъ, неся съ собою заразу, могутъ все-таки передвинуться въ имѣніе нанимателя, гдѣ за отсутствіемъ медицинскаго надзора, могутъ образоваться очаги

по своему усмотрѣнію и ѣхалъ въ ту экономію, въ которую ему хотѣлось, пропуская другія. Въ результатѣ получились не цѣнныя данныя, на которыхъ можно было бы построить какіе-либо выводы, а какіе-то случайные, неясные обрывки. Винить въ этомъ земскихъ врачей строго нельзя, такъ какъ въ Крыму ихъ медицинскіе участки невѣроятно велики, занимаютъ сотни квадратныхъ верстъ, на которыхъ расположены сотни деревень, да помимо этого почти у каждаго на рукахъ пріемный покой. Что можетъ при такихъ условіяхъ сдѣлать человѣкъ, даже самый энергичный и трудолюбивый, любящій свое дѣло и желающій принести краю пользу? Увы, ему остается только, перефразируя, повторить слова некрасовскаго станового.

Кто же виноватъ? Или слѣдуетъ согласиться со словами короля Лира, что «нѣтъ виноватыхъ!» А между тѣмъ сыпной тифъ, принесенный рабочими изъ голодавшихъ губерній въ далекую и не голодавшую Таврію, свилъ себѣ здѣсь въ ту же зиму прочное гнѣздо и унесъ

заразы сыпнаго тифа, по совѣщаніи съ г. таврическимъ губернскимъ врачебнымъ инспекторомъ, докторомъ медицины Пликатусомъ, 28 апрѣля постановила просить всѣ уѣздныя земскія управы принять мѣры для предупрежденія распространенія между населеніемъ уѣздовъ заразныхъ болѣзней и рекомендовала, какъ необходимую мѣру, предложить участковымъ врачамъ, чтобъ они, по мѣрѣ прибытія рабочихъ на мѣста, осматривали ихъ во всѣхъ экономіяхъ, особенно въ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ скопленіе рабочихъ бываетъ большое; чтобы врачи удостовѣрились въ способѣ ихъ размѣщенія и ихъ довольствія и наставляли (?) владѣльцевъ, какія мѣры слѣдуетъ принять при появленіи болѣзней. По сношеніи съ г. начальникомъ губерніи по этому вопросу, предписано уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ своевременно доводить до свѣдѣнія участковыхъ врачей и земскихъ управъ о прибытіи въ экономіи партій рабочихъ. Кромѣ того, губернская управа, имѣя въ виду, что изъ Мелитополя въ Крымъ чернорабочіе идутъ черезъ м. Геническъ, просила сообщить, не найдетъ ли мелитопольская управа возможнымъ поручить мѣстному участковому врачу подвергать рабочихъ осмотру при самой переправѣ. Въ то же время просила перекопскую земскую управу, въ виду того, что рабочіе изъ Каховки идутъ въ Крымъ, главнымъ образомъ черезъ Перекопъ, гдѣ удобнѣе всего подвергать ихъ медицинскому осмотру прежде, чѣмъ они разойдутся по Крыму, поручить мѣстному земскому врачу подвергать рабочихъ самому тщательному медицинскому осмотру. Просьбу губернской управы нѣкоторыя уѣздныя земства приняли къ свѣдѣнію, нѣкоторыя „подшили къ дѣлу“. Въ утѣшеніе, намъ остается сказать, что сосѣдняя Екатеринославская губернія, которая, впрочемъ, лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ главной дороги пѣшихъ рабочихъ, не сдѣлала кажется и этого.

много жертвъ среди кореннаго населенія. Увы, прошелъ грозный годъ—прошли и наши опасенія,—мы все забыли и ничему не научились; а чужіе уроки намъ не въ прокъ.

XII.

Бѣда рабочему занемочь въ дорогѣ, но еще хуже, если болѣзнь захватитъ его въ экономіи, куда онъ нанялся. Если постигшее его несчастіе не особенно велико и не носитъ тяжелыхъ формъ какой-либо заразной болѣзни, то хозяинъ предоставляетъ ему право отлеживаться гдѣ-нибудь въ конюшнѣ, вычитывая въ то же время за прогульные дни не по общему расчету получаемаго жалованья, а совершенно произвольно, часто вдвойнѣ и втройнѣ. Такъ, напримѣръ, ежели рабочій, получающій 50 рублей отъ Николая до Покрова, т.-е. кругомъ около 50 копѣекъ въ день, проболѣетъ нѣсколько дней въ сезонъ молотьбы и жатвы, то хозяинъ не постѣсняется высчитать съ него по полтора рубля за день. Конечно, съ одной стороны, владѣлецъ правъ въ своемъ разсчетѣ, такъ какъ ему приходится нанимать, на мѣсто заболѣвшаго сроковаго, всегда дороже стоющаго поденщика, но вѣдь, съ другой, и рабочій не виноватъ, если онъ заболѣлъ на работѣ. Все здѣсь зависитъ отъ нравственныхъ возрѣній хозяина. Есть многіе, которые буквально-таки пользуются болѣзнью рабочаго, чтобы задушить его непомѣрными вычетами за «прогульные дни», но встрѣчаются и такіе, которые, если рабочій дѣйствительно по болѣзни пролежитъ два-три дня или даже цѣлую недѣлю, не позволяютъ себѣ высчитать съ него ни одной копѣйки. И то и другое бываетъ преимущественно въ мелкихъ хозяйствахъ и самыми аккуратными изобрѣтателями крупныхъ штрафовъ мы должны назвать, какъ это ни грустно, разбогатѣвшихъ мѣстныхъ крестьянъ, позакупившихъ большіе участки земли и разселившихся въ степи хуторами. Въ нѣкоторыхъ, особенно крупныхъ экономіяхъ, гдѣ рабочіе считаются сотнями и тысячами, гдѣ общая сумма прогульныхъ по болѣзни дней очень велика и гдѣ невозможно каждый разъ констатировать, кто дѣйствительно боленъ, а кто просто притворяется по лѣни (попадаются и такіе), установлено самое справедливое отношеніе къ прогуламъ по болѣзни. За потерянные дни высчитывается равно столько, сколько экономія платила бы за этотъ день по общему среднему разсчету годоваго или мѣсячнаго

жалованья (такъ ведется счетъ больнымъ, съ точностью до одной четверти копѣйки, въ имѣніяхъ С. Б. Фальцъ-Фейнъ). Это отношеніе къ данному предмету, по нашему мнѣнію, самое справедливое: правильно ведомое хозяйство, особенно крупное, не можетъ дарить больнымъ жалованье за нерабочіе дни, но въ то же время оно можетъ лѣчить ихъ безвозмездно и не стараться «нажить» нѣсколько рублей на несчастьѣ человѣка, пришедшаго за заработкомъ за нѣсколько сотъ верстъ. Къ сожалѣнію, не многіе южно-русскіе помѣщики придерживаются такого человѣчнаго и правильнаго взгляда.

По узаконеніямъ о наймѣ на сельскія работы, «наниматель обязанъ оказывать заболѣвшему больному возможное, по имѣющимся средствамъ домашнее пособіе и, въ случаѣ необходимости, содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу» (§ 33). Съ другой стороны, согласно тому же «положенію», нанимателю предоставляется самое широкое право «отказать рабочему до срока, если у него будетъ обнаружена прилипчивая или заразная болѣзнь».

Ужь не говоря о томъ, что вышеупомянутое «положеніе» представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ «всуе написаннаго закона», который существуетъ только для формы и совершенно почти неизвѣстенъ ни нанимателямъ, ни нанимающимся, самыя статьи его слишкомъ ужь туманны и неясны, такъ что, согласно прямому толкованію ихъ, можно съ юридической точки зрѣнія оправдать самыя вопіющія, чисто-варварскія отношенія къ больнымъ рабочимъ, которыя теперь на югѣ, особенно въ весенній періодъ, когда изъ Россіи приходятъ свѣжіе люди, встрѣчаются сплошь и рядомъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте-ка зацѣпить, основываясь на приведенныхъ статьяхъ положенія, нанимателя, который привезъ на ближайшій вокзалъ цѣлую подводу тифозныхъ и, бросивши ихъ здѣсь на произволъ судьбы, преспокойно укатилъ во свояси. Онъ отвѣтитъ, что домашнія средства, въ видѣ ложки рединнаго масла или порошка хинина, онъ употреблялъ. Указанная въ положеніи отправка больныхъ домой, для юга, гдѣ домъ рабочаго находится за сотни верстъ,— мертвая буква закона. Содѣйствовать помѣщенію въ больницу? Но стоитъ ли и хлопотать объ этомъ, когда 58-я статья положенія прямо предоставляетъ право отказать рабочему, у котораго обнаружена заразная и прилипчивая болѣзнь. Коротко, ясно и гораздо спокойнѣе, безъ лишней траты времени и денегъ. Конечно, мало «отказать» человѣку, который не мо-

жетъ двигаться и можетъ-быть лежитъ въ горячечномъ бреду, сколько вы ни толкуйте ему, что онъ молъ свободенъ отъ своихъ обязательствъ и можетъ отправляться на всѣ четыре стороны, все равно онъ не будетъ въ состояніи ни понять, ни уйти. Вотъ тутъ-то и должно выразиться со стороны хозяина «содѣйствіе къ отправленію», т.-е. онъ долженъ запречь подводу и, забравши въ нее больныхъ, запроторить ихъ куда-нибудь подальше отъ экономіи и бросить. А тамъ, что будетъ съ ними послѣ,—кому же это нужно? Подберетъ урядникъ, подберетъ жандармъ или сельскія власти наткнутся и отправятъ куда-нибудь. Рабочій интересенъ для хозяина только до той минуты, пока онъ можетъ извлечь изъ его мускуловъ извѣстную сумму работы. Какъ только эта возможность окончилась, его выбрасываютъ, какъ никуда ненужную вещь. 58-я статья «положенія» даетъ на это полное право, слѣдовательно,—fiat justitia, pereat mundus. Какъ ни широко толкуетъ 58-я статья абсолютныя права по отношенію къ заболѣвшимъ рабочимъ, но въ жизни эти права примѣняются еще шире. Относительно неправильнаго діагноза болѣзни заразной и незаразной, хозяинъ всегда можетъ отговориться своею некомпетентностью, ибо онъ исключительно почти и является въ роли лица, опредѣляющаго болѣзнь, но никому вѣдь не придетъ въ голову причислить къ разряду прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзней столь многочисленныя теперь на югѣ травматическія поврежденія, количество которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, пропорціонально распространенію машинъ. А между тѣмъ бывали случаи (не разъ указанные и въ южной печати), когда на вокзалъ привозили изъ экономій и колоній и просто бросали здѣсь рабочихъ съ оторванными и изломанными молотилками конечностями. Очевидцы, которыхъ судьба наталкивала случайно на подобныя сцены, не могли иначе вспоминать о мукахъ этихъ изувѣченныхъ, какъ съ дрожью въ голосѣ. Три года тому назадъ, на одномъ изъ крымскихъ вокзаловъ, Біюкъ-Онларѣ, мы видѣли рабочаго, котораго изувѣчилъ разсвирѣпѣвшій быкъ. Бѣдняга лежалъ прямо на голой платформѣ и тихо стоналъ, а сквозь грязныя тряпки, которыми были перевязаны его раны, сочилась кровь. На вопросъ, предложенный нами станціонному жандарму, послѣдній разсказалъ, что изувѣченнаго парня привезли нѣмцы изъ ближайшей колоніи, снесли его съ брички, а сами уѣхали обратно. Когда кто-то изъ возмущавшихся пассажировъ, собравшихся вокругъ несчастнаго, выразилъ свое негодованіе и удив-

леніе на такое звѣрское отношеніе работодателей къ раненному, жандармъ только махнулъ рукой и пояснилъ, что это—самое заурядное явленіе.

И къ сожалѣнію приходится сознаться, что въ этихъ словахъ заключается голая истина. Будь все это исключительныя, рѣдкія явленія, выражавшія взгляды на «быдло» единичныхъ личностей, не стоило бы и говорить много объ этомъ,—мало ли какихъ людей не бываетъ на свѣтѣ. Но нѣтъ, здѣсь дѣло выглядитъ нѣсколько иначе и отдѣльные, болѣе или менѣе возмутительные факты, характеризуютъ только общее направленіе. А между тѣмъ, если вдуматься глубоко, то страшно даже и представить себѣ ту сумму зла, которая приносится такимъ отношеніемъ хозяевъ къ больнымъ рабочимъ. Вѣдь, выбрасывая ихъ на улицу, они не только являются безсердечными и безчеловѣчными къ самимъ заболѣвшимъ, но и способствуютъ распространенію заразы. Сознаютъ ли когда-либо всю тяжесть и отвѣтственность передъ Богомъ и людьми своихъ поступковъ эти господа?

Наврядъ. Мало того, они считаютъ себя обиженными, если кто-нибудь посмѣетъ сказать имъ правду въ глаза и, если эта правда высказана въ печати, то на сцену немедленно является столь излюбленная всѣми обиженными и униженными 1040 статья положенія о наказаніяхъ. Оставя въ сторонѣ другіе, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи факты, мы позволимъ себѣ разсказать здѣсь, какъ характерную, иллюстрацію къ вышеприведенному, случай, происшедшій съ нами лично въ позапрошедшемъ году. Мы говорили уже, что весною этого года, послѣ «голодной зимы», пришедшія изъ Россіи толпы истощенныхъ и измученныхъ рабочихъ, особенно сильно заставляли опасаться занесенія къ намъ, на югъ, всевозможныхъ болѣзней. Опасенія эти не замедлили подтвердиться и вскорѣ стали появляться извѣстія о появленіи въ различныхъ мѣстахъ брюшнаго и сыпнаго тифа, цынги и т. п. На-ряду съ этимъ, въ мѣстной печати стали, по обыкновенію, проскальзывать отдѣльные факты, отмѣчавшіе «выбрасыванія» землевладѣльцами больныхъ рабочихъ. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ, появившійся на столбцахъ «Крымскаго Вѣстника», обратилъ на себя вниманіе лицъ, интересующихся рабочимъ вопросомъ, съ одной стороны личностью фигурировавшей помѣщицы, съ другой стороны своими размѣрами. «Въ симферопольскую губернскую земскую больницу, говорилось въ газетной замѣткѣ, на страстной недѣлѣ были доставлены по

желѣзной дорогѣ изъ экономіи «Тамакъ» четыре человѣка больныхъ рабочихъ. Послѣ освидѣтельствованія, они всѣ оказались больными цынгой. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось, что въ экономіи «Тамакъ» (принадлежавшей прежде извѣстному русскому хозяину г. Шатилову и купленной у него богатою колонисткою) зимою работало около 100 человѣкъ; съ наступленіемъ же весны число рабочихъ увеличилось до 200 и всѣ они помѣщаются въ одной общей казармѣ. Первоначально цынгою заболѣло 10 человѣкъ; этихъ больныхъ отправили въ Ѳеодосію для помѣщенія въ тамошнюю больницу, но когда понадобилось послать туда еще нѣсколько человѣкъ вновь заболѣвшихъ, то ихъ тамъ не приняли. Тогда послѣдующихъ больныхъ, 12 человѣкъ, помѣстили въ такъ-называемую экономическую больницу, состоящую изъ одной комнаты, безо всякаго присмотра, безъ врача и даже безъ прислуги. Заболѣвшихъ потомъ еще, за неимѣніемъ мѣста въ покоѣ, помѣстили въ общей казармѣ, вмѣстѣ со здоровыми. Мѣстная земская управа знаетъ объ этомъ и нужно полагать, что обратитъ вниманіе на такое положеніе больныхъ заразною, продолжительною и мучительною болѣзнью и приметъ надлежащія мѣры». Одновременно съ этимъ, землевладѣлецъ перекопскаго уѣзда г. Оберовъ привезъ изъ своего имѣнія на станцію Курманъ-Кемельчи трехъ больныхъ рабочихъ и бросилъ ихъ здѣсь, причемъ двое изъ нихъ оказались больными сыпнымъ тифомъ *). Эти два случая побудили лицо, близко знакомое съ условіями хозяйства и съ положеніемъ пришлыхъ рабочихъ въ экономіяхъ и въ колоніяхъ, помѣстить слѣдующую статью въ той же газетѣ, гдѣ были отмѣчены приведенные факты:

*) Здѣсь мы не можемъ не привести слѣдующаго курьеза изъ дѣятельности все той же злосчастной перекопской земской управы. Когда количество больныхъ заразными болѣзнями рабочихъ, доставляемыхъ въ губернскую земскую больницу, стало непомѣрно возрастать и, въ то же время, доставляли ихъ неизвѣстно откуда (т.-е. просто бросали на вокзалахъ, откуда занимались транспортированіемъ ихъ жандармы; такимъ образомъ, нельзя было даже опредѣлить, гдѣ существуютъ очаги заразы), поставленная въ тупикъ губернская земская управа обратилась съ запросомъ въ перекопскую уѣздную (такъ какъ всѣ вокзалы, откуда доставлялись больные, лежатъ въ чертѣ перекопскаго уѣзда), прося выяснить наконецъ, откуда берется эта масса тифозныхъ. Перекопская управа поручила разслѣдовать это дѣло члену своему г-ну Миллеру и, основываясь на его сообщеніи, донесла, что *„больные никѣмъ не отправлялись“*. Оставалось предположить, что они падали съ неба, и лишній разъ только пожать плечами по адресу привыкшихъ къ этому земцевъ перекопскаго уѣзда.

«Съ наступленіемъ сезона полевыхъ роботъ, писалъ авторъ, иногда, и нельзя сказать, чтобы особенно рѣдко, на страницахъ газетъ появляются сообщенія о безчеловѣчномъ отношеніи землевладѣльцевъ къ тѣмъ изъ своихъ рабочихъ, которые имѣли несчастье заболѣть. Сообщенія эти могутъ быть подвергнуты самому широкому обобщенію и показываютъ, что у насъ до сихъ поръ на рабочаго человѣка смотрятъ хуже, чѣмъ на рабочую скотину. Послѣднюю, когда она заболѣетъ, лѣчатъ и окружаютъ внимательнымъ присмотромъ, перваго просто взваливаютъ на телѣгу и сбрасываютъ на первой платформѣ степнаго вокзала на произволъ судьбы.

Въ послѣднихъ номерахъ у насъ были сообщены два возмутительные факта, рисующіе взгляды господъ помѣщиковъ на своихъ рабочихъ.

Въ первомъ случаѣ сообщалось, что въ симферопольскую земскую больницу доставлено нѣсколько рабочихъ изъ экономіи «Тамакъ», заболѣвшихъ цынгою. Изъ распросовъ ихъ выяснилось, что въ названномъ имѣніи цынга, благодаря крайне антигигіеничнымъ условіямъ жилья, приняла размѣры весьма серьезные. Экономія отправила цѣлый транспортъ (10 душъ), больныхъ въ ѳеодосійскую земскую больницу, но получивъ отказъ въ пріемѣ другой партіи заболѣвшихъ, гг. владѣльцы Тамака помѣстили всѣхъ ихъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, въ такъ называемую экономическую «больницу», состоящую изъ одной комнаты, безо всякаго присмотра, безъ врача, даже безъ прислуги. Заболѣвшихъ потомъ еще, за неимѣніемъ мѣста въ «больницѣ», помѣстили прямо въ общей рабочей казармѣ, вмѣстѣ съ здоровыми. Въ концѣ замѣтки прибавлялось, что «мѣстная земская управа обо всемъ этомъ знаетъ». Интересно было бы, чтобы узнала объ этомъ и губернская администрація и чтобы она не осталась пассивнымъ свидѣтелемъ такого вопіющаго безобразія. Въ поясненіе незнающимъ замѣтимъ, что экономія «Тамакъ» представляетъ собою одно изъ крупнѣйшихъ (14.000 десят.) и богатѣйшихъ имѣній въ Таврической губ. Что владѣльцы «Тамака» имѣютъ еще нѣсколько имѣній и считаются милліонерами, что тамакское хозяйство считается образцовымъ. Здѣсь есть все: и громадныя запашки, и идеальный скотъ, и идеальные сараи для этого скота, и только люди, на трудѣ которыхъ основывается все экономическое благосостояніе и зиждется все богатство,—только люди содержатся въ самомъ невозможномъ состояніи.

Другой случай еще характернѣе. Нѣкій Оберовъ привезъ изъ своего имѣнія трехъ больныхъ рабочихъ и, безо всякихъ церемоній, бросилъ ихъ возлѣ станціи Курманъ-Кемельчи, безо всякаго призрѣнія и помощи. Больныхъ подобралъ мѣстный жандармъ и отправилъ ихъ въ симферопольское богоугодное заведеніе, гдѣ, по освидѣтельствованіи, оказалось, что двое изъ доставленныхъ больны сыпнымъ тифомъ.

Что же это? Въ то время, какъ повсюду стараются локализировать опасную заразу, наши господа землевладѣльцы преспокойно развозятъ ее. Привезшіе изъ Курмана тифозныхъ разсказываютъ, что на этой станціи есть еще больные, до пятнадцати человѣкъ, что всѣ они остаются безо всякой помощи и притомъ находятся среди другихъ, здоровыхъ рабочихъ. Неужели же на это не обратятъ серьезнаго вниманія? Землевладѣльцы выбрасываютъ больныхъ, да еще заразныхъ, прямо среди улицы и еще въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочаго люда, т.-е. съ вѣрными шансами на распространеніе заразы. И дѣлается это не потихоньку, не ночною порой, а среди бѣлаго дня. Всѣ знаютъ, кто привезъ въ Курманъ заразу сыпнаго тифа и ничего съ ними сдѣлать не могутъ. Неужели такъ-таки и нельзя ничего сдѣлать?»

Казалось бы, ничего особеннаго въ приведенной статьѣ сказано не было: взяты голые факты, съ нѣкоторыми коммептаріями и высказано вполнѣ понятное въ данномъ случаѣ, чувство негодованія и возмущенія, относительно отношенія къ рабочимъ со стороны такихъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ представляютъ собою милліонную стоимость. Но вотъ, черезъ нѣсколько времени, появляется въ газетѣ нѣчто вродѣ опроверженія въ видѣ письма въ редакцію, за подписью какого-то анонимнаго «очевидца». Г. очевидецъ, въ качествѣ добровольца, не протестовалъ противъ данныхъ статьи и не опровергая, что больные цынгою были, и были они посланы въ Ѳеодосію и Симферополь, что это обратило вниманіе губернской администраціи, командировавшей въ «Тамакъ» по этому поводу чиновника врачебнаго отдѣленія, говоритъ: «осмотрѣвъ, 12 апрѣля, подробно помѣщеніе рабочихъ, отвѣдавъ ихъ продовольствіе, осмотрѣвши больныхъ цынгой, г. чиновникъ призналъ цынгу легкой, пищу рабочихъ хорошей, а помѣщеніе *нѣсколько тѣснымъ*, да оно и понятно, въ виду прибытія на лѣтнія работы болѣе 100 новыхъ человѣкъ. Отыскивая причину

появленія цынги, г. чиновникъ совмѣстно съ земскимъ участковымъ врачемъ констатировали: 1) что всѣ заболѣвшіе цынгой прибыли на заработки изъ мѣстностей съ плохимъ урожаемъ, 2) что на новомъ жительствѣ—мѣстности сильно лихорадочной—они часто болѣли перемежающейся лихорадкой, зимой перенесли инфлуэнцу, 3) что подъ конецъ великаго поста—добровольнаго воздержанія отъ скоромины—и явилась цынга. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что медицинская помощь въ экономіи сравнительно хорошо обставлена: туда пріѣзжалъ возможно часто земскій участковый врачъ (не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ) и земскій фельдшеръ; сверхъ того, зимой и осенью въ экономіи жилъ вольнопрактикующій врачъ, г. Фр.; заболѣвшіе имѣютъ отдѣльное помѣщеніе; имъ услуживаетъ отдѣльный больничный сторожъ, содержимый экономіей исключительно для этой цѣли. Такимъ образомъ, каждый рабочій въ экономіи «Тамакъ», пока онъ здоровъ, имѣетъ хорошее продовольствіе, а когда ему случится заболѣть, то можетъ разсчитывать, что ему дадутъ отдѣльное отъ здоровыхъ помѣщеніе, будутъ за нимъ ухаживать и лѣчить, благодаря гуманности землевладѣльца и управляющаго экономіей Тамакъ».

Можно подумать, что все дѣло въ томъ и заключалось, чтобы узнать *причину* появленія цынги, которую и безъ констатированія чиновникомъ *), приводимаго добровольцемъ—очевидцемъ, всѣмъ была ясна и понятна. И затѣмъ, какъ это все по-маниловски сладко и нѣжно: помѣщеніе оказалось всего только «нѣсколько тѣснымъ», несмотря на то, что туда всадили болѣе 100 новыхъ человѣкъ. Впрочемъ заключеніе письма, восхваляющее гуманность владѣлицы и управляющаго «Тамакомъ» и описывающее чуть ли не идиллическое положеніе рабочихъ въ этой экономіи, лучше всякихъ словъ говорили, откуда именно выходило письмо «очевидца».

На этомъ бы все вѣроятно и окончилось, но «гуманной» владѣлицѣ «Тамака» вздумалось еще привлечь къ суду за диффамацію автора статьи. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, послѣдній совер-

---

*) Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ показываютъ товаръ всякому ревизору, прибытія котораго ожидаютъ заблаговременно. Долго ли на одинъ-два дня улучшить харчи до послѣдней возможности, привести въ порядокъ казарму и куда нибудь припрятать на время тѣхъ людей здоровыхъ и больныхъ, которые окажутся лишними. На площади въ 14.000 дес., съ многочисленными разбросанными въ степи сараями и амбарами, мѣста для этого не занимать стать.

шилъ поѣздку въ «Тамакъ», разумѣется incognito, чтобы на мѣстѣ сдѣлать кое-какія наблюденія. И что же увидѣлъ?—что въ «Тамакѣ» постоянно царитъ огромная заболѣваемость между рабочими помимо всякаго «добровольнаго воздержанія отъ скоромины». Многаго изъ того, что ему хотѣлось видѣть, здѣсь впрочемъ не показали, но за то въ сосѣдней экономіи г-на Дика, лежащей бокъ-о-бокъ и составляющей часть того же «Тамака», онъ видѣлъ, что тяжело-больные (было это въ августѣ мѣсяцѣ), въ количествѣ шести человѣкъ, валялись не въ «отдѣльномъ помѣщеніи», а просто на полу отдѣленія амбара, который еще не успѣли засыпать хлѣбомъ. Ни одной души, которая присматривала бы за ними, не было видно и только слышно было, какъ кудахтали помѣщавшіеся подъ импровизированною больницей куры, да стонали въ бреду двое не то горячечныхъ, не то тифозныхъ. Лежавшая возлѣ дверей деревянная чашка съ ковригою чернаго черстваго хлѣба и солеными огурцами, свидѣтельствовала лучше всякихъ словъ, чѣмъ питались больные, которымъ хозяева архимилліонеры не могли даже прислать бѣлаго хлѣба и чего-нибудь получше отвратительно-вонявшихъ огурцовъ, которые не всякій и здоровый желудокъ въ состояніи принять. Нужно впрочемъ замѣтить, что наканунѣ въ «Тамакѣ» авторъ видѣлъ и своего «экономическаго» доктора и земскаго, но оба они толковали все время объ игрѣ въ винтъ и объ охотѣ на стрепетовъ,—больные ихъ повидимому интересовали меньше всего. Да и могъ ли бы порядочный, уважающій себя и свою спеціальность врачъ, смолчать при видѣ такой казармы, могъ ли бы онъ удержаться и не сказать, что такъ больныхъ людей держать нельзя, что нельзя ихъ такъ кормить.

Во время этого осмотра, тутъ же находился и прикащикъ экономіи, который ничего не могъ или не хотѣлъ отвѣтить на предлагавшіеся ему вопросы. Затѣмъ мы осмотрѣли казарму и черную кухню, которая оказалась, въ сравненіи съ количествомъ рабочихъ, крошечнымъ каменнымъ ящикомъ, съ нарами устроенными въ два яруса *).

*) Обычай устраивать нары въ два яруса существуетъ во многихъ экономіяхъ. Первый ярусъ изъ досокъ возвышается обыкновенно на аршинъ надъ поломъ, второй подъ самымъ потолкомъ. Такимъ образомъ, въ казармѣ можно умѣстить въ два раза больше людей. Какимъ воздухомъ приходится дышать этимъ густо уложеннымъ въ два этажа людямъ и насколько это цѣлесообразно въ гигіеническомъ отношеніи,—вопросъ другаго рода и хозяева только смѣются,

Авторъ замѣтилъ объ опасности этихъ паръ—и слова его оказались пророческими: передъ самымъ Покровомъ, то-есть наканунѣ ухода рабочихъ домой, часть верхняго яруса обвалилась и убила наповалъ сидѣвшую внизу и собиравшуюся домой дѣвушку—полтавку. Разумѣется все это предали воли Божьей. Еще одна маленькая подробность: когда шелъ разговоръ о харчахъ, прикащикъ отвѣтилъ, что его хозяинъ не даетъ рабочимъ на полдникъ арбузовъ, какъ это дѣлаютъ для разнообразія пищи сосѣди, потому что поглощенъ заботой, чтобъ они, не дай Богъ, не заболѣли. Между тѣмъ весь столъ въ казармѣ оказался покрытымъ арбузными лушпайками и спрошенные тутъ же рабочіе пояснили, что дѣйствительно экономія, изъ боязни холеры, не даетъ имъ арбузовъ, но за деньги продаетъ сколько угодно. Нужно думать, что холера могла появиться только отъ даровыхъ арбузовъ, а ѣвшіе купленные въ экономическомъ амбарѣ, были вполнѣ отъ нея застрахованы.

Владѣлица „Тамака“ очень кстати не явилась въ назначенный день въ камеру судебнаго слѣдователя и такимъ образомъ затѣянное сгоряча дѣло о диффамаціи само собою прекратилось. А ѳиміамы г. очевидца, разсыпавшагося въ лести гуманности своей хозяйки и управляющаго, уже прошедшимъ лѣтомъ нашли самое лучшее подтвержденіе себѣ въ томъ фактѣ, что всѣ рабочіе, нанятые въ „Тамакъ“, покинули экономію и ушли.

При господствованіи такихъ взглядовъ, нечего и говорить, что всякія экономическія больнички, аптечки составляютъ далекія ріа desideria. На всей огромной территоріи, занимаемой Таврическою губерніей, мы знаемъ только четыре экономическія больницы, существующія не ради одной только вывѣски, но поставленныя дѣйствительно хорошо, на 10—20 кроватей каждая, со своими аптечками и съ постоянными фельдшерами, работающими подъ контролемъ доктора. Три изъ нихъ устроены въ имѣніяхъ С. Б. Фальцъ-Фейнъ: „Асканіи-Новѣ“, „Преображенкѣ“ и „Дормбургѣ“ *), четвертая въ имѣніи А. И. Фальцъ-Фейна—«Черноморьѣ». Были еще экономическія больнички въ имѣ-

---

когда имъ начинаютъ говорить объ этомъ.—„Зато такъ теплѣе“, возражаютъ они. Но, вѣдь, если тепло ставить на первомъ планѣ и добиваться его такими путями, то можно зайти очень далеко.

*) Въ Ивановской экономіи С. Б. Фальцъ-Фейнъ, расположенной въ Херсонской губерніи, тоже есть свой фельдшеръ

ніяхъ г. Куликовскаго и г. Скадовскаго (тоже какъ и четыре вышеупомянутыя—всѣ въ днѣпровскомъ уѣздѣ) но первый передалъ свою въ вѣдѣніе уѣздному земству, а второй закрылъ свою совершенно. Вотъ кажется и все—для Таврической губерніи съ ея огромною арміей пришлыхъ рабочихъ, съ ея помѣщиками—лэндлордами, владѣнія которыхъ превышаютъ среднегерманскія княжества *), гдѣ лица владѣющія десятками тысячъ десятинъ считаются не единицами, а тоже десятками, это слишкомъ мало. Богачи помѣщики боятся обременить свой огромный бюджетъ нѣсколькими сотнями рублей, затраченными на лѣченіе у себя дома своихъ рабочихъ. Это во-первыхъ слишкомъ хлопотливо, говорятъ они, да къ тому же для этого существуетъ земство. Но земская медицина тоже поставлена крайне слабо, она не удовлетворяетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (особенно крымскихъ) даже потребностямъ въ медицинской помощи кореннаго населенія. И вотъ пресловутый «сѣятель и хранитель», плетущійся сюда за сотни верстъ и ворочающій рычагомъ степнаго хозяйства, не гарантированъ на случай болѣзни въ томъ, что его не выбросятъ умирать въ степь. И поэтому вдвойнѣ отрадно видѣть такія пріятныя исключенія изъ общаго печальнаго правила, какое мы имѣемъ въ больницахъ, устроенныхъ гг. Фальцъ-Фейнами. Всякій заболѣвшій ихъ рабочій пользуется внимательнымъ уходомъ, нужнымъ для больного столомъ, всѣми больничными удобствами и медикаментами совершенно безплатно. А насколько много приносятъ они пользы, можно видѣть изъ слѣдующихъ, сдѣланныхъ нами изъ больничныхъ книгъ выписокъ: въ преображенской больницѣ за 1891 годъ пользовалось койками 99 душъ, съ 1-го января по 1-ое сентября 1892 г.—138 душъ. Количество амбулаторныхъ по мѣсяцамъ выражалось въ такихъ цифрахъ: январь—116 душъ, мартъ—120, іюнь—158, іюль—213. Въ «Асканіи-Новѣ» больныхъ (безъ амбулаторныхъ) было въ 1891 году 374 человѣка (по 1 сентября—280). Съ 1-го января по 1-ое сентября 1892 года—334 че-

*) Мы перечислимъ нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ Таврической губерніи: гг. Фальцъ-Фейнъ владѣютъ площадью около 200.000 дес., гр. Мордвиновъ болѣе 60.000 дес., г. Поповъ около 80.000 дес., г. Вассалъ около 60.000 дес., г. Люстигъ около 30.000 дес., гг. Шмидтъ около 30.000 дес., гг. Дикъ около 30.000 дес., два Шредера—40.000 дес., г. Скадовскій—20.000 дес., г. Дуранте около 50.000 дес.; далѣе идетъ еще много владѣльцевъ, съ имѣніями отъ десяти до двадцати пяти тысячъ десятинъ у каждаго.

ловѣка (здѣсь въ увеличеніи очевидно сказались послѣдствія зимы 1891—92 года), maximum дней для отдѣльныхъ больныхъ 43—48, большинство же выписывалось черезъ три—четыре дня, получивши облегченіе. Спрашивается, что бы дѣлали всѣ эти болящіе, еслибъ имъ пришлось обходиться совершенно безъ медицинской помощи, брести за тридевять земель (да и какъ брести тяжело-больному) къ земскому доктору, или ожидать его случайнаго наѣзда?

Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ, завѣдующій всѣми имѣніями С. Б. Фальцъ-Фейнъ, говоритъ намъ, что существованіе въ ихъ экономіяхъ больницъ доставляетъ иногда непріятности, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ нервный и впечатлительный, легко подающійся минутному настроенію, можетъ дѣйствительно назвать все это «лишними хлопотами» и постараться избавиться отъ нихъ. Прежде всего, приходится бдительно слѣдить за фельдшерами, которые часто злоупотребляютъ лѣкарствами, затѣмъ случаются такія исторіи, что налетитъ откуда-то, словно съ цѣпи сорвавшійся чиновникъ врачебнаго правленія и переворотитъ все вверхъ дномъ, наговоривши кучу дерзостей и угрозъ, на которыя не имѣетъ никакого ни юридическаго, ни нравственнаго права. Конечно, никому это не можетъ быть пріятно. Но вѣдь во всякомъ дѣлѣ есть свои отрицательныя стороны, какъ есть и положительныя; но если послѣднія перевѣшиваютъ первыя, если приходится помириться съ нѣкоторыми неудобствами, которыя окупаются сторицею огромною суммой труда, приносимою полуголодною, полухолодною «бродячей Русью», добывавшей нѣкогда своею кровью эти степи, а теперь воздѣлывающей и обрабатывающей ихъ за кусокъ хлѣба въ потѣ лица своего, то человѣкъ, который не очерствѣлъ еще душою до такой степени, чтобы видѣть въ младшемъ братѣ своемъ только рабочую скотину, который можетъ еще сказать: «homo sum et nihil humanum alienum mihi est», не можетъ задумываться надъ рѣшеніемъ этого вопроса.

XIII.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы должны остановиться еще на двухъ сторонахъ разбираемаго нами предмета: на нелѣпомъ обвиненіи рабочихъ въ «безцѣльныхъ» шатаніяхъ и на поразительномъ, легко впрочемъ объясняемомъ довѣріи ихъ ко всевозможнымъ слухамъ. Въ

газетныхъ статьяхъ, въ рефератахъ различныхъ болѣе или менѣе озлобленныхъ хозяевъ, наконецъ въ рѣчахъ земскихъ дѣятелей, мы постоянно наталкиваемся и наталкиваемся на это вышеприведенное выраженіе «безцѣльныя скитанія«. Словцо понравилось, привилось и пошло гулять по свѣту, заставляя придти къ печальному заключенію, что немногіе ораторы вдумываются въ смыслъ своихъ рѣчей и больше заботятся о внѣшней красотѣ слога. Намъ кажется, что слово «безцѣльный» совершенно должно быть въ данномъ случаѣ выброшено изъ лексикона: смѣшно и доказывать, что каждый отправляющійся въ далекій путь рабочій имѣетъ твердую и одинаковую для всѣхъ цѣль,—заработать для себя и для своей семьи на пропитаніе и для казны на разныя подати. Что же толковать тутъ о «безцѣльности»? Вотъ если замѣнить это слово другимъ—«безплодность», горечь котораго такъ часто приходится испытывать рабочему, — тогда другое дѣло.—Трудно, можетъ быть, отрицать у рабочаго человѣка страсть путешествовать, но это вовсе не та безцѣльная страсть, которую можно назвать праздношатаніемъ. Привычка эта можетъ быть осталась со временъ «Юрьева дня». Нашъ народъ вѣчно задавался мучительною мыслью въ поискахъ «гдѣ лучше», хотя рѣдко находилъ послѣднее. Различные болѣе или менѣе мудрые оракулы, относящіеся огуломъ къ «шатанію» рабочаго отрицательно, произносятъ свои отзывы совершенно голословно. Языкъ цифръ — самый краснорѣчивый языкъ и пусть они прежде посмотрятъ на эти сотни тысячъ зарегистрованныхъ статистикою «лишнихъ людей», которые у себя дома являются прямо-таки никому не нужными и, при всемъ своемъ желаніи, не имѣютъ возможности никуда примѣнить свои руки. По вычисленіямъ г. Короленка, въ Полтавской губерніи, несмотря на усиленную распашку полей, остается еще до 370,000 взрослыхъ рабочихъ, не имѣющихъ возможности примѣнить свой трудъ дома. Въ еще болѣе густо населенной Кіевской губерніи (Каневскій уѣздъ ея по густотѣ населенія занимаетъ *первое* мѣсто въ Россіи), избытокъ рабочихъ, по разсчету обыкновенной культуры хлѣбовъ, выражаются въ цифрѣ 533,000 человѣкъ. Въ Черниговской губерніи избытокъ взрослыхъ рабочихъ доходитъ до 300,000 душъ. Мы взяли три губерніи, которыя являются главными поставщиками для Новороссійскаго края рабочихъ рукъ, не говоря уже о прочихъ, Орловской, Курской, Воронежской и т. д., населеніе которыхъ уходитъ по

большей части на заработки въ Донщину, Прикавказье и только въ меньшемъ количествѣ въ Новороссію. И вотъ, только для этихъ трехъ губерній является болѣе милліона душъ здороваго, взрослаго населенія, за исключеніемъ не только крестьянъ, могущихъ прокормиться на своемъ хозяйствѣ, но и за вычетомъ тѣхъ, которые могутъ найти работу на мѣстѣ, въ экономіяхъ, на фабрикахъ и заводахъ. Что же остается имъ дѣлать? Хозяйничать на своихъ надѣлахъ? Но при существующемъ малоземельи въ густо-населенныхъ мѣстахъ, при непропорціонально высокой арендной платѣ земель владѣльческихъ, давать подобные совѣты—значитъ заниматься можетъ быть и почтеннымъ, но совершенно пустымъ дѣломъ—толченіемъ воды въ ступѣ. Не забывайте еще при этомъ о существованіи массы совершенно безземельнаго пролетаріата, эту грозную армію будущаго, которая ростетъ съ ужасною быстротой, и вамъ станетъ понятна вся тенденціозность и узкая подкладка ламентацій, обвиняющихъ рабочаго въ страсти къ какому-то безцѣльному шатанію. Словно это какой-то скучающій, любознательный туристъ, котораго, какъ барина тянетъ dahin dahin, wo die citronen blühen... нѣтъ, здѣсь играютъ роль менѣе поэтическія причины, ему просто не сидится дома, потому что голодное брюхо заставляетъ идти и идти, какъ вѣчнаго жида заставляла идти его совѣсть *). Почему же крестьяне мало-мальски обезпеченные избѣгаютъ отхожихъ промысловъ, зная всю ихъ ужасную моральную и физическую сторону? Если уходятъ отдѣльные члены изъ большихъ семей, то это все молодежь, которая, какъ мы знаемъ, идетъ на свой рискъ и всѣ заработанныя деньги тратитъ на себя. Заработки дѣвушекъ чигиринскаго уѣзда (откуда ихъ выходитъ особенно много) почти цѣликомъ идутъ на покупку имъ приданнаго. Это вошло уже въ общее правило. Дѣвушка, которая больше ходитъ въ Таврію, покупаетъ «скрыню» и каждый годъ употребляетъ на наполненіе ея разною одеждою весь свой заработокъ. Чѣмъ болѣе она побывала въ Тавріи, тѣмъ она богаче. Многія запасаются въ эту пору холстомъ, сукномъ и разною одеждою чуть ли не на всю послѣдующую жизнь. На мужа въ этомъ отношеніи разсчитывать нечего, онъ всегда можетъ послать упрекъ словами пѣсни: «а що-жъ ты робыла якъ дівувала, у запічку сыділа,

*) Конечно это не относится къ „бурлакамъ“, которые въ общей массѣ рабочихъ составляютъ ничтожный процентъ.

та въ вікно выглядала,—якъ другі дівчата зъ Крыма йдуть, та за пазухою гроші несуть». Отсюда и понятна страсть дивчатъ какъ можно скорѣе отправиться на заработки. Только что дѣвушкѣ минетъ 14—15 лѣтъ, она уже всѣми силами отпрашивается у родныхъ, а сколько усилій употребляется, сколько двугривенныхъ вынимается, чтобы писарь прибавилъ въ паспортѣ, въ графѣ «возрастъ», годъ или два. Выше мы упомянули, что родители считаютъ грѣхомъ воспользоваться заработанными дочерью деньгами на свои надобности и, въ случаѣ крайней нужды, дѣлаютъ это не иначе, какъ съ ея разрѣшенія. Зачастую дивчата остаются зимовать на заработкахъ, а отецъ съ матерью на посылаемыя деньги потихоньку «дбають» дочери приданое. У насъ хранятся трогательныя письма по этому поводу отъ родителей къ дѣтямъ *). Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключеній, попадаются такіе отцы, которые отбираютъ у дѣтей, особенно у дивчатъ, заработанныя потомъ и кровью деньги и пропиваютъ ихъ. Но такихъ очень мало. И къ чести малороссовъ нужно сказать, что къ подобнымъ субъектамъ они относятся съ полнымъ презрѣніемъ. «Такого батька бiты треба», выражаются они. Не мудрено, что теперь, особенно съ распространеніемъ машинъ и съ громаднымъ спросомъ въ связи съ этимъ на женскій трудъ, все почти женское населеніе южной части чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ. и нѣкоторыхъ уѣздовъ Полтавской, поголовно выходитъ на заработки. Дома отстаются только дочери «богатырей», которыхъ и безъ того батьки богато снабдятъ разнымъ добромъ при выходѣ замужъ. Да самая несчастная, забитая, закабаленная чуть не съ дѣтства голытьба, особенно многочисленныя сироты, которыя почти никогда не выходятъ изъ безпросвѣтнаго рабства у своего же брата — богатаго мужика.

XIV.

Наблюдателямъ народной жизни, близко присматривавшимся къ различнымъ явленіямъ ея, хорошо знакомо слѣпое довѣріе нашей

*) Зазимовавшія въ Крыму дѣвушки пишутъ родителямъ, что до нихъ дошли разные слухи о томъ, будто бы послѣдніе присланные съ заработковъ деньги „потеряли“ (т.-е. истратили) на себя, а ничего не справили изъ одежды. И нужно видѣть, какъ трогательно звучатъ отвѣты родителей, совѣтующихъ „не слухать, що люды брешуть, хіба мы справді такі, що бы ті гроші, которы ты тяжкімъ трудомъ заробыла, та на себэ потратiлы-бъ“.

русской деревни къ разнаго рода слухамъ и самымъ нелѣпымъ толкамъ. Крестьянинъ совершенно теряется и отбрасываетъ въ сторону свою обычную недовѣрчивость, если услышитъ смутно, неясно, что гдѣ-то за горами, за долами раздаютъ чуть не даромъ земли, по которымъ текутъ молочныя рѣки съ медовыми берегами, или, что вотъ въ такой-то губерніи, понадобилось видимо невидимо рабочихъ, людей не хватаетъ и каждому человѣку платятъ чуть-ли не по червонцу въ день. Цѣлыя деревни, не слушая ничьихъ убѣжденій и увѣщаній, вдругъ подымаются и трогаются въ эту невѣдомую аркадію и не всегда даже административное veto можетъ удержать ихъ на мѣстѣ: не пускаютъ прямо, они умудряются найти окольные пути. Результаты этихъ поисковъ почти всегда бываютъ одинаковыми и оставшіеся въ живыхъ путешественники возвращаются домой, еле волоча ноги, ободранные и изморенные. Но это не помогаетъ, не останавливаетъ другихъ—не даромъ пословица говоритъ, что «примѣръ никому не наука». Да и сами неудачники всегда приписываютъ печальный финалъ своихъ похожденій не тому, что ихъ одурачили и соблазнили небывальщиною, а просто всякимъ внѣшнимъ причинамъ, не позволившимъ имъ добраться до обѣтованной страны. Не далѣе какъ въ прошломъ году, какой-то аферистъ изъ Ростова-на-Дону публиковалъ, что у него имѣются въ продажѣ для крестьянъ всевозможныя лучшія земли по дешевой цѣнѣ и, эти невинныя на взглядъ публикаціи, которыхъ многіе не замѣтили, произвели такой переполохъ въ Кіевской губерніи, что мѣстный генералъ-губернаторъ долженъ былъ обратить на всю эту исторію серьезное вниманіе и сдѣлать надлежащій запросъ въ Ростовѣ-на-Дону. Цѣлые десятки крестьянскихъ семей Кіевской губерніи распродавали землю, движимость и съ вырѣзанною публикаціею отправлялись къ проявившемуся благодѣтелю, котораго впрочемъ кажется вскорѣ постарались убрать *).

---

*) Позднею осенью 1889 года, между крестьянами Кіевской губ., тоже благодаря какимъ-то нелѣпымъ слухамъ, вдругъ началось необычайное въ это время усиленное движеніе на заработки въ Таврическую губернію. Кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ, обратился къ таврическому губернатору съ просьбою, по телеграфу сообщить ему, дѣйствительно-ли у мѣстныхъ землевладѣльцевъ существуетъ спросъ на рабочія руки и въ какихъ преимущественно уѣздахъ. Г-нъ таврическій губернаторъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ губернской управѣ, которая сообщила, что вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на рабочія

Въ настоящее время печатное слово не представляетъ рѣдкости въ деревнѣ, тамъ внимательно слѣдятъ за нимъ, особенно по вопросамъ, близко касающимся деревенской жизни и глубоко вѣрятъ ему. Деревня еще не усвоила себѣ взгляда, что «бумага все терпитъ». Поэтому страшна отвѣтственность тѣхъ господъ, которые, болтая печатно всякія глупости, не подозрѣваютъ ту сумму зла, которую приноситъ ихъ легкомысліе. Особенно на это должны обратить вниманіе мелкія столичныя газеты, вродѣ «Свѣта» и ему подобныя, которыя, именно въ силу своей дешевизны и размѣра, наиболѣе распространены въ деревнѣ. Вы думаете тенденціозныя, проникнутыя ядомъ ненависти и подкрѣпленныя разными подтасованными и умышленными фактами статьи «Свѣта» противъ нѣмцевъ-колонистовъ на югѣ не имѣли извѣстнаго значенія? Нѣтъ, онѣ посѣяли въ южной русской деревнѣ сѣмена глухой злобы и зависти къ колонистамъ и, если сѣмена эти пока скрыты, то стоитъ только явиться какому-либо внѣшнему обстоятельству, которое произвело бы толчокъ и они дадутъ богатую жатву. Наблюдая и изучая рабочее движеніе на югѣ, мы можемъ привести здѣсь два характерныхъ примѣра, для иллюстраціи сказаннаго о довѣріи деревни къ газетнымъ слухамъ, которыми она пытается руководиться въ своихъ планахъ и дѣйствіяхъ. Первый изъ нихъ относится ко второй половинѣ восмидесятыхъ годовъ, когда въ газетахъ заговорили объ устройствѣ перекопскаго канала, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ, причемъ утверждали, что съ началомъ весны начнутся и работы по прорытію его. Люди хорошо знакомые съ дѣломъ, знали что самая мысль о проведеніи перекопскаго канала (отголоски этой мысли и до сихъ поръ еще звучатъ временами въ періодической печати) ни болѣе, ни менѣе какъ колоссальный абсурдъ. Что еслибы и нашлись такіе охотники, которые устроили-бы этотъ никому не нужный каналъ, зарыли-бы въ него десятки милліоновъ, то онъ бы только соединилъ Сивашъ съ мелкимъ заливомъ Чернаго моря, глубина котораго еле равняется

руки минувшимъ лѣтомъ, значительное количество пришлыхъ рабочихъ осталось на зиму и, такъ какъ спросъ на рабочія руки бываетъ зимою только въ ялтинскомъ уѣздѣ, то движеніе рабочихъ изъ Кіевской губерніи въ Таврическую не оправдывается въ настоящее время дѣйствительною потребностью. Благодаря принятымъ вслѣдствіе этого отвѣта на мѣстѣ мѣрамъ, движеніе было пріостановлено вначалѣ и собравшіяся нахлынуть въ Крымъ толпы остались дома.

двумъ четвертямъ, да и эта вода, при береговомъ вѣтрѣ, совершено уходитъ верстъ за десять, обнажая песчаное дно. Что, будь даже море здѣсь судоходнымъ, то по перекопскому каналу некому было бы плавать, такъ какъ ни одинъ пароходъ, проходя изъ Азовскаго моря въ Черное, не забрался бы въ эти дебри. И наконецъ, что все это дутое предпріятіе было затѣяно съ цѣлью позондировать почву, нельзя ли полученную концессію перепродать за хорошій кушъ заграничнымъ предпринимателямъ. Но оказалось, что за границею хотя много свободныхъ капиталовъ, ищущихъ примѣненія, но «дурныхъ грошей», какъ выражаются хохлы, нѣтъ и проэктъ пресловутаго перекопскаго канала, надъ которымъ въ Крыму даже куры смѣются, остался погребеннымъ въ портфелѣ аферистовъ, которые впрочемъ еще не теряютъ надежды на лучшее будущее и время отъ времени освѣжаютъ его въ памяти публики.

Но откуда было знать всѣ эти тонкія комбинаціи хохлу какого-нибудь лубенскаго или золотоношскаго уѣзда? Онъ узналъ, ему прочли въ газетахъ «письмэнны люды», что весною начнутъ откапывать Крымъ отъ Россіи, что нужно, очень нужно рабочихъ и пѣшихъ, и съ лошадьми, что деньги будутъ платить хорошія. И тронулась «сермяжная Русь» искать вѣтра въ полѣ. Пріѣхавши, какъ и обыкновенно, на ярмарку девятаго мая, мы были удивлены, увидавши массу народа, пришедшаго сюда съ опредѣленною цѣлью—наняться на работу по каналу. Многіе, разсчитывая на большіе барыши, явились со своими повозками и упряжкою. Были и такіе запасливые, которые не забыли захватить изъ дому даже лопаты. На предложеніе наниматься въ экономію они отвѣчали отказомъ, а когда ихъ увѣряли, что каналъ—выдумка, «дурна брехня», то они недовѣрчиво отходили. Изъ разговоровъ съ рабочими мы узнали, что у пришедшихъ «на каналъ» уже даже составилось глубокое убѣжденіе о заработной платѣ, которую они будутъ получать: рабочій съ подводою 60 рублей въ мѣсяцъ, пѣшій 30 руб. Эти цифры опредѣлились откуда-то еще дома и показались настолько соблазнительными, что побудили тронуться въ путь даже тѣхъ, которые на полевыя работы никогда не приходили. Нужно ли говорить, какое горькое разочарованіе постигло всѣхъ чаявшихъ движенія воды. Канала они не дождались, ожидая все какихъ-то «велыкихъ панывъ», наемку въ экономіи прозѣвали и должны были возвратиться ни съ чѣмъ обратно

прямо изъ Каховки, или же прошатались безплодно все лѣто по Таврическимъ и Херсонскимъ степямъ.

Другой случай, носящій болѣе частный характеръ, но который можно смѣло обобщить, имѣлъ мѣсто весною 1891 года. Этотъ годъ долго будетъ памятенъ всей Россіи; скернымъ онъ вышелъ и для Новороссіи. Къ каховской ярмаркѣ виды на урожай совершенно выяснились, сѣнокосы пропали безвозвратно, хлѣба еле-еле держались и не вездѣ обѣщали вернуть даже затраченныя сѣмена. Печальную картину представляла 9-го мая Каховка. Цѣлыя тучи раскаленнаго песку поднимались сухимъ вѣтромъ, густою пеленой стояли надъ мѣстечкомъ, по улицамъ котораго бродили со двора на дворъ толпы рабочихъ, предлагая свой трудъ съѣхавшимся въ небольшомъ количествѣ, вслѣдствіе неурожая, хозяевамъ. Почти вездѣ ихъ встрѣчалъ отказъ, вездѣ слышно было одно и то же, что сушь погубила всѣ надежды, что рабочимъ дѣлать будетъ нечего и, какъ бы въ подкрѣпленіе этого, на небѣ не появлялось ни одного облачка и только солнце, казавшееся сквозь сухія тучи песку какимъ-то огромнымъ, краснымъ шаромъ безъ лучей, изо дня въ день продолжало сжигать остатки растительности, которые еще какимъ-то чудомъ уцѣлѣли. Въ результатѣ оказалось, что едва-едва четвертая часть пришедшихъ рабочихъ получила мѣста по самымъ минимальнымъ цѣнамъ. Такова-то была картина этой грустной ярмарки, которую наблюдали мы и многіе другіе. Но пока все это происходило въ Каховкѣ, въ Симферополѣ «дѣлали исторію» по-своему.

Среди пятидесятитысячнаго населенія этого города, нашелся одинъ Тряпичкинъ - очевидецъ, который избралъ своею спеціальностью отзываться на все и на вся, отзываться печатно и, разумѣется, не даромъ, а получая за свои отзывы пятаки и двухкопѣечники. И вотъ, въ безпрестанной погонѣ за послѣдними, этотъ безшабашный ухарь, не имѣя понятія не только объ урожаѣ, регулирующемъ спросъ на рабочія руки, но даже не зная, что дѣлается за чертою городскаго бульвара, садится къ столу и пишетъ слѣдующее сообщеніе:

«Благодаря великолѣпнѣйшимъ видамъ на урожай хлѣбовъ и травъ по всей Таврической губерніи, знаменитая каховская ярмарка прошла съ необычайнымъ оживленіемъ. Пришедшіе рабочіе разбирались на-расхватъ по весьма высокимъ цѣнамъ: мужчины—отъ девяноста рублей, женщины—отъ шестидесяти рублей до Покрова. И за

всѣмъ тѣмъ, многіе хозяева, не спѣшившіе наемкою, остались безъ рабочихъ».

Далѣе Тряпичкинъ давалъ столь же достовѣрныя свѣдѣнія о ярмарочныхъ цѣнахъ на шерсть, на овчины и вообще на всѣ произведенія сельскаго хозяйства,—цѣны, которыя, разумѣется, онъ бралъ изъ «головы» и которыя, какъ и вся необычайно оживленная ярмарка, существовали только въ его фантазіи.

Сообщеніе это появилось въ мѣстной газетѣ «Крымъ», со свидѣтельствомъ, что идетъ оно изъ самой Каховки и «отъ нашего спеціальнаго корреспондента». Газета напечатала, публика молча, пожимая плечами, прочла, «нашъ спеціальный корреспондентъ» получилъ гонораръ, тѣмъ бы кажется, все дѣло и окончилось. Не не тутъ-то было.

Въ сосѣднемъ городѣ сидѣлъ агентъ сѣвернаго телеграфнаго агентства, который тоже не захотѣлъ пропустить удобный случай, чтобы не заработать рубля и вотъ, переписавши помѣщенное въ газетѣ, съ небольшимъ сравнительно райономъ распространенности, сообщеніе Тряпичкина, онъ катнулъ его въ видѣ телеграммы въ свое агентство, а послѣднее разослало эту телеграмму всѣмъ столичнымъ и провинціальнымъ газетамъ, пользующимся его услугами, и газеты, ничто же сумняшеся, помѣстили ее на-ряду съ другими «новѣйшими и достовѣрнѣйшими» извѣстіями, доставляемыми этимъ пресловутымъ агентствомъ. Что же изъ этого вышло? А вотъ что.

Какъ разъ на границѣ Полтавской и Черниговской губерній, въ п—комъ уѣздѣ, лежитъ огромная деревня Печерица. Ртовъ много, земли маловато и потому изрядная часть населенія ея на лѣто отправлялась на заработки въ Новороссію, отправлялась на-авось, иногда принося порядочные куши денегъ, а иногда ободранные лохмотья и тотъ специфическій запахъ, который и безъ словъ показываетъ, что человѣкъ шелъ долго «этапнымъ порядкомъ». Печеричане не знали, что о благосостояніи ихъ заботятся тысячи совершенно чуждыхъ имъ людей, которые работаютъ надъ «урегулированіемъ рабочаго движенія», но, испытавши всѣ прелести этого «урегулированія» на своей собственной шкурѣ, они сдѣлались осторожны. Весною въ Каховку отправились только тѣ изъ нихъ, которымъ дома приходилось уже слишкомъ солоно, или которымъ просто нечего было терять и про которыхъ народная пѣсня такъ мѣтко выразилась:

Иде козакъ світъ за очіма,
Несе свою долю за плечіма.

Остальные же остались до поры до времени сидѣть дома, чтобы потомъ, сообразуясь съ доходящими свѣдѣніями, отправиться прямо туда, гдѣ въ нихъ нуждаются. Свѣдѣнія эти доходятъ въ деревню разными путями: черезъ прохожихъ людей, которыхъ такъ много безъ всякой опредѣленной цѣли шляется съ весны до осени по всей Россіи, черезъ письма ушедшихъ родныхъ и односельцевъ и, наконецъ, черезъ газеты. Да, черезъ газеты,—не смѣйтесь, пожалуйста! Въ деревнѣ не только газетѣ, но даже самому глупому календарю, до сихъ поръ вѣрятъ безусловно. Эта дѣтская вѣра основана на томъ, что разъ, дескать, позволили напечатать, то значитъ все напечатанное—святая истина. Кто позволилъ—неизвѣстно, но за то извѣстно, что деньги тоже напечатаны и пользуются всеобщимъ довѣріемъ. Отсюда вѣра народа въ печатное слово.

Въ то время, какъ ушедшіе въ Каховку печеричане поворачивали «до дому», до котораго нужно было идти ровно двѣ недѣли, выкроенная изъ лжи Тряпичкина телеграмма была уже помѣщена, во всѣхъ газетахъ и газеты эти уже были получены читателями. Въ Печерицѣ жили три представителя культурныхъ людей, не считая лавочниковъ, которые довольствовались «Нивою» и «Лучомъ». Помѣщикъ получалъ «Новое Время», попъ выписывалъ «Свѣтъ», а сельскій писарь—мѣстное провинціальное изданіе.

Мужички, сообразуясь со степенью знакомства, отправились собирать свѣдѣнія,—одни къ пану, другіе къ попу, третьи къ писарю,—нѣтъ ли чего новенькаго насчетъ урожаевъ. Новенькое нашлось всюду, и всюду очень хорошенькое. «Ступайте въ Таврію,—сказалъ имъ панъ, тыкая пальцемъ въ напечатанную телеграмму,—тамъ вашему брату денегъ отваливаютъ цѣлыя горы,—вонъ поскольку».—«Живѣе, живѣе ребята, собирайтесь,—совѣтовалъ попъ пришедшимъ къ нему,—Крымъ батюшка въ этомъ году всѣхъ накормитъ, напоитъ. Ишь тамъ урожаище Богъ какой послалъ,—хозяева дерутся изъ-за рабочихъ».

Явившіеся къ писарю получили тотъ же совѣтъ поторопиться въ благословенную Таврію. Итакъ, могло ли оставаться какое-либо сомнѣніе, когда три лица, на основаніи сообщеній трехъ разныхъ газетъ (что эти разныя газеты черпали изъ одного источника, откуда

крестьянамъ это будетъ извѣстно?), дали имъ одинъ и тотъ же совѣтъ. Крестьяне хорошо знали, что всѣ эти три лица желали имъ добра, хотя бы въ виду собственныхъ своихъ интересовъ. Панъ разсчитывалъ, что, заработавши хорошія деньги, мужики отдадутъ ему старые должишки за землю, за худобу и т. д. Попъ надѣялся на увеличеніе, благодаря опять-таки заработаннымъ деньгамъ, осенихъ свадебъ и на увеличеніе мзды за вѣнчаніе. Писарь зналъ, что будутъ деньги, будутъ пополнены недоимки и сборы, достанется и ему на табачокъ и не придется получать «комплиментовъ» отъ исправника, становаго и другихъ властей предержащихъ. Мужички знали это, вѣрили этимъ тремъ лицамъ и не знали только того, что и панъ, и попъ, и писарь нагло одурачены газетнымъ Тряпичкинымъ.

Радостная вѣсть, что за рабочихъ въ Таврiи хозяева чуть не дерутся, что цѣны платятъ имъ небывало-высокія, быстро облетѣла всю деревню и подбила отправиться на заработки даже тѣхъ, которые раньше объ этомъ вовсе и не думали. И вотъ, нѣсколько десятковъ печеричанъ, веселые, добрые, съ самыми лучшими надеждами на будущее, стремясь всею душой въ благословенную Таврію, съ пѣснями разсаживались въ вагоны на одномъ изъ вокзаловъ либаво-роменской желѣзной дороги. А въ это же самое время нѣсколько десятковъ другихъ ихъ земляковъ, перебравшись черезъ Давыдовъ бродъ, ободранные, полуголодные, загорѣлые, запыленные, маршировали домой, проклиная эту самую Таврію.

Нужно замѣтить, что плата за проѣздъ по желѣзной дорогѣ на каждаго человѣка, отъ Печерицы до Крыма, обошлась по десяти рублей и деньги эти три четверти рабочихъ заняли у разныхъ благодѣтелей за хорошіе проценты, въ счетъ будущихъ благъ. Живо пробѣжалъ поѣздъ до Ворожбы, отсюда по равнинамъ цвѣтущаго, богатѣйшаго сумскаго уѣзда, съ его бураковыми плантаціями и сахарными заводами, до Мерефы, а тамъ, южнѣе, потянулись безконечныя степи Новороссіи. Уголокъ мелитопольскаго уѣзда поражалъ своею роскошною растительностью, буйными хлѣбами, которые словно высокая стѣна, стояли по обѣимъ сторонамъ полотна, а мѣстами даже полегли отъ чрезвычайной силы.

«Эка благодать Божія!»—любовались изъ оконъ вагоновъ рабочіе и на первой же станціи встали, чтобы позондировать почву. Къ удивленію своему, они увидѣли, что вокругъ вокзала и подъ кры-

тыми, для предохраненія мѣшковъ отъ дождя, платформами, и прямо подъ лучами солнца, лежали, сидѣли и ходили цѣлыя толпы ихняго брата, хотя праздника въ этотъ день, даже самаго маленькаго, не значилось.

— Здравствуйте!—поздоровались вновь прибывшіе.

— Здравствуйте!—мрачно, сквозь зубы, отвѣчали прибывшіе раньше, подозрительно оглядывая ихъ.

— Що вы тутечки робыте?

— Якъ що робымъ? Работы дожідаемо...

— Хіба-жъ ін не мае?

— Мабуть не мае, колы дурно лежімо цілый тыждень.

— То вы-бы-же у Крымъ подалысь?

— У Крыму, мабуть, и свої собакы цей годъ съ голоду повыздыхають.

— Якъ такъ?...

Но тутъ раздался второй звонокъ; машина не ждетъ глупыхъ людскихъ рѣчей—и печеричане поспѣшно вскочили въ свои вагоны. Одинъ за однимъ мелькали вокзалы и на каждомъ они встрѣчали еще большую толпу сердитаго, угрюмаго народа, ожидавшаго работы. Замолкли въ вагонахъ веселыя пѣсни, понурили бѣдняки свои головы и горько задумались.

Поздно вечеромъ поѣздъ ссадилъ ихъ на степномъ крымскомъ вокзалѣ и умчался дальше. Поутру глазамъ проснувшихся печеричанъ представилась крымская степь,—но какая степь? Выжженная, желтая, выѣденная до самаго корня жалкой травки голодными шматками шпанки. Посидѣли они на вокзалѣ, день, другой, третій,—хоть бы кто-нибудь подошелъ нанимать ихъ,—никто даже и не спросилъ. А тутъ взятые изъ дому припасы, въ видѣ сухарей, паляницъ, гречаниковъ и сала стали подходить къ концу, всякій старался брать въ обрѣзъ, чтобы не обременять себя лишнею кладью, разсчитывая сейчасъ же стать на мѣсто. О деньгахъ и говорить нечего: у самыхъ счастливыхъ имѣлось по два-три рубля, а остальные не имѣли въ запасѣ и копѣйки. Вернуться домой было не на что. Посидѣли, посидѣли, да и стали расходиться маленькими группами въ разныя стороны этой безжизненной степи, безо всякой цѣли и безо всякой надежды. Что съ ними сталось дальше, объ этомъ всякій самъ можетъ заключить.

Все разсказанное нами здѣсь—голая истина. И одна ли только Печерица взволновалась благодаря лжи, или такихъ Печерицъ были десятки?

Несомнѣнно, что если отхожіе промыслы имѣютъ важное государственное и экономическое значеніе, какъ средство сгладить неравномѣрность распредѣленія въ странѣ населенія, давая возможность жителямъ мѣстностей слишкомъ густо населенныхъ найти себѣ заработокъ въ мѣстностяхъ слабо заселенныхъ и, въ то же время, послѣднимъ предоставить достаточное количество рабочихъ, то во всякомъ случаѣ это «сглаживаніе» достается крестьянину очень дорогою цѣной. Мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми выводами теоретиковъ, вродѣ г. Короленка, который, основываясь на одномъ-двухъ явно тенденціозныхъ сообщеніяхъ, утверждаетъ, что весьма немногіе изъ пришлыхъ рабочихъ уносятъ заработанныя деньги домой, а въ большинствѣ случаевъ тутъ же на мѣстѣ самымъ безобразнымъ образомъ прокучиваютъ ихъ. Это—неправда и голая, ничѣмъ не подтвержденная клевета. Напротивъ, огромное большинство пришлыхъ рабочихъ, именно та масса, которую обвиняетъ г. Короленко, уноситъ домой все до послѣдней копѣйки, (за исключеніемъ денегъ, израсходованныхъ во время службы на обувь, одежду, вообще на предметы первой необходимости) и это подтвердитъ вамъ каждый безпристрастный южнорусскій хозяинъ, близко сталкивающійся и наблюдающій пришлаго рабочаго. Безшабашнымъ прокучиваніемъ занимается ничтожное меньшинство, тѣ «бурлаки», о которыхъ мы говорили, но вѣдь рабочій-бурлакъ составляетъ во всякой порядочной экономіи случайное явленіе,—овцу прибившуюся къ стаду, и не имъ держится хозяйство, а трезвымъ и трудолюбивымъ полтавцемъ, кіевцемъ, черниговцемъ. Печально конечно то, что кадры бурлаковъ, людей окончательно опустившихся и погибшихъ, представляющихъ изъ себя отрепье здороваго рабочаго элемента, пополняются изъ рядовъ послѣдняго. Но за то не лишены истины другія безотрадныя явленія народной жизни, вытекающія непосредственно изъ отхожихъ промысловъ. Трудно отрицать ихъ общее деморализующее вліяніе на населеніе. Они пріучаютъ послѣднее къ бродячей жизни и весьма легкому отношенію къ ней. Трудно исчислить, сколько ежегодно тратится денегъ совершенно непроизводительно этими милліонами рабочихъ на передвиженіе къ мѣсту заработковъ и об-

ратно за сотни и даже за тысячи верстъ, а также какая масса пропадаетъ времени, считая, что каждый рабочій проводитъ въ пути цѣлыя недѣли. Милліоны рублей и милліоны дней пропадаютъ у населенія ежегодно совершенно даромъ и, чѣмъ хуже годъ, тѣмъ больше потеря, такъ какъ огромному большинству приходится тогда возвращаться вспять, не нашедши работы. Тогда приплачивается и казна, доставляющая этихъ неудачниковъ домой безплатно.

Но пагубнѣе всего отзываются отхожіе промыслы на подросткахъ, (а не слѣдуетъ забывать, что изъ малорусскихъ губерній выходитъ въ Новороссію весь цвѣтъ молодежи) и въ особенности на дѣвушкахъ, которыя, вдали отъ надзора родителей, почти поголовно нравственно падаютъ, а мальчики пріучаются къ пьянству и разгулу. При этомъ настоящимъ бичомъ являются скверныя болѣзни, заразившись которыми, парни и дѣвки, по возвращеніи домой, заражаютъ свои семьи.

Плохо теперь приходится пришлымъ рабочимъ, но это еще все ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ ихъ въ недалекомъ будущемъ. Населеніе въ Новороссіи быстро ростетъ, какъ вслѣдствіе естественнаго прироста, такъ и путемъ переселеній, все болѣе и болѣе совершенствующееся «машинное хозяйство» позволяетъ владѣльцамъ постепенно сокращать количество рабочихъ, спросъ на нихъ съ каждымъ годомъ уменьшается и это уменьшеніе идетъ crescendo А предложеніе изъ губерній, гдѣ населеніе также быстро возростаетъ, вслѣдствіе естественнаго прироста, не регулируемаго правильно устроеннымъ переселеніемъ, тоже увеличивается crescendo. Пройдетъ десять-двадцать лѣтъ—и югъ Россіи окажется настолько населеннымъ, что будетъ совершенно свободно обходиться безъ помощи тѣхъ сотенъ тысячъ пришлыхъ рабочихъ, которые находятъ здѣсь теперь и работу и хлѣбъ. Куда же двинутся тогда эти сотни тысячъ лишнихъ людей, которые къ тому времени выростутъ въ милліоны? Вотъ разрѣшеніе-то этого вопроса, пока тихаго и мирнаго, но который можетъ принять грозныя формы, и должно составить ближайшую общую задачу правительства, земства и общества.